

АЛИСТЕР МАКГРАТ

КЛАЙВ СТЕЙПЛЗ

ЛЬЮИС

ЧЕЛОВЕК, ПОДАРИВШИЙ МИРУ
НАРНИЮ

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ПРОРОКА, КОТОРОГО ПРИНИМАЮТ ЗА СКАЗОЧНИКА

Жизнь гениев. Книги о великих людях

Алистер Макграт

**Клайв Стейплз Льюис. Человек,
подаривший миру Нарнию**

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111.09
ББК 83.3(4Вел)-8

Макграт А.

Клайв Стейплз Льюис. Человек, подаривший миру Нарнию /
А. Макграт — «Эксмо», 2013 — (Жизнь гениев. Книги о великих
людях)

ISBN 978-5-04-094274-9

Вышедшая к 50-летию кончины К. С. Льюиса биография написана на огромном фактическом материале. Алистер Макграт досконально изучил не только все написанное знаменитым «Джеком», включая обширнейшую переписку и дневники, но и множество до сих пор не учтенных исследователями документов и воспоминаний. Эта биография не только рассказывает читателю о жизни знаменитого писателя, ученого и апологета, но и предлагает авторские «ключи» к пониманию его творчества, одновременно разнообразного и непостижимо цельного. Автор сделал все, чтобы приобщить читателей к основному вдохновению Льюиса – радостному и трепетному ощущению таинственного мира, просвечивающего сквозь реальность.

УДК 821.111.09
ББК 83.3(4Вел)-8

ISBN 978-5-04-094274-9

© Макграт А., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Предисловие	8
Часть I	13
Глава 1. 1898–1908	13
Семья Льюисов	14
Двусмысленный ирландец: загадка ирландской культурной идентичности	16
В окружении книг: предвестия писательского призвания	19
Одиночество: Уорни отправляется в Англию	20
Радость: первая встреча	21
Смерть Флоры Льюис	23
Глава 2. 1908–1917	25
Школа Виньярд, Уотфорд. 1908–1910	26
Школа Шербур, Малверн. 1911–1913	26
Колледж Малверн. 1913–1914	29
Букхэм и «Великий Придира». 1914–1917	31
Угроза призыва	34
Поступление в Оксфордский университет	35
Глава 3. 1917–1918	38
Странный случай «не слишком важной» войны	38
Прибытие в Оксфорд. Апрель 1917 года	39
Кадет в колледже Кибл	41
Воспоминания Льюиса об Оксфорде военной поры	44
Отбытие во Францию. Ноябрь 1917 года	48
Ранен в бою: наступление на Риес дю Винаж. Апрель 1918 года	50
Льюис и миссис Мур: начало отношений	52
Часть II	55
Глава 4. 1919–1927	55
Классические языки: студент Университи. 1919 год	55
Альберт Льюис озабочен судьбой сына	58
Академические достижения: приз канцлера за лучшее эссе. 1921 год	59
Успехи и провалы: академические достижения и безработица	60
Миссис Мур: краеугольный камень в жизни Льюиса	64
Диплом по английской литературе. 1922–1923	65
Член Магдален-колледжа	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Алистер Макграт Клайв Стейплз Льюис. Человек, подаривший миру Нарнию

Alister McGrath

C.S. Lewis – A Life

Originally published in English in the U.S.A. under the title: C.S. Lewis – A Life, by Alister McGrath

Copyright © 2013 by Alister McGrath

© Сумм Л. Б., перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Алистер Макграт проливает новый свет на судьбу несравненного К. С. Льюиса. Это насущная книга.

Эрик Метаксас,

*автор бестселлера «Дитрих Бонхеффер:
праведник мира против Третьего рейха»*

Новая биография К. С. Льюиса великолепна. Она богата информацией, полученной в результате тщательного исследования, но при этом читается очень легко. Много внимания уделено формированию характера Льюиса, представлен проницательный и точный анализ всех его основных трудов. Я был в числе тех новообращенных американцев-евангеликов, кто на рубеже 1960–1970-х жадно глотал книги Льюиса. Он оказал на меня глубокое и непреходящее влияние, а доктор Макграт убедительно объясняет, почему и сегодня множество христианских наставников и верующих могут сказать о себе то же самое.

Тимоти Келлер,

автор бестселлера The Reason for God

Нам казалось, мы знаем о К. С. Льюисе почти все. Новая биография, написанная Алистером Макгратом, опирается на архивы и иные источники, позволяющие прояснить и углубить наше понимание многих сторон одного из величайших христианских апологетов. Это замечательное исследование.

Н. Т. Райт,

автор книги «Просто христианин»

Алистер Макграт написал скрупулезное, честное, проникновенное исследование жизни потрясающего человека. Его книга помещает Льюиса в контекст его профессии и социального окружения и разворачивает перед нами убедительный рассказ о том, как Льюис пришел к христианству и как

совершенствовался в нем. Обязательное чтение для поклонников Льюиса и для специалистов.

*Алан Джейкобс,
автор бестселлера «Нарниец»*

Если кто-то сомневался, нужна ли нам еще одна биография К. С. Льюиса, этот увлекательный, пронизательный, подчас неожиданный портрет знаменитого оксфордского христианина послужил бы однозначным ответом на этот вопрос.

*Лайл Дорсет,
составитель сборника «Главное о К. С. Льюисе» (The Essential C. S. Lewis)*

Удачное дополнение к имеющейся биографической литературе о К. С. Льюисе с рядом ценных открытий. Книга Макграта по праву займет место в науке о Льюисе благодаря блистательному и, на мой взгляд, неоспоримому решению вопроса о точной дате обращения Льюиса. Поразительно, как мы все так долго не замечали бросающуюся в глаза ошибку!

*Майкл Уорд,
автор книги «Планета Нарния»*

* * *

*Российское издание этой книги мы посвящаем светлой памяти
Натальи Леонидовны Трауберг – человека, который за руку привел К. С.
Льюиса в Россию.*

Переводчик и редактор

Н. Л. Трауберг в Уитон-колледже, Иллинойс, США, 1996.

Предисловие

Кто такой Клайв Стейплз Льюис? Для многих, возможно, для большинства, Льюис – создатель волшебного мира Нарнии, автор одной из самых известных в XX веке и вызывающей острые споры серии детских книг, которая и поныне привлекает влюбленных читателей и продается миллионными тиражами. Через пятьдесят лет после своей смерти Льюис остается одним из самых влиятельных писателей нашей эпохи. Наряду со своим столь же знаменитым оксфордским коллегой и другом Дж. Р. Р. Толкином, автором «Властелина колец», Льюис воспринимается как крупное явление в истории литературы и культуры. Оба этих оксфордских мыслителя оказали глубокое влияние на литературу, впоследствии – и на кинематограф. Но без Льюиса «Властелин колец» мог бы остаться ненаписанным. Льюис, конечно, создавал и собственные бестселлеры, но он, помимо того, оказался повивальной бабкой толкиновского шедевра и даже выдвигал друга и его эпос на Нобелевскую премию 1961 года. Уже этого было бы достаточно, чтобы историю Льюиса стоило рассказать.

Но этим Льюис далеко не исчерпывается. Его многолетний друг Оуэн Барфилд однажды заметил, что Льюисов на самом деле трое. Помимо Льюиса, автора сказок и романов-бестселлеров, был второй, не столь известный Льюис – христианский мыслитель и апологет, стремившийся разъяснить и передать читателям интеллектуальную и творческую мощь христианской веры, которую он открыл для себя в середине жизни и признал логически и духовно убедительной.

Его «Просто христианство», к осязаемой досаде некоторых, часто входит в список самых влиятельных религиозных трудов двадцатого столетия. Возможно, из-за публично выражаемой преданности христианству Льюис превратился в неоднозначную фигуру: он вызывает любовь и восхищение у тех, кто разделяет его приверженность христианству, и насмешки, даже презрение кое-кого из тех, кто этой приверженности не понимает. Но хорошо ли христианство или плохо, оно, безусловно, *важно*, а Льюис, вероятно, самый надежный и влиятельный представитель того самого «просто христианства», которое он отстаивал.

Но есть и третий Льюис, должно быть, наименее известный большинству поклонников и критиков: почтенный оксфордский дон и литературный критик, собиравший полные аудитории вдохновенными рассуждениями об английской литературе. Позднее он возглавил только что созданную в Кембридже кафедру средневековой и ренессансной литературы. Мало кто из нынешних читателей знаком с его «Предисловием к “Потерянному раю”» (1942), но в свое время этот текст задал новые стандарты ясности и проницательности.

Профессиональное призвание Льюиса привело его в «рощи Академа». Избрание в Британскую академию в июле 1955 года официально подтвердило высочайшую репутацию ученого. И все же кое-кому в академическом мире коммерческий, популярный успех казался несоместимым с какими-либо притязаниями на ученость. Начиная с 1942 года и до конца жизни Льюису приходилось отстаивать научность своих трудов, подрываемую более популярными его сочинениями, например, легковесными размышлениями над бесовским миром Баламута.

Как же соотносятся друг с другом три Льюиса? Это изолированные сущности или они связаны между собой? И как они возникли и развивались? Наша книга ставит целью, опираясь на труды Льюиса, рассказать о том, как росло и находило пути выразить себя его мировоззрение. Мы не будем подробно документировать каждый аспект жизни Льюиса, но сосредоточимся на исследовании интересных и сложных связей между его внутренним и внешним миром. Итак, биография строится вокруг реальных и воображаемых сфер, где обитал Льюис, – главным образом это Оксфорд, Кембридж и Нарния. Как развитие его идей, его воображения вписывается в тот мир, где он жил? Кто способствовал формированию этого интеллектуального и творческого видения реальности?

Мы поговорим о восхождении Льюиса к славе и возможных причинах такого успеха, но не забудем еще вот о чем: одно дело – прославиться, другое – оставаться в центре внимания и через пятьдесят лет после смерти. Многие критики в 1960-х были уверены, что слава Льюиса недолговечна. Это лишь вопрос времени, говорили тогда многие, самое большее – десять лет, и забвение поглотит его имя. Именно по этой причине в последней главе мы попытаемся разобраться не только в том, как Льюис сделался столь авторитетной и влиятельной фигурой, но и почему остается ею поныне.

Среди наиболее важных биографий Льюиса есть написанные теми, кто знал его лично. Они сохраняют свою ценность как описание Льюиса-человека и предлагают некоторые существенные суждения о его характере. В то же время обширные исследования последних двух десятилетий прояснили исторические вопросы (например, роль Льюиса в Первой мировой), глубоко разобрали различные аспекты интеллектуального пути Льюиса и обеспечили нас комментированным прочтением главных его работ. Настала пора соединить эти нити и представить понимание Льюиса, прочно опирающееся на прежние работы, но выходящее за их пределы.

Любая попытка разобраться в том, как Льюис оказался на виду, должна учитывать его личное нежелание играть публичную роль. Он сделался пророком своего времени и следующих десятилетий, однако нужно помнить, что пророком он стал *против воли*. Даже обращение в христианство произошло как бы вопреки его собственным логическим доводам, а приняв веру, он вынужденно стал обсуждать ее главным образом из-за молчания или невнятности тех, кто, по его мнению, гораздо лучше его самого подходил для публичных высказываний по религиозным и богословским вопросам. А еще Льюис представляется эксцентриком в точном смысле слова – человеком, отклоняющимся от признанных, традиционных или установленных норм и схем, смещенным относительно центра. Его странные отношения с миссис Мур, которые нам предстоит достаточно подробно обсудить, выходят далеко за пределы британских социальных норм 1920-х годов. Многие коллеги Льюиса в Оксфорде стали воспринимать его как маргинала примерно с 1940 года как из-за его слишком явного христианского мировоззрения, так и из-за неполагающегося ученому дара писать популярные художественные книги и апологетические сочинения. Как известно, Льюис подтвердил свой разрыв с господствующими среди ученых современников тенденциями, когда в инаугурационной лекции в Кембриджском университете (1954) назвал себя динозавром. Отклонение от центра ощутимо и в религиозной жизни Льюиса. Хотя он сделался чрезвычайно влиятельным голосом британского христианства, работал он более на периферии, чем в центре, и не тратил время на контакты с ключевыми фигурами религиозного истеблишмента. Вероятно, эта черта Льюиса привлекла часть СМИ, желавших услышать подлинный голос веры, исходящий не от иерархических структур господствующих церквей.

Цель этой биографии – не прославлять Льюиса и не осуждать его, но постараться понять: и в первую очередь понять, каковы его идеи и какое выражение они обрели в его творчестве. Задача облегчается тем, что практически все наследие Льюиса, насколько известно, уже опубликовано, а также сложился убедительный корпус научной литературы, посвященной его трудам и идеям.

Обширный биографический и исследовательский материал по Льюису и его кругу способен перегрузить читателя мельчайшими деталями. Человек, пытающийся разобраться в Льюисе, подвергается природному явлению, которое американская поэтесса Эдна Сент-Винсент Миллэ (1892–1950) именовала льющимся с неба «метеоритным потоком фактов»¹. Как бы найти способ соединить факты и извлечь из них смысл, а не накапливать без толку информацию, вопрошала она. Эта биография добавляет кое-какие сведения к тому, что уже было

¹ Millay, E. V. Collected Sonnets. N.Y., 1988. P. 140.

известно о жизни Льюиса, но в большей степени старается осмыслить все данные. Как же соединить факты, чтобы проступил узор? Эта биография не станет очередным парадом огромной армии фактов, образов и событий, это будет попытка выявить подспудные темы и размышления и оценить их значимость. Мы займемся не столько обзором, сколько анализом.

Публикация в 2000–2006 годах всего свода льюисовских писем, тщательно прокомментированных Уолтером Хупером, с перекрестными ссылками, стала важной вехой в исследованиях Льюиса. Эти письма, совокупным объемом около 3500 страниц, открывают автора – нашего героя – с такой стороны, которая была попросту недоступна прежним поколениям биографов. И, как кажется, самое главное: они складываются в непрерывный конспект, который можно положить в основу рассказа о жизни Льюиса. Вот почему в этой книге письма цитируются чаще, чем любые другие источники. Как станет ясно, внимательное чтение писем побуждает пересмотреть и уточнить некоторые давно установившиеся даты жизненного пути Льюиса.

Итак, это критическая биография, рассматривающая доказательства в пользу существующих теорий и подходов и по необходимости их корректирующая. В большинстве случаев исправления удастся сделать легко, на ходу, поэтому я не видел смысла привлекать к ним внимание. С другой стороны, следует с самого начала честно предупредить читателей, что утомительный и все же обязательный процесс – сверять каждую мелочь с документальным свидетельством – привел меня к выводу, который вынуждает спорить не только со всеми известными мне специалистами по Льюису, но и с самим Льюисом. Речь идет о дате «обращения», восставления веры в Бога. Сам Льюис в книге «Настигнут радостью» (1955) называет «Троицын триместр 1929», то есть между 28 апреля и 22 июня 1929 года².

Эта дата добросовестно воспроизводилась в любом доньше выходявшем исследовании. Однако внимательное чтение документального материала указывает на более позднюю дату, это мог быть март, а вероятнее – именно Троицын триместр, но 1930 года. По этому вопросу я противостояю всем коллегам, и читатель вправе знать, что здесь я пребываю в совершенном одиночестве.

* * *

Из сказанного уже ясно, что для появления новой биографии Льюиса к пятидесятилетию его смерти (1963) специальных обоснований не требуется. Но, вероятно, есть нужда в том, чтобы как-то подтвердить мое право стать биографом. В отличие от предшественников, таких, как многолетние друзья Льюиса Джордж Сэйер (George Sayer, 1914–2005) и Роджер Ланселин Грин (Roger Lancelyn Green, 1918–1987), я никогда не знал его лично. Я познакомился с Льюисом через посредство его книг, когда мне было за двадцать, а он уже десять лет покоился в могиле. Год за годом на протяжении двадцати лет я все более проникался уважением и восхищением, смешанными с неутолимой любопытством и тревожащими вопросами. У меня нет воспоминаний, проливающих свет на биографию Льюиса, нет частной информации и личных документов, на которые я мог бы опереться. Любой использованный в этой книге источник либо находится в общем пользовании, либо доступен для изучения.

Эта книга написана человеком, открывавшим для себя Льюиса через написанное им, и обращена к тем, кто знакомился с ним таким же путем. Тот Льюис, какого я знаю, близок мне словами и мыслями, а не личным знакомством. Если ранние биографы именовали Льюиса Джеком, я счел правильным неизменно называть его Льюисом, главным образом для того,

² См.: Льюис К. С. Настигнут радостью // Собр. соч.: в 8 т. М.: Фонд им. о. Александра Меня; СПб.: Библия для всех, 2003–2006. Т. 7. С. 429. В другом месте автобиографии Льюис называет это событие «изумительным пробуждением» (с. 320). [Здесь и далее ссылки на все опубликованные в России тексты Льюиса даются по российским изданиям, большей частью – на его восьмитомное собрание сочинений. В квадратных скобках даны дополнения редактора.]

чтобы подчеркнуть существующую между нами дистанцию. И я думаю, что «мой» Льюис – именно такой, каким он хотел бы предстать перед грядущими поколениями. Почему я в этом уверен? На всем протяжении 1930-х годов Льюис подчеркивает: главное в писателях – *тексты*, которые они создают. Важно в первую очередь то, что говорят сами тексты, авторы же не должны превращаться в «зрелище», они скорее тот «оптический прибор», через который мы, читатели, видим себя, окружающий мир и всю систему отношений, включающую и нас самих. Льюис проявлял на удивление мало интереса к личной истории великого английского поэта Джона Мильтона (1608–1674) и даже к политическому и социальному контексту, в котором тот существовал, его занимали только труды Мильтона, только его *идеи*. Подход, который Льюис рекомендует при изучении Мильтона, следует применить и к самому Льюису. В этой книге я всюду, где мог, старался вникать в его работы, доискиваться до их смысла и оценивать их значение. Хотя я не был лично знаком с Льюисом, некоторые места его миров знакомы мне хорошо, вероятно, лучше, чем большинству. Как и Льюис, я провел детство в Ирландии, главным образом в Даунпатрике, столице графства Даун, чьи «нежные холмы» Льюис знал, любил и так прекрасно описывал. Я бродил там, где он когда-то гулял, останавливался там же, где он, дивился тем же пейзажам. Я тоже ощущал мечту или тоску при виде дальних голубых гор Морна из окна моего дома. Как и мать Льюиса, Флора, я учился в Методистском колледже Белфаста.

И Оксфорд мне тоже хорошо известен, я провел там семь лет после краткого пребывания в другом университете Льюиса, Кембридже, а затем вернулся и четверть века преподавал и занимался научной работой, став в итоге главой кафедры исторического богословия Оксфордского университета и «главой дома», как называется эта должность в Оксфорде. Подобно Льюису, я был в юности атеистом, пока не обнаружил интеллектуальное богатство христианской веры. Как Льюис, я предпочел выражать и воплощать эту веру в конкретной форме Англиканской церкви. И наконец, как человек, которому часто приходится выступать с публичной защитой христианской веры от критиков, я оценил идеи и подходы Льюиса и использовал их. На мой взгляд, пусть не все, но многие из них сохраняют, хотя бы отчасти, вложенную в них искру и мощь.

* * *

И напоследок два слова о примененном в этой биографии методе. Ядро исследования сложилось в результате пристального чтения всего опубликованного под именем Льюиса, включая его письма, в строго хронологическом порядке *написания*, с целью проследить развитие его мысли и стиля. То есть «Кружной путь» (*The Pilgrim's Regress*) будет отнесен к августу 1932 года, когда он был написан, а не к маю 1933-го, когда состоялась публикация. Этот процесс глубокого погружения в первоисточники занял пятнадцать месяцев, и за ним последовало чтение или же критическое перечитывание существенной специальной литературы о Льюисе, его дружеском круге, интеллектуальном и культурном контексте, в котором все они жили, думали и писали. Под конец я изучил неопубликованный архивный материал, значительная часть которого хранится в Оксфорде: он также проливает свет на историю формирования Льюиса и на интеллектуальный и институциональный контекст его творчества.

Уже на первом этапе работы стало ясно, что некоторые академические вопросы, возникающие при таком подробном исследовании, заслуживают специального и более формального исследования, а в этой книге я постарался обойтись без лишних формальностей, примечания и библиография сведены к минимуму. Я хотел рассказать историю, а не разрешить раз и навсегда сложные и по необходимости утопающие в деталях академические споры. Однако читателям, вероятно, интересно узнать, что в скором времени последует и более академический том, где

можно будет увидеть большую строгость в исследовании и доказательства некоторых положений и выводов настоящей биографии³.

Но довольно прамбул и извинений. Наша история началась давно и далеко отсюда, в ирландском городе Белфасте, в 1890-е годы.

Алистер Э. Макграт
Лондон

³ McGrath, A. The Intellectual World of C. S. Lewis. Oxford and Malden, MA, 2013.

Часть I Начало

Глава 1. 1898–1908

Нежные холмы Дауна детство в Ирландии

«Я родился зимой 1898 года в Белфасте, отец мой был юристом, мать – дочерью священника»⁴. 29 ноября 1898 года Клайв Стейплз Льюис явился в мир, кипевший политическими и социальными раздорами и требовавший перемен. До разделения Ирландии на Северные графства и независимую Республику оставалось еще два десятилетия, но конфликт, который приведет в итоге к искусственному политическому раздроблению острова, был уже всем очевиден. Льюис родился в средоточии протестантской Ирландии, так называемого «протестантского господства», в пору, когда каждый аспект этого института – политический, социальный, религиозный и культурный – оказался под угрозой.

Колонизация Ирландии, осуществленная в XVI–XVII веках английскими и шотландскими поселенцами, вызывала у обездоленных коренных жителей глубокое политическое и социальное негодование. Протестантские колонисты отличались от местных католиков-ирландцев и языком, и верой. В правление Кромвеля «протестантские плантации» умножились, с XVI века складываясь как англоязычные протестантские острова в ирландском католическом море. Собственная элита Ирландии была вскоре вытеснена новым протестантским истеблишментом. Акт об Унии (1800) превратил Ирландию в часть Соединенного королевства с прямым управлением из Лондона. Хотя численно протестанты составляли меньшинство и занимали преимущественно северные графства Даун и Антрим, включая промышленный Белфаст, в культурной, экономической и политической жизни Ирландии они главенствовали.

Но все это вскоре должно было измениться. В 1880-х годах Чарльз Стюарт Парнелл (1846–1891) и его товарищи развернули агитацию за самоуправление Ирландии (гомруль). В 1890-е ирландский национализм был на подъеме, вновь обретенным чувством ирландской культурной идентичности стимулировалось и желание обрести независимость. Движение было заметно окрашено католической идеологией и радикально противостояло всем формам английского влияния в Ирландии, включая и спортивные игры вроде регби и крикета. Что важнее, английский язык тоже начали рассматривать как орудие колониального угнетения. В 1893 году была основана Гэльская лига (*Conradh na Gaeilge*) для поощрения изучения и использования ирландского языка. Это опять-таки рассматривалось как отстаивание ирландской идентичности против английских культурных норм, все острее воспринимавшихся как чуждые.

По мере того как требования ирландского самоуправления звучали громче и убедительнее, многие протестанты стали ощущать угрозу, опасаясь утраты привилегий и даже гражданской войны. Протестантская община Белфаста в начале 1900-х годов была, что неудивительно, чрезвычайно изолированной, избегала каких-либо социальных или профессиональных контактов с соседями-католиками. (Старший брат Клайва Уоррен (Уорни) впоследствии вспоминал, что ему ни разу не довелось пообщаться с католиком из своей социальной страты вплоть до поступления в Королевский военный колледж Сэндхерста в 1914 году⁵). Католик был «Другим», странным, непостижимым, а главное – угрожающим. С молоком матери Льюис впитал

⁴ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 275.

⁵ Lewis, W. H. C. S. Lewis: A Biography (Unpublished). 1974. P. 27.

враждебность и недоверие к католицизму. Когда маленького Клайва приучали к горшку, няня-протестантка имела обыкновение именовать его экскременты «папистами». Многие отказывались и отказываются до сих пор причислять Льюиса к подлинной и идентичной ирландской культуре на том основании, что он – ольстерских, протестантских корней.

Семья Льюисов

Ирландская перепись 1901 года зафиксировала имена всех, кто «спал или пребывал» в доме Льюисов в восточной части Белфаста в ночь на воскресенье 31 марта 1901 года. Учитывалась масса личных сведений – родственные отношения, конфессия, уровень образования, возраст, пол, профессия и социальный статус, а также место рождения. Хотя большинство биографов помещают дом Льюисов по адресу «авеню Дандела, 47», в переписи указан «дом 21 по авеню Данделла [так!] (Виктория, Даун)»⁶. Перечень жителей этого дома вполне точно отражает обычный состав семейства в начале XX века:

Альберт Джеймс Льюис, глава семьи, церковь Ирландии, умеет читать и писать, 37, М, поверенный, женат, город Корк.

Флоренс Августа Льюис, супруга, церковь Ирландии, умеет читать и писать, 38, Ж, замужняя, графство Корк.

Уоррен Гамильтон Льюис, сын, церковь Ирландии, умеет читать, 5, М, ученик, город Белфаст.

Клайв Стейплз Льюис, сын, церковь Ирландии, не умеет читать, 2, М, город Белфаст.

Марта Барбер, служанка, пресвитерианка, умеет читать и писать, 28, Ж, няня – домашняя прислуга, незамужем, графство Монахан.

Сара Энн Конлон, служанка, католичка, умеет читать и писать, 22, Ж, повар-домашняя прислуга, незамужем, графство Даун.

Как указывает первая строка списка, отец Льюиса, Альберт Джеймс Льюис (1863–1929) родился в городе Корке того же графства, на юге Ирландии. Дед Клайва Льюиса, Ричард Льюис, котельщик, переехал из Уэллса в Корк вместе со своей женой-ливерпулькой в начале 1850-х годов. Вскоре после рождения Альберта семья переехала на север, в промышленный город Белфаст, где Ричард в партнерстве с Джоном МакИвэном основал успешную компанию «МакИвэн, Льюис и К^о, инженеры-кораблестроители». Наверное, самым интересным проектом этой маленькой компании стало первое судно под названием «Титаник», маленький стальной пароход водоизмещением всего 1608 тонн, построенный в 1888 году⁷.

Но в кораблестроительной отрасли Белфаста с 1880-х годов происходили существенные изменения, ключевые позиции захватывали крупные верфи «Харланд и Вольф» и «Воркман Кларк». Маленьким верфям экономическое выживание давалось все труднее. В 1894 году «Воркман Кларк» поглотила «МакИвэн, Льюис и К^о». Более знаменитая версия «Титаника», тоже белфастская, сошла со стапелей «Харланд и Вольф» в 1911 году, и ее водоизмещение уже превышало 26 000 тонн. Но если шедевр «Харланд и Вольф», как известно, затонул в 1912 году, как только впервые вышел в океан, то маленькое суденышко «МакИвэн и Льюис» продолжало под разными именами трудиться в южноамериканских водах вплоть до 1928 года.

Альберт не обнаружил интереса к кораблестроительству и дал родителям понять, что его привлекает профессия юриста. Ричард Льюис, наслышанный о прекрасной репутации колледжа Лурган во главе с директором Уильямом Томпсоном Кёркпатриком (1848–1921), записал

⁶ См.: census.nationalarchives.ie/reels/nai000721989/. Запись «Не умеет читать» добавлена другим почерком.

⁷ Lloyds Register of Shipping. № 93171.

сына пансионером⁸. Педагогический талант Кёркпатрика произвел на Альберта глубокое впечатление за годы учебы в этой школе. Он закончил ее в 1880 году и отправился в Дублин, столицу Ирландии. Там он проработал пять лет в фирме «Маклин, Бойл и Маклин». Приобретая необходимый опыт и лицензию солиситора, Альберт в 1884 году вернулся в Белфаст и открыл частную практику на престижной Ройял-авеню.

Акт Высшего суда Ирландии в 1877 году, следуя английской системе, жестко разграничил юридические обязанности солиситора и барристера, так что в начале своего пути каждый ирландский юрист должен был определиться, какой именно круг дел он предпочитает взять на себя. Альберт Льюис сделался солиситором, то есть он действовал непосредственно по поручению клиентов, в том числе представлял их в суде низшей инстанции. Барристеры выступали как адвокаты в уголовных делах, и солиситоры обращались к ним за помощью, когда клиенту требовалась защита в судах более высокого уровня⁹.

Мать Льюиса, Флоренс (Флора) Августа Льюис (1862–1908), родилась в Куинстауне (ныне Ков), в графстве Корк. Дед Льюиса по матери, Томас Гамильтон (1826–1905), был священником Церкви Ирландии, классическим представителем «протестантского господства», которое начинало шататься по мере того, как в начале XX века росло культурное значение и политическое влияние ирландского национализма. Церковь Ирландии считалась главенствующей, хотя в 22 из 26 графств Ирландии к ней принадлежало меньшинство верующих. Когда Флоре исполнилось восемь лет, ее отец занял должность капеллана церкви Св. Троицы в Риме, и там семья жила с 1870 по 1874 год.

В 1874 году Томас Гамильтон возвратился в Ирландию в качестве настоятеля церкви Дандела в районе Баллихакамор восточного Белфаста. Одно и то же временное строение использовалось по воскресеньям в качестве храма и как школа в будни. Вскоре стало ясно, что требуется более основательное решение, и началось строительство новой церкви. Ее возводили по заказному проекту знаменитого английского церковного зодчего Уильяма Баттерфилда. В мае 1879 года Гамильтон был утвержден в должности настоятеля только что возведенной приходской церкви Св. Марка в Данделе.

Ныне ирландские историки постоянно ссылаются на пример Флоры Гамильтон как на доказательство усиливавшейся роли женщин в культурной и академической жизни Ирландии на исходе XIX века¹⁰. Она посещала методистский колледж Белфаста, это была школа для мальчиков, созданная в 1865 году, но уже в 1869-м, в ответ на растущую потребность в женском образовании, здесь открылись «дамские классы»¹¹. Флора проучилась в школе один семестр 1881 года, а затем перешла в Ирландский королевский университет Белфаста (ныне университет Квинз) и в 1886 году закончила его с дипломом первой степени по логике и второй степени по математике¹² (со временем станет ясно, что математических способностей матери Льюис не унаследовал).

Когда Альберт Льюис сделался прихожанином церкви Св. Марка в Данделе, он сразу же заприметил дочь настоятеля. Постепенно и Флора прониклась к нему интересом, отчасти – благодаря изрядной начитанности Альберта. Он еще в 1881 году вступил в литературное общество Бельмонта и быстро завоевал репутацию лучшего оратора этого собрания. Репута-

⁸ *Wilson, I.* William Thompson Kirkpatrick (1848–1921) // Review: Journal of the Craigavon Historical Society 8. № 1 (2000–2001). P. 33.

⁹ В американской юридической практике эти две профессии с конца XIX века сливаются. Американский поверенный может выступать в любой из этих ролей или в обеих.

¹⁰ *Harford, J.* The Opening of University Education to Women in Ireland. Dublin, 2008. P. 78.

¹¹ *Henderson, J. W.* Methodist College, Belfast, 1868–1938: A Survey and Retrospect. 2 vols. Belfast, 1939. Vol. 1. P. 120–130. Отметим, что школа, основанная в 1865 году, открылась только в 1868-м.

¹² *Ibid.* Vol. 1. P. 127. Диплом первой степени (часто именуемый просто «Первым») британской экзаменационной системы в американской системе образования приравнивается к GPA 4.0 [GPA – средняя оценка, полученная за время учебы].

цию человека с литературным талантом он сохранит до конца жизни. В 1921 году, на пике его карьеры солиситора, газета *Ireland's Saturday Night* поместила карикатуру на Альберта Льюиса: он изображен в мантии, как полагалось солиситору в суде, но под мышкой у него университетская шапочка, а под другой – художественная книга. Позднее в некрологе *Belfast Telegraph* назвала Альберта «начитанным и эрудированным человеком», известным своим пристрастием вставлять цитаты в судебные речи: «отдохновение от битв закона он обретал в чтении»¹³.

После подобающего продолжительного ухаживания Альберт и Флора обвенчались 29 августа 1894 года в церкви Св. Марка в Данделе. Первенец, Уоррен Гамильтон, родился 16 июня 1895 года в их собственном доме «Вилла Дандела» в восточном Белфасте. Клайв был их вторым и последним ребенком. Перепись 1901 года сообщает, что на тот момент у Льюисов было двое слуг и, что необычно для протестантских семей, одна из служанок, Сара Энн Конлон, принадлежала к католической конфессии. Возможно, устойчивое отвращение Льюиса к религиозным разделением, проявившееся в концепции «просто христианства», проистекало из детских воспоминаний.

Чуть ли не с рождения Льюис был глубоко привязан к старшему брату, Уоррену, эта связь отражалась и в их прозвищах: Клайв был «поросычья попка», а Уоррен «архипопка». Эти ласковые имена были подсказаны частыми (и порой воплощавшимися на деле) угрозами няни отшлепать их «поросычьи попки», если мальчики не уймутся. Отца братья именовали «Pudaitabird» или «P'dayta» (так он произносил на белфастский манер слово *potato*, «картофель»). Эти детские прозвища вновь обретут глубину и смысл, когда братья в конце 1920-х воссоединятся и восстановят былую близость¹⁴. Уорни датирует отказ младшего брата именоваться Клайвом летом 1903 или 1904 года, когда тот внезапно объявил, что отныне он Джекси. Постепенно Джекси было сокращено до Джекса и, наконец, Джека¹⁵. Причины такой перемены остались неизвестными. Некоторые источники намекают, что это имя Клайв позаимствовал у принадлежавшего семье пса, который погиб в результате несчастного случая, но документальными свидетельствами эта гипотеза не подтверждается.

Двусмысленный ирландец: загадка ирландской культурной идентичности

Льюис был ирландцем – при этом некоторые ирландцы об этом забывают, если и знают вообще. Когда я в 1960-е годы подрастал в тех же местах, в Северной Ирландии, о Льюисе – если его и упоминали – отзывались как об «английском писателе». Но сам он не порывал со своими ирландскими корнями. Пейзажи, звук, ароматы – хотя, пожалуй, не *люди* – его родной Ирландии пробуждали во взрослом Льюисе ностальгию и деликатно, однако весьма существенно влияли на его художественную прозу. В письме 1915 года Льюис с нежностью вспоминает Белфаст, «отдаленный гул верфи», широкий Белфастский залив, гору Кейв и горные лощины, долины и холмы вокруг города¹⁶.

Но Ирландия была для Льюиса чем-то большим, чем «нежными холмами». Ее культура отличается страстной любовью к повествованию, которая порождает и мифологию, и исторические хроники, и бурное цветение языка. Правда, Льюис никогда не превращал свое ирландское происхождение в фетиш, оно составляло некую часть души, не определяя ее целиком. Даже в 1950-е годы Льюис продолжал называть Ирландию своим домом, своей родиной, и

¹³ *Belfast Telegraph*. 1929. 28 September.

¹⁴ См. в особенности письмо Льюиса брату от 2 августа 1928 (*The Collected Letters of C. S. Lewis*. Ed. by W. Hooper. 3 vols. San Francisco: HarperOne, 2004–2006 [далее – *Letters*]. Vol. 1. P 768–777), где много подобного рода намеков.

¹⁵ *Lewis, W. H.* Memoir of C. S. Lewis // *The Letters of C. S. Lewis*. Ed. by W. H. Lewis. L., 1966. P. 2.

¹⁶ Письмо Артуру Гривзу от 30 марта 1915 // *Letters*. Vol. 1. P. 114.

именно туда отправился на запоздалый медовый месяц с Джой Дэвидсон в 1958 году. Он вдоволь надышался в детстве мягким и сырым воздухом Ирландии и никогда не забывал ее природную красоту.

Те, кто бывал в графстве Даун, едва ли могли не узнать в ирландских пейзажах прототипы созданных Льюисом чудесных литературных ландшафтов. «Изумрудно-зеленый» рай «Расторжения брака» – точное подобие его малой родины. Дольмены Легананни в графстве Даун, гора Кейв Хилл под Белфастом, белфастская гора Кейв, «Мостовая гигантов» (Giant's Causeway) – всему найдется соответствие в Нарнии, возможно, смягченное и приукрашенное, но все же достаточно близкое.

Льюис часто называет Ирландию источником поэтического вдохновения: ее пейзажи сильно стимулируют воображение. Ирландскую политику Льюис недолюбливал и склонен был представлять себе ирландскую идиллию сплошь из округлых холмов, лесов, туманов и заливов. Ольстер, записал он как-то раз в дневнике, «очень красив, если б только возможно было выселить ольстерцев и заполнить эти места населением по моему личному выбору, я бы не искал лучшего места для жизни»¹⁷. (Отчасти Нарнию можно рассматривать как воображаемый, идеализируемый Ольстер, населенный вместо ольстерцев существами, которых Льюис выдумал сам.)

Понятие «Ольстер» нуждается в пояснении. Подобно тому как английское графство Йоркшир было разделено на три части (они именовались древнорвежским термином *thrithjungr*, «треть», позднее это слово звучало как «Ridings»), так и Ирландия первоначально делилась на пять регионов (по-гэльски *cúigí* от *coiced*, «пятая часть»). После английского завоевания XII века количество округов сократилось до четырех – Лейнстер, Мюнстер, Ольстер, Коннахт. С этого момента гэльский термин *cúigí* вытесняется термином «провинция». Позднее именно в Ольстере, состоящем из девяти графств, сосредотачивается протестантское меньшинство. При разделении Ирландии в 1921 году шесть из девяти графств образовали новую политическую единицу – Северную Ирландию. Термин «Ольстер» ныне используется как синоним «Северной Ирландии», и «ольстерцами» чаще всего (правда, не всегда) называют живущих в Северной Ирландии протестантов. При этом не учитывается исторический факт: в *cúigí* Ольстер изначально входили еще три графства, Каван, Донегол и Монахан, которые теперь входят в Республику Ирландия.

Льюис всю жизнь проводил в Ирландии каникулы почти ежегодно, если только этому не препятствовала война или болезнь. Он всегда посещал графства Антрим, Дерри, Даун (свое любимое) и Донегол, то есть Ольстер в классическом смысле. Одно время он даже подумывал снять на постоянной основе коттедж в деревне Клоуфи (графство Даун)¹⁸ в качестве базы для ежегодных каникул, зачастую включавших нелегкие пешие походы по горной гряде Морна (в итоге он решил, что такая роскошь ему не по карману). Хотя Льюис работал и жил в Англии, его сердце было навеки отдано северным графствам Ирландии, в особенности Дауну. Однажды он сказал своему студенту-ирландцу Дэвиду Блэкли: «Рай – это Оксфорд, перенесенный в графство Даун»¹⁹.

Если многие ирландские писатели черпали вдохновение в политических и культурных бурях, сопутствовавших борьбе их народа за независимость от Великобритании, то Льюис вдохновлялся главным образом ирландскими пейзажами. По его словам, эти виды успели повлиять на поэзию и прозу его предшественников, главным среди которых для Льюиса был, видимо, Эдмунд Спенсер, автор «Королевы фей» – этот шедевр елизаветинской эпохи Льюис

¹⁷ All My Road before Me: The Diary of C. S. Lewis, 1922–1927. Ed. by W. Hooper. San Diego, 1991. P. 105.

¹⁸ Письмо Уоррену Льюису от 12 января 1930 // Letters. Vol. 1. P. 871.

¹⁹ Bleakley, D. C. S. Lewis at Home in Ireland: A Centenary Biography. Bangor, 1998. P. 53. Льюис также предлагал перенести Оксфорд в графство Донегал, см., напр., его письмо Артуру Гривзу от 3 июня 1917 // Letters. Vol. 1. P. 313.

включал в курс своих лекций и в Оксфорде, и в Кембридже. И он был уверен, что классическая поэма «о странствиях, блужданиях и неутолимом поиске» впитала множество лет, прожитых Спенсером в Ирландии. Иначе откуда бы в ней этот «мягкий и влажный ветер, одиночество, приглушенные очертания гор» или «пронзающие сердце закаты»? С точки зрения Льюиса, который в данном случае позиционирует себя как «ирландца», последующий период жизни Спенсера в Англии ознаменовался убыванием творческой силы его воображения: «За величайшей поэзией Спенсера – долгие годы в Ирландии, за менее значительными стихотворениями – немногие английские годы»²⁰, пишет Льюис, и язык его эхом вторит источнику. В переписке Льюис регулярно прибегает к англо-ирландским оборотам и сленгу с гэльскими корнями. (Например, выражение “make a roog mouth”²¹ происходит от гэльского *an béal bocht*, «жаловаться на бедность», а энергичное “whisht, now!”, означающее «стихни, молчи» – калька гэльского *bí i do thost.*) Другие идиомы связаны скорее с местными особенностями, чем с влиянием гэльского, в том числе забавная фраза «длинный, как лопата из Лургана», то есть «мрачный, с вытянувшимся лицом»²². Хотя интонации Льюиса в радиопередачах 1940-х годов типичны для оксфордского профессора того времени, произношение некоторых употребительных слов – *friend, hour, again* – выдает скрытое влияние Белфаста.

Так почему же Льюиса не превозносят как величайшего ирландского писателя всех времен? Почему в считающемся каноническим Словаре ирландской литературы (*Dictionary of Irish Literature, 1996*) на 1472 страницах не нашлось места для статьи «Льюис К. С.»? Главная причина, конечно, в том, что Льюис не вписывается – надо сказать, отчасти он и сам *предпочел* не вписываться – в ту парадигму ирландской идентичности, которая господствовала на исходе XX века. В некоторых отношениях Льюис воплощал те самые силы и влияния, которые проповедники стереотипной ирландской литературной идентичности предпочитали отбросить. Если в начале XX века Дублин был штаб-квартирой движения за самоуправление и за утверждение собственной ирландской культуры, то родной город Льюиса Белфаст был центром сопротивления как раз подобным тенденциям.

Одна из причин, по которым Ирландия в целом забыла о Льюисе, заключается в том, что он был неправильным ирландцем. В 1917 году Льюис, разумеется, считал себя приверженцем «Школы Новой Ирландии» и подумывал отправить свои стихи в “Maunsel and Roberts”²³, дублинское издательство, имевшее явные связи с ирландским национализмом: в тот самый год оно опубликовало собрание сочинений великого национального поэта Патрика Пирса (Patrick Pearse, 1879–1916). Относя это издательство ко «второму ряду», Льюис выражал надежду, что оттого-то оно и обратит внимание на его творчество²⁴.

Однако уже год спустя позиция Льюиса заметно изменилась. В письме давнему другу Артуру Гривзу (Arthur Greeves, 1895–1966) Льюис делится опасениями, как бы Новая ирландская школа не превратилась в «своего рода проселок интеллектуального мира, вдали от главной дороги». Теперь Льюис понимал, как важно оставаться «на широком шоссе мысли», писать для широкой аудитории, а не той узкой, что определяется некими культурными и политическими конъюнктурами. Издаваться у Монселя означало бы, по словам Льюиса, ассоциировать себя с тем, что едва ли превосходило по размерам «секту». Его ирландская идентичность, вдохновляемая не столько политической историей Ирландии, сколько ее пейзажами, найдет выражение в литературном мейнстриме, а не на «окольном пути»²⁵. Но хотя Льюис пожелал преодолеть

²⁰ *Studies in Medieval and Renaissance Literature*. Cambridge, 2007. P. 126.

²¹ Делать бедный рот (англ.). Здесь и далее звездочками отмечены пояснения переводчика и редактора.

²² Другие примеры см.: *Clare, D. C. S. Lewis: An Irish Writer // Irish Studies Review* 18. 2010. № 1. P. 20–21.

²³ Письмо Артуру Гривзу от 8 июля 1917 // *Letters*. Vol. 1. P. 325.

²⁴ Письмо Артуру Гривзу от 24 июля 1917 // *Ibid*. P. 330.

²⁵ Письмо Артуру Гривзу от 31 августа 1918 // *Ibid*. P. 394.

в себе провинциализм ирландской литературы, он все же остался одним из самых великих и прославленных ее представителей.

В окружении книг: предвестия писательского призвания

Ландшафт Ирландии – несомненно, одно из тех физических влияний, что формировали изобильное воображение Льюиса. Но есть и другой источник, также сильно вдохновлявший его, особенно в юности, – сама литература. Чаще всего среди воспоминаний Льюиса о детстве и юности возникает образ дома, набитого книгами. Альберт Льюис зарабатывал на жизнь в должности полицейского юристконсульта, но сердце его принадлежало чтению.

В апреле 1905 года семейство Льюисов переехало в новый, более просторный дом, только что выстроенный на окраине Белфаста, – дом Либороу на Окружной дороге Стрэндтауна, в разговорной речи «Маленький Ли» или же «Либоро». Братья Льюис рыскали по этому огромному дому, а их фантазия преображала его в дальние страны и сказочные королевства. Оба брата создавали собственные воображаемые миры и кое-что о них уже записывали. Льюис сочинял «Зверландию» с говорящими животными, а Уорни писал об «Индии» (вскоре объединенной со столь же фантастической страной Боксен).

Впоследствии Льюис вспоминал, что в новом доме, куда ни глянь, обнаруживались стопки, груды и полки книг²⁶. Нередкие дождливые дни он проводил в обществе этих творений, находя в них утешение, вольно блуждая по ландшафтам, созданным писательским воображением. Среди книг, буквально рассыпанных по «Новому дому», имелись романтические и мифологические сочинения, которые пробудили юную фантазию Льюиса. Сам ландшафт графства Даун, увиденный сквозь литературные линзы, послужил воротами, что вели в дальние царства. Уоррен Льюис также потом размышлял о том стимуле для воображения, каким для него и для брата стала влажная погода и тоска по чему-то более соответствующему их желаниям²⁷. Может быть, и в самом деле свободно странствующая фантазия его брата была пробуждена детством, когда он сквозь дымку дождя «глазел на недоступные горы» под серыми небесами?

Ирландия зовется «Изумрудным островом» именно из-за высокого уровня осадков, здесь часто идет дождь и висит туман, благодаря чему почва увлажняется и растет густая зеленая трава. Естественно было перенести эту ситуацию – жизнь «под арестом» во время дождя – на четверых детей, запертых в доме профессора, не имеющих возможности отправиться на вылазку исследовать окрестности: «Идет дождь, да такой частый, что из окна не было видно ни гор, ни леса, даже ручья в саду и того не было видно»²⁸. Не вторит ли профессорский дом в сказке «Лев, колдунья и платяной шкаф» «Маленькому Ли»?

Из «Маленького Ли» маленький Льюис видел в отдалении горы Каслри, которые словно говорили с ним о какой-то сердечной тайне, дразня его своей близостью и недоступностью. Они стали для него символом границы, того этапа в жизни, когда человек стоит на пороге нового, более глубокого и соразмерного ему понимания или образа жизни. Невыразимое чувство глубокого томления пробуждалось в нем при виде этих гор. Он не мог в точности сказать, *о чем* томился, лишь ощущал в себе пустоту, и таинственные горы усугубляли, но не утоляли эту тоску. В «Кружном пути» (1933) эти горы появятся снова – символом неведомого сердечного желания. Но если Льюис тогда стоял на пороге чего-то чудесного, заманчивого, как он сумел бы войти в таинственное царство? Кто мог бы отворить ему дверь и впустить? Пожалуй,

²⁶ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 280.

²⁷ Lewis, W. H. Memoir of C. S. Lewis. P. 1.

²⁸ Лев, колдунья и платяной шкаф // Собр. соч. Т. 5. С. 11.

неудивительно, что в позднейших рассуждениях Льюиса о самых глубоких вопросах жизни образ двери приобретает все большую значимость.

Длинная зеленая линия холмов Каслри, на самом деле располагавшаяся близко к дому Льюисов, сделалась символом чего-то далекого и недостижимого. Для мальчика эти горы стали дальним объектом стремления, пределом известного мира, из-за которого доносился еле слышный зов «волшебного рога»: «Глядя на них, я испытывал тот порыв, то стремление вдаль, которое, к добру или худу, превратило меня в рыцаря Голубого Цветка прежде чем мне сравнялось шесть лет»²⁹.

Остановимся подробнее на этом высказывании. Что Льюис подразумевал под употребленным здесь словом *Sehnsucht*? Немецкое слово насыщено эмоциональными и интеллектуальными ассоциациями, которые поэт Мэтью Арнолд передал знаменитым «томящее, нежное, слезное желание». А что такое «Голубой цветок»? Вожди немецкого романтизма, Новалис (1772–1801) и Йозеф фон Эйхендорф (1788–1857), создали образ «Голубого цветка» – символ странствий и томлений человеческой души, особенно часто этот символ возникает, когда такого рода томление пробуждается (но не удовлетворяется) миром природы. Значит, даже в ту раннюю пору Льюис уже нащупывал и пытался раздвинуть пределы своего мира. Что дальше, за горизонтом? Но он не мог ответить на вопросы, которые это стремление и томление дразняще провоцировало в его юном уме. На что указывали эти чувства? Есть ли там дверь? И если дверь существует – где ее искать? И куда она ведет? Чтобы найти ответы на эти вопросы, Льюису понадобится еще четверть века.

Одиночество: Уорни отправляется в Англию

Все, что нам известно о Льюисе 1905 примерно года, складывается в представление об одиноком, погруженном в себя мальчике, почти без друзей, главным занятием и смыслом жизни которого было чтение книг. Почему он был одинок? Приобретая для своей семьи новый дом, Альберт Льюис сосредоточился на следующей задаче: обеспечить сыновьям будущее. Будучи столпом протестантской общины Белфаста, он счел, что в интересах дальнейшей карьеры правильнее будет отослать мальчиков в английскую закрытую школу. Брат Альберта Уильям уже отправил сына в Англию, считая это единственным вариантом социального лифта. Альберт решил последовать его примеру и обратился за профессиональной консультацией в поисках наиболее подходящей школы. Лондонское агентство образования «Габбитас и Тринг» с 1873 года занимались подбором преподавателей для ведущих английских школ и помогало определиться с выбором родителям, которые желали, чтобы их дети получили по возможности наилучшее образование. Среди учителей, которым агентство помогло найти первое место работы, оказались такие будущие светила (другое дело, что прославились они главным образом не педагогической деятельностью), как У. Х. Оден, Джон Бетджемен, Эдвард Элгар, Ивлин Во и Герберт Уэллс. К 1923 году, когда фирма отмечала полувековую юбилей, на ее счету значилось 120 000 устроенных учителей и не менее 50 000 родителей успели получить здесь совет при выборе школы для своих детей. Среди этих родителей оказался и Альберт Льюис, которому нужно было понять, куда следует отправить старшего сына, Уоррена.

На его запрос в свой срок пришла рекомендация, вот только на этот раз совет оказался на удивление неудачным. А в мае 1905 года, не удосужившись провести более тщательный и критический анализ предложенного заведения, чего следовало бы ожидать от человека его профессии, Альберт Льюис снарядил девятилетнего Уоррена в Виньярд в Уотфорде, к северу от Лондона. Это была, по-видимому, первая крупная ошибка, потом Льюис-старший еще надевает их немало в воспитании сыновей.

²⁹ Настигнут радостью // Там же. Т. 7. С. 278.

Джек (так к тому времени предпочитал зваться Льюис) и его брат прожили в «Маленьком Ли» всего месяц, им служила прибежищем комната под названием Литтл-Энд на верхнем этаже хаотично обустроенного дома. После этого братья были разлучены. Льюис оставался дома, с ним занимались мать и гувернантка Анни Харпер. Но лучшими его учителями стали, должно быть, растущие холмы книг, ни одну из которых не считали нужным прятать от ребенка. Два года оставшийся в одиночестве младший брат бродил по длинным коридорам, где скрипели под ногами старые полы, забирался на просторный чердак, и единственными его спутниками были многочисленные книги.

Так начал формироваться внутренний мир Льюиса. Пока сверстники играли на улицах Белфаста или в окружающих город полях, Льюис строил, населял и исследовал собственные, только ему принадлежавшие миры. По необходимости он сделался одиночкой, и это, несомненно, ускорило развитие его фантазии. В отсутствие Уоррена у него не оставалось задушевного друга, с кем можно было бы делиться мечтами и тоской. Тем большее значение приобретали школьные каникулы: пора, когда Уорни возвращался домой.

Радость: первая встреча

В какой-то момент этих двух лет и без того богатое воображение Льюиса приобретает новый оттенок и смысл. Позднее Льюис ссылался на три ранних переживания, которые, как он полагал, сформировали одно из главных устремлений его жизни. Первое событие произошло, когда аромат цветущего смородинового куста в саду «Маленького Ли» пробудил воспоминание о жизни в «Старом доме», вилле «Дандела», который Альберт Льюис арендовал у родственника³⁰. Льюис описывает это состояние как кратковременное и сладостное ощущение целиком его поглотившего желания. Прежде чем он успел понять, что с ним творится, впечатление рассеялось, осталась лишь «тоска по исчезнувшей тоске». Льюису это событие представлялось чрезвычайно важным: «Всё, что случилось со мной раньше, не имеет в сравнении с этим значения». Но что это было?

Второе переживание настигло его при чтении «Белки Наткина» Беатрикс Поттер (1903). Хотя в ту пору Льюис любил все книги Поттер, что-то именно в этом сочинении вызвало сильную тоску по чему-то, что ему с трудом удастся описать как «Образ Осени»³¹. На него опять нахлынуло то же пьянящее чувство «острого желания». Третий случай – за чтением шведского поэта Эсайаса Тегнера (1782–1846) в переводе Генри Лонгфелло³²:

*Я слышал голос, взывавший:
Бальдр прекрасный
Умер, умер!..*

Эти строки ошеломили мальчика. Словно открылась дверь, о существовании которой он не подозревал, и Льюис увидел за пределами собственного опыта новое царство, в которое стремился войти, которым стремился обладать. Все остальное словно утратило смысл. «Я ничего не знал о Бальдре, – вспоминает он, – но в тот же миг вознесся в бескрайнее пространство северных небес, я мучительно жаждал чего-то неведомого, неопишуемого – беспредельной шири, сурового, бледного холода»³³. И прежде чем он вполне осознал свое желание, оно рассеялось, оставив лишь тоску по себе, стремление вновь его испытать. Оглядываясь впослед-

³⁰ Там же. С. 284.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 285.

³³ Там же.

ствии на эти три переживания раннего детства, Льюис признал в них аспекты или проявления одного и того же феномена: «неудовлетворенное желание, которое само по себе желаннее любого удовлетворения. Я назвал это чувство радостью»³⁴. Поиск этой «радости» станет центральной темой творчества Льюиса и его жизни.

Как же нам осмыслить этот опыт, сыгравший ключевую роль в развитии Льюиса и особенно в формировании его внутренней жизни? Возможно, нам придет на помощь классическое исследование «Многообразие религиозного опыта» (*The Varieties of Religious Experience*, 1902), в котором гарвардский психолог Уильям Джеймс (William James, 1842–1910) попытался разобраться с теми сложными и сильными переживаниями, что обнаруживаются в опыте многих религиозных мыслителей. Опираясь исключительно на широкий спектр опубликованных трудов и личных свидетельств, Джеймс определил четыре характерных свойства такого рода опыта³⁵. Во-первых, этот опыт «невыразим», его нельзя адекватно передать словами. Во-вторых, Джеймс высказывает предположение, что люди, пережившие такой опыт, «проникают в глубины истины, закрытые для трезвого рассудка». Иными словами, этот опыт ощущается как «откровение, полное значимости и смысла». Он порождает «огромное чувство внутренней правоты и близости к истине», преображая понимание человека, переживающего такой опыт, и часто воспринимается как «откровение новой глубины истины». Подобные темы отчетливо слышны в ранних описаниях «радости» у Льюиса, особенно когда он утверждает, что по сравнению с этим все бывшее прежде утрачивает значение.

В-третьих, Джеймс подчеркивает преходящесть подобного опыта: «Его невозможно удержать на долгое время». Обычно он длится от нескольких секунд до нескольких минут, и качество этого опыта не удается в точности запомнить, хотя если подобное повторится, оно будет сразу опознано: «Когда переживание меркнет, его качество воспроизводится памятью несовершенно». Этот аспект типологии религиозного опыта по Джеймсу явно отражается в прозе Льюиса. И наконец, Джеймс высказывает предположение, что каждый, столкнувшийся с подобным опытом, чувствует себя «как бы захваченным высшей силой». Этот опыт не продуцируется активным субъектом, он «находит» на человека, зачастую с неотразимой силой.

Красноречивое описание этих моментов «радости» у Льюиса явно укладывается в классификацию Джеймса. Льюис считает свой опыт глубоко значимым, открывающим двери иного мира, которые почти сразу же вновь захлопываются, оставляя мальчика хотя и осчастливленным тем, что с ним случилось, но с почти безнадежной мечтой о повторении этого мига. Это мгновенное, преходящее откровение, в такие моменты все проступает отчетливо и резко, но свет быстро меркнет, и видение рассеивается, оставляя только воспоминание и тоску.

После таких переживаний Льюис ощущал утрату и даже порой чувствовал себя покинутым. Но даже если этот опыт разочаровывал и сбивал с толку, он ясно давал понять, что видимый мир – всего лишь завеса, скрывающая огромное неисследованное царство таинственных океанов и островов. Этот образ, однажды укоренившись в сознании мальчика, никогда не терял своей эмоциональной мощи и заманчивости для воображения. И все же, как мы увидим, вскоре Льюис придет к выводу, что это всего-навсего иллюзия, детские мечты, а укрепляющаяся взрослая рациональность разоблачит жестокий обман. Идея царства Божьего – «ложь, дышащая сквозь серебро»³⁶, – и тем не менее ложь.

³⁴ Там же.

³⁵ James, W. *The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature*. N. Y., 1902. P. 380–381 [Ср.: Джеймс, У. Многообразие религиозного опыта. Исследование человеческой природы / пер. В. Г. Малахеевой-Мирович, М. В. Шик, под ред. С. В. Лурье. М., 2017. С. 298–299].

³⁶ См. посвящение к стихотворению Толкина «Мифопоэзия» (*Tolkien, J. R.R. Tree and Leaf*. P. 85) [Посвящается полагающему, что коль скоро в мифах далеко не все правда, то, стало быть, они не стоят никакого внимания, даже если это «ложь, пропетая серебряною трубой». – Пер. С. Степанова]. Контекст этого стихотворения явно дает понять, что речь идет о Льюисе. См.: *Carpenter, H. J. R. R. Tolkien: A Biography*. L., 1977. P. 192–199 [Карпентер, Х. Джон Р. Р. Толкин. Биография / пер. А. Хромовой. М., 2002. С. 223–238].

Смерть Флоры Льюис

После смерти королевы Виктории британский престол унаследовал в 1901 году Эдуард VII и правил до 1910-го. Эдвардианский век теперь часто описывается как золотое время длительных летних вечеров и элегантных чаепитий в саду, как идеал, разрушенный Первой мировой войной 1914–1918 годов. Хотя этот в высшей степени романтизированный образ эдвардианской эры в большей степени воплощает послевоенную ностальгию 1920-х, несомненно, многим та пора представлялась стабильной и безопасной. Кое-какие тревожные процессы уже начались, и в первую очередь рост военной и промышленной мощи Германии, а также экономического потенциала Соединенных Штатов, в чем некоторые распознавали ощутимую угрозу имперским интересам Британии. Однако в обществе господствовало представление о мощной и прочно стоящей на ногах империи, чьи торговые пути надежно оборонял величайший в мировой истории флот.

Ощущение стабильности явно присутствует и в раннем детстве Льюиса. В мае 1907 года Льюис писал Уорни: все уже почти решено, часть каникул им предстоит провести во Франции. Заграничная поездка – существенное новшество для семейства Льюисов, которое обычно выезжало летом на месяц-полтора на курорты Северной Ирландии, например, в Каслрок или Портраш. Отец, загруженный адвокатской практикой, обычно присоединялся к жене и детям на несколько дней, уезжал и вновь возвращался. Во Францию же он и вовсе не поехал.

Льюису выпали спокойные и счастливые каникулы с братом и матерью. 20 августа Флора Льюис доставила обоих сыновей в пансион Пти-Валлон, семейный отель в маленьком городе Берневал-Ле-Гран (Нормандия) поблизости от Дьеппа, и там они пробыли до 18 сентября. Открытка, дошедшая из первого десятилетия прошлого века, поможет нам понять сделанный Флорой выбор: успокоительная надпись «Здесь говорят по-английски» красуется над снимком эдвардианских семейств, безмятежно расположившихся на территории пансионата. Зато надежды, что мальчики усвоят сколько-то французских слов, испарились, как только выяснилось, что все постояльцы – англичане.

Идиллическое лето на закате эдвардианской эры и ни единого намека на грядущие ужасы. Попав во Франции в пору Великой войны в госпиталь всего в 18 милях (29 км) к востоку от Берневал-Ле-Гран, Льюис ностальгически вспоминал те драгоценные, навеки утраченные дни³⁷. Политической возможности войны никто не предугадал, как не предугадал и масштабы причиненных ею разрушений и как никто в семье Льюисов не мог бы предсказать, что это последнее их лето в полном составе. Через год Флора Льюис умерла.

В начале 1908 года стало ясно, что Флора тяжело больна. У нее диагностировали рак желудка. Альберт попросил своего отца, который к тому времени уже несколько месяцев прожил в «Маленьком Ли», съехать: комната понадобилась для сиделки. Ричард Льюис очередного потрясения не перенес, в конце марта у него случился инсульт, и в апреле он умер.

Когда врачи признали, что спасти Флору невозможно, Уорни отозвали домой из английской школы, чтобы он провел с матерью последние недели ее жизни. Болезнь матери еще больше сблизила братьев. Одна из самых трогательных фотографий той поры: Уорни и Клайв стоят с велосипедами перед Гленмахан-хаусом, поблизости от «Маленького Ли». Начало августа 1908 года. Мир Льюиса вот-вот рухнет – в одночасье, непоправимо.

Флора скончалась в своей постели 23 августа 1908 года, как раз в день рождения Альберта (ему исполнилось сорок три). Календарь, висевший на стене ее спальни, открылся на скорбной цитате из «Короля Лира»: «Человек все должен претерпеть: как свой приход, так и

³⁷ Письмо Альберту Льюису от 16 февраля 1918 // Letters. Vol. 1. P. 356.

уход отсюда»³⁸. Много лет спустя Уорни убедился, что календарь оставался открытым на этой странице до самой смерти Альберта³⁹.

По обычаю того времени Льюису пришлось попрощаться с матерью, лежавшей в открытом гробу, и воочию увидеть следы ее жестокого недуга. Мальчик был травмирован. «Со смертью мамы из нашей жизни ушло надежное счастье, исчезли покой и лад»⁴⁰.

В «Племяннике чародея» мама Дигори Кирка на смертном одре описывается так, что мы явственно ощущаем преследовавшие Льюиса воспоминания: «Среди подушек, как и много раз прежде, белело ее исхудавшее лицо, от одного взгляда на которое вы бы заплакали»⁴¹. Очевидно, эти строки передают страдания, причиненные автору смертью собственной матери, особенно врезавшимся в его память зрелищем изможденного тела в гробу. Позволяя Дигори спасти мать волшебным нарнийским яблоком, Льюис, кажется, исцеляет бальзамом воображения свои эмоциональные раны, пытается справиться с тем, что случилось на самом деле, представляя себе, как могло бы все выйти иначе.

Хотя Льюис глубоко переживал смерть матери, в воспоминаниях об этой мрачной поре он в большей степени сосредотачивается на последствиях этой утраты для всей семьи. Оплакивая жену, Альберт, кажется, не замечал горя своих сыновей и их потребности в родительском внимании. К. С. Льюис описывает это время как начало конца своей семьи, семена отчуждения были уже посеяны. Утратив жену, Альберт Льюис довел дело до того, что рисковал утратить и сыновей⁴². Через две недели после Флоры умер старший брат Альберта Джозеф. Еще одна катастрофа для семьи Льюисов: отец с двумя маленькими сыновьями остался один во всем мире. «Уцелели острова; великий материк ушел на дно, подобно Атлантиде»⁴³.

Эта беда могла бы их сблизить, если бы в отце пробудилась забота о детях, в сыновьях – преданность отцу. Но ничего подобного так и не произошло. В критический период Альберту изменил здравый смысл, и это особенно отчетливо проявилось в том, как он распорядился судьбой сыновей в самый болезненный момент их еще только начинавшейся жизни: всего через полмесяца после смерти матери оба брата очутились в порту Белфаста в ожидании парохода, который должен был за ночь доставить их в порт Флитвуд в Ланкашире. Эмоционально ущербный отец в неадекватной эмоциональной форме распрощался с эмоционально обделенными детьми. Все, в чем юный Льюис черпал и надежность, и осознание себя, мгновенно исчезло. Его отсылали прочь из Ирландии, прочь от родного дома и книг, в чужое место, где ему предстояло жить среди чужаков, единственный спутник – старший брат. Его отправляли в Виньярд (в «Настигнут радостью» эта школа будет называться Белсен).

³⁸ «Король Лир». Акт 5, сцена 5. – Пер. Г. Кружкова.

³⁹ Эту цитату Уорни впоследствии распорядился вырезать на надгробье брата в Оксфорде.

⁴⁰ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 287.

⁴¹ Племянник чародея // Там же. Т. 6. С. 210.

⁴² Настигнут радостью // Там же. Т. 7. С. 286.

⁴³ Там же. С. 287.

Глава 2. 1908–1917

Ужасная Англия: школьные годы

В 1962 году Франсин Смитлайн, старшеклассница из Нью-Йорка, написала К. С. Льюису о том, как ей понравилась его «Нарния» и попросила писателя рассказать о его собственных школьных годах. В ответ Льюис сообщил, что учился в трех школах-интернатах, «две из которых были совершенно ужасны»⁴⁴. Более того, продолжал Льюис, «ничто впредь не казалось ему столь отвратительным, даже окопы на передовой Первой мировой войны». Самый небрежный читатель автобиографии «Настигнут радостью» не может не заметить той ненависти, с какой Льюис пишет об английских школах – но мыслимо ли поверить, что они были хуже гибельных окопов Первой мировой?

Одним из главных источников напряжения между К. С. Льюисом и его братом под конец 1950-х годов стало убеждение Уорни, будто Льюис существенно искажил в «Настигнут радостью» (1955) впечатления от Малверна. Джордж Сэйер (George Sayer, 1914–2005), близкий друг, автор одной из самых вдумчивых и многое открывающих биографий Льюиса, напоминает, что ближе к концу жизни тот признавал многое в рассказе о Малверне «ложью», и эта ложь отражала сложные отношения между двумя сторонами его личности, боровшимися в ту пору между собой⁴⁵. Свидетельство Сэйера оставляет читателей автобиографии в недоумении и насчет того, в какой мере Льюис переосмыслял свое прошлое, и насчет его мотивации.

Отношение Льюиса к школе вполне могло омрачаться его в целом негативными первыми впечатлениями об Англии, которые распространились и на его опыт пребывания в классе. Позднее он признавался: «Понадобилось немало лет, чтобы избавиться от вспыхнувшей в тот миг ненависти к Англии»⁴⁶. Отвращение к английским школам, возможно, лишь один из аспектов свойственного Льюису в ту пору культурного неприятия Англии в целом, это заметно и в переписке. Так, в июне 1914 года он жаловался на то, что «заперт в душной и противной Англии» вместо того, чтобы блуждать по прохладным, поросшим травой холмам графства Даун⁴⁷.

И все же тут есть нечто более глубокое, почти физиологическое: Льюис попросту не вписывался в культуру закрытой школы эдвардианской эпохи. То, что многие рассматривали как необходимую, пусть порой жесткую, подготовку к тяготам жизни в реальном мире, Льюис отбрасывал и клеймил как «концентрационный лагерь». Образование, которое, по замыслу отца, должно было превратить младшего сына в успешного члена общества, едва его не сломало.

Вкратце траекторию образования Льюиса после смерти матери можно изложить в пяти пунктах:

Школа Виньярд в Уотфорде («Белсен»): сентябрь 1908 – июнь 1910

Кемпбел-колледж, Белфаст: сентябрь – декабрь 1910

Школа Шербур, Малверн («Шартр»): январь 1911 – июнь 1913

Колледж Малверн («Виверн»): сентябрь 1913 – июнь 1914

Частная подготовка к университету в Грейт Букхэме: сентябрь 1914 – июнь 1917

Три английские школы, о которых Льюис так сурово отзывался, очевидно, те, которые в автобиографии он обозначает псевдонимами: Виньярд, Шербур и колледж Малверн. Как мы

⁴⁴ Письмо Франсин Смитлайн от 23 марта 1962 // *Letters*. Vol. 3. P. 1325. Две «ужасные» школы – Виньярд и колледж Малверн.

⁴⁵ *Sayer, G. Jack: A Life of C. S. Lewis*. L., 1997. P. 86.

⁴⁶ *Настигнут радостью* // *Собр. соч.* Т. 7. С. 280.

⁴⁷ Письмо Артуру Гривзу от 5 июня 1914 // *Letters*. Vol. 1. P. 60.

увидим, воспоминания о времени, проведенном в Грейт Букхэме, гораздо позитивнее, и этой поре Льюис приписывал существенное влияние на формирование своей способности к мышлению.

Школа Виньярд, Уотфорд. 1908–1910

Английское образование Льюиса началось со школы Виньярд, которая размещалась в двух обшарпанных зданиях желтого кирпича на улице Лэнгли (Уотфорд). Маленький частный пансион был основан в 1881 году Робертом «Стариком» Капроном и в первые годы своего существования имел, по-видимому, кое-какой успех. Однако к тому времени, как сюда попал Льюис, у школы настали трудные времена, оставалось всего восемь или девять пансионеров и примерно столько же приходящих учеников. Старший брат уже провел здесь два года, сравнительно легко приспособившись к брутальному режиму. Младший, не имевший никакого опыта жизни за пределами ласково обволакивавшего кокона «Маленького Ли», был напуган жестокостью Капрона и впоследствии именовал школу «Белсен» – как печально известный нацистский концлагерь.

Если поначалу мальчик верил, что постепенно все наладится, вскоре он уже всей душой ненавидел Виньярд и впоследствии считал пребывание здесь напрасной потерей времени. Уорни покинул Виньярд летом 1909 года, перейдя в колледж Малверн, а младший брат вынужден был один на один противостоять институту, который явно клонился к смертному своему часу. Все образование в Виньярде, по словам Льюиса, сводилось к насильственному скармливанию и задалбливанию наизусть ненужных сведений: «Даты, сражения, экспорт, импорт. Мы забывали это, едва успев выучить, да и от того, что запомнили, было мало проку»⁴⁸. С этим соглашался и Уорни: «Я не сумею припомнить никакой информации, полученной в Виньярде»⁴⁹. Не было там и библиотеки, где Льюис мог бы утолить потребность своего воображения. В итоге школа закрылась летом 1910 года, когда Капрон был, наконец, официально признан душевнобольным.

Пришлось Альберту Льюису искать другие варианты дать младшему сыну образование. Уорни продолжал учиться в колледже Малверн, а Льюиса отправили в колледж Кемпбел, пансионат, находившийся непосредственно в Белфасте, всего в миле от «Маленького Ли». Это учебное заведение для того и предназначалось, чтобы «предоставить жителям Ольстера хорошее образование без переезда в Англию», как сформулирует впоследствии Льюис⁵⁰. Не совсем ясно, имел ли отец изначально в виду оставить там Льюиса до конца учебы, но через несколько месяцев у мальчика развилось тяжелое заболевание легких, и Альберт вынужден был его забрать. Пребывание в этом колледже показалось Льюису не таким скверным, и он бы, кажется, предпочел там и оставаться. Однако у отца появился уже новый план – к сожалению, опять не слишком удачный.

Школа Шербур, Малверн. 1911–1913

Проконсультировавшись вновь с «Габбитас и Тринг», Альберт отправил сына в школу Шербур («Шартр» в «Настигнут радостью»). Находилась она в курортном городке викторианской Англии, Грейт Малверне⁵¹. В XIX веке Малверн приобрел популярность благодаря целебным местным водам. К концу века поток лечащихся водами иссяк, и бывшие виллы и отели стали

⁴⁸ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 286.

⁴⁹ The Lewis Papers: Memoirs of the Lewis Family 1850–1930 / ed. W. H. Lewis, 11 vols. (Unpublished). Vol. 3. P. 40.

⁵⁰ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 307.

⁵¹ Шербурская школа стала частью колледжа Малверн в 1992 г. Участок, где прежде стояла школа, был продан застройщику.

превращаться в небольшие пансионы вроде Шербура. Маленькая подготовительная школа (при Льюисе в ней насчитывалось около двадцати ребят в возрасте от восьми до двенадцати лет) располагалась рядом с колледжем Малверн, где уже числился полноправным учеником Уорни. Так братья по крайней мере получили возможность видеться в течение учебного года.

Главным результатом пребывания Льюиса в Шербуре стала заслуженная им стипендия для обучения в колледже Малверн. Впрочем, Льюис вспоминает множество событий своей внутренней жизни, для которых Шербур послужил лишь фоном, а не поводом или стимулом. Одним из наиболее важных переживаний стало открытие «Севера», «северности» – открытие, которое произошло ближе к началу пребывания в Шербуре. Льюис описывает это открытие как полное и славное преобразование. «Словно вся Арктика, словно огромный ледовый материк, тысячелетний лед растаял в одно мгновение, и в то же мгновение проросла трава, распустился подснежник, расцвели сады, оглушенные пением птиц, взбудораженные током освобожденных вод»⁵².

Это воспоминание столь же точно в смысле метафор, сколь расплывчато в плане хронологии. «Я могу совершенно точно рассказать, как это случилось, хотя не помню самой даты»⁵³. Стимулом послужил литературный журнал, кем-то брошенный в классной комнате. Удалось установить, что это было рождественское издание *The Bookman* от декабря 1911 года. В журнале имелось иллюстрированное приложение, включавшее некоторые из тридцати иллюстраций Артура Рэкхема к английскому переводу либретто опер Рихарда Вагнера «Зигфрид» и «Сумерки богов». Этот перевод Маргарет Армур был опубликован в том же году чуть ранее⁵⁴.

Чрезвычайно выразительные иллюстрации Рэкхема послужили мощным стимулом для фантазии Льюиса. На него вновь нахлынуло сильное желание, его поглотило ощущение «северности», он «увидел огромное ясное пространство, дальние пределы Атлантики, сумрачное северное лето»⁵⁵. Его привела в восторг возможность заново пережить то, что казалось навеки потерянным. Это было не осуществление желаний, как более раннее чтение⁵⁶, а видение, которое перенесло его на границу иного мира и позволило заглянуть внутрь. В надежде воспроизвести это чудо Льюис, поддаваясь укреплявшемуся в нем пристрастию к Вагнеру, тратил карманные деньги на пластинки с записями «Кольца Нибелунгов» и даже ухитрился приобрести ту самую книгу с иллюстрациями Рэкхема.

Хотя письма Льюиса, относящиеся к малвернскому периоду, скрывают, должно быть, не меньше, чем сообщают, они все же содержат намек на некоторые темы, которые и в дальнейшем сыграют роль в жизни автора. К числу этих тем принадлежит растерянность ирландца, оказавшегося в изгнании, в чужой стране. Льюис не просто лишился детского рая – он был изгнан из Эдема. Сколько бы Льюис ни прожил в Англии, англичанином он себя не считал и как раз под конец пребывания в Шербуре все острее чувствовал, что «родился в племени, одаренном литературным чувством и высоким владением собственным языком»⁵⁷. В 1930-х годах Льюис обнаружит, что природный ландшафт родной Ирландии стимулирует его собственное литературное воображение, да и других авторов, как, к примеру, поэта Эдмунда Спенсера. Семена этих будущих ростков видны уже в письмах домой от 1913 года.

Другим существенным интеллектуальным событием, которое Льюис также относит к этому периоду своей жизни, стала окончательная утрата остатков христианской веры. То, как Льюис описывает эрозию и исчезновение веры в «Настигнут радостью», не вполне удовле-

⁵² Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 321.

⁵³ Там же. С. 82.

⁵⁴ *Wagner, R. Siegfried and The Twilight of the Gods* / tr. by Margaret Armour, ill. by Arthur Rackham. L., 1911.

⁵⁵ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 321.

⁵⁶ Там же. С. 283.

⁵⁷ Письмо Альберту Льюису от 8 июля 1913 // *Letters*. Vol. 1. P. 28.

творяет исследователей, особенно с учетом роли, которую религия сыграла в дальнейшей его жизни. Но хотя Льюис не может составить «точную хронологию» постепенного «отпадения от веры», он все же вычленяет ряд факторов, подтолкнувших его именно в этом направлении.

Вероятно, самым важным фактором (он ощутимо присутствует и в более поздних текстах Льюиса) стало чтение Вергилия и других классических авторов. Мальчик заметил, что религиозные идеи этих поэтов воспринимаются учеными и преподавателями как «заведомо ложные». Но как в таком случае обстоит дело с современными религиозными идеями? Быть может, и они тоже – иллюзии, новый вариант давнего заблуждения? Юный Льюис пришел к выводу, что религия насквозь ложна и при этом естественна, она была «странным и ложным порождением человека, заразным заблуждением»⁵⁸. Христианство – всего лишь одна из тысяч вер, каждая из которых претендует на истину. С какой стати верить в правдивость одной, отвергая все прочие?

К весне 1913 года Льюис определился, куда бы хотел отправиться после Шербурга. В июне он писал отцу, что пребывание в Шербурге, хотя и начиналось как «прыжок во тьму», обернулось «успехом»⁵⁹. Город Грейт Малверн ему понравился, и он бы хотел перейти в «Колл», то есть в колледж Малверн, где оказался бы вместе с Уорни. В конце мая того же года Уорни выбрал для себя военную карьеру, и осень 1913 года ему предстояло провести в Малверне, готовясь к вступительному экзамену в Королевский военный колледж Сэндхерст.

Однако все пошло не по плану. В июне младший Льюис благополучно сдал экзамен (хотя был болен и экзамен проводили в больничном отделении школы) на стипендию в колледже и с сентября должен был приступить к занятиям. Но Уорни уже не ждал его там. Директор колледжа настоял на том, чтобы ученика, пойманного с сигаретой на территории учебного заведения, забрали из школы (оба брата к тому времени приобрели на всю жизнь привычку к табаку). Теперь Альберт Льюис вынужден был придумать способ подготовить Уорни к вступительным экзаменам в Сэндхерст без участия преподавателей Малверна. Он нашел выход – чрезвычайно удачный выход, который год спустя окажет существенное и благое влияние на судьбу младшего сына.

С 1877 по 1879 год Альберт Льюис учился в колледже Лурган в североирландском графстве Арма и сохранил с тех пор величайшее уважение к директору этой школы Уильяму Томпсону Кёркпатрику⁶⁰. Кёркпатрик начал работать в Лургане в 1876 году, в ту пору в колледже насчитывалось всего 16 учеников. Десять лет спустя Лурган вошел в список лучших школ Ирландии. В 1899 году Кёркпатрик уволился из школы и переехал вместе с женой в Шарстон Хауз в Нортендене (Чешир), поближе к сыну Джорджу, который в ту пору работал в компании «Browett, Lindley & Co», делавшей моторы для «Patricroft» в Манчестере. Однако выяснилось, что индустриальный Северо-Запад Англии вовсе не по душе миссис Кёркпатрик, и пара вскоре переехала в Грейт Букхэм в «маклерском поясе» – в южное графство Суррей, где Кёркпатрик снова стал преподавать, но уже частным образом.

Альберт Льюис издавна оказывал Кёркпатрику юридическую помощь, они переписывались, решая, как поступить с родителями, не внесшими плату за школу. В прошлом Альберт не раз советовался с Кёркпатриком насчет образования своих сыновей, а теперь задал более конкретный и личный вопрос: возьмется ли Кёркпатрик подготовить Уорни к экзамену в Сэндхерст? Они пришли к соглашению, и 10 сентября 1913 года Уорни явился в Грейт Букхэм. Через неделю его младший брат начал учебный год в колледже Малверн – Виверн в «Настигнут радостью» – без наставника и покровителя. Он опять оказался в одиночестве.

⁵⁸ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 315.

⁵⁹ Письмо Альберту Льюису от 7 июня 1913 // Letters. Vol. 1. P. 23.

⁶⁰ Wilson, I. William Thompson Kirkpatrick (1848–1921) // Review: Journal of the Craigavon Historical Society, 8. № 1 (2000–2001). P.39.

Колледж Малверн. 1913–1914

Колледж Малверн Льюис изображает как катастрофу. Три из пятнадцати глав «Настигнут радостью» наполнены инвективами против «Колла», все его изъяны разобраны пункт за пунктом. Такое нагромождение ярких и гневных воспоминаний до странности затрудняет восприятие основного сюжета – поиск радости. Зачем тратить столько времени на болезненные и субъективные воспоминания, тем более что другие воспитанники того же учебного заведения (включая Уорни) критиковали их именно как субъективные и даже искаженные? Возможно, для Льюиса работа над этим разделом «Настигнут радостью» стала катарсисом, он очистился от мучительных воспоминаний, изложив их подробнее, чем следовало. Но даже сочувствующий читатель не может не заметить, как в трех главах, посвященных Малверну, замедляется повествование и подробности заслоняют от нас основную мысль книги⁶¹.

Льюис утверждает, что сделался жертвой системы «натаскивания»: новички использовались на посылах у старших учеников («элиты»). Чем хуже относились к мальчику одноклассники и префекты, тем чаще именно его выдергивали и нагружали поручениями. Для английской закрытой школы того времени это была нормальная практика. Большинство ребят принимали ее как традиционный обряд инициации во взрослую жизнь, но Льюис считал это формой эксплуатации. Он предполагает также, что в число услуг, которые младшие мальчики должны были оказывать старшим, входили (по слухам, доказательств никогда не появлялось) и некоторые виды сексуальных услуг – это вызывало у него ужас и отвращение.

Вероятно, столь же или даже более важно другое обстоятельство: Льюис был исключен из малвернской системы ценностей, сложившейся под влиянием господствовавшей в то время философии английской закрытой школы – «спорт превыше всего»⁶². На исходе эдвардианской эры «культ игры» занял практически незыблемую позицию в средоточии английского элитарного образования. Атлетизм превратился в своего рода философию, и в нем была своя темная сторона: мальчики, которые не проявляли таланта к спортивным играм, подвергались насмешкам и унижениям со стороны сверстников. Культ атлетизма отодвигал на второе место интеллектуальные и творческие достижения и превращал многие школы в тренировочные базы, где прославлялись исключительно телесные преимущества. Такой культ «мужества» считался неотъемлемым элементом становления «характера», а этой задаче были посвящены основные педагогические теории в Британии того периода⁶³. Словом, Малверн был вполне типичным явлением эдвардианской эпохи, колледж предоставлял ученикам то, в чем они, как считалось, нуждались и чего родители безусловно желали для них.

Вот только Льюис хотел совсем другого. Его «врожденная неуклюжесть», отчасти объяснявшаяся наличием лишь одного сустава в больших пальцах, делала заведомо невозможной надежду отличиться в каком-либо виде спорта⁶⁴, но он особо и не старался вписаться в школьную культуру, и этот отказ соответствовать местным правилам выражался в замкнутости и интеллектуальном снобизме. В письме Льюис кисло замечал, что Малверн помог ему выяснить, кем он быть *не хочет*: «Если бы я никогда не видел ужасного зрелища, которое являют

⁶¹ Рассказ занимает 18 % всей книги (Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7).

⁶² Из-за этого мальчиков, считавшихся, как Льюис, изнеженными «интеллектуалами», травили и преследовали. См.: Mangan, J. A. *Athleticism in the Victorian and Edwardian Public School: The Emergence and Consolidation of an Educational Ideology*. L., 2000. P. 99–121.

⁶³ См.: Roberts, N. *Character in the Mind: Citizenship, Education and Psychology in Britain, 1880–1914* // *History of Education* 33 (2004). P. 177–197.

⁶⁴ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 281. Льюис и Уорни унаследовали этот дефект от отца. Это синдром (разновидность метакарпофалангеального синостоза), который теперь иногда именуется симфалангизмом Льюисовского типа именно в честь нашего Льюиса. См.: *Castriota-Scanderbeg A., Dallapiccola B. Abnormal Skeletal Phenotypes: From Simple Signs to Complex Diagnoses*. B., 2006. P. 405.

собой эти грубые и безмозглые английские школьники, я бы рисковал со временем и сам превратиться в нечто подобное»⁶⁵. Многим такие замечания покажутся попросту самодовольными и высокомерными, однако Льюис ясно дает понять, что среди немногих позитивных итогов Малверна было в том числе и это: он осознал в себе высокомерие⁶⁶ и с этой стороной своего характера постарается в грядущие годы разобраться.

Он часто искал убежища в школьной библиотеке и обретал утешение в книгах. Также он подружился с преподавателем классических языков Гарри Уэйклином Смитом («Выбражающей»). Смит помог Льюису усовершенствоваться в латыни и приступить к серьезному изучению древнегреческого. Что, пожалуй, важнее: он показал ученику правильный метод анализа поэзии, с пониманием ритма и музыкального звучания. Впоследствии Льюис выразил ему благодарность в стихах, описав, как Смит – «старик с певучим и медовым голосом» – привил ему любовь к «средиземноморским ритмам» классической поэзии⁶⁷.

Но как ни важны эти позитивные впечатления для дальнейшего развития Льюиса-исследователя и Льюиса-критика, в ту пору это были всего лишь интеллектуальные забавы, помогавшие отвлечься от невыносимой школьной реальности. Уорни полагал, что брат попросту оказался «квадратной затычкой в круглой дыре». Задним числом он пришел к выводу, что младшего вовсе не следовало посылать в закрытую школу – отсутствие спортивных данных и избыточная страсть к знаниям сразу же превратили его в «отщепенца, еретика, подозрительное существо в коллективно-мыслящей стандартизированной системе закрытых школ»⁶⁸. Но так Уорни рассуждал много лет спустя, твердо решив, что если какая-то проблема с колледжем и была, то виноват в этом сам Льюис, а никак не школа.

И все-таки непонятно, почему в «Настигнут радостью» Льюис так подробно разбирается с Малверном. Когда в 1929 году ему предложат должность директора колледжа, это приглашение немало его позабавит⁶⁹. Тем не менее, несомненно, что учеба в Малверне повергала Льюиса в искреннее отчаяние, и он изо всех сил пытался убедить отца перевести его в более подходящее место. «Пожалуйста, заведи меня отсюда как можно скорее», умолял он в письме от марта 1914 года, перед тем как вернуться в Белфаст на каникулы⁷⁰.

Наконец Альберт Льюис осознал, что младшему сыну в колледже плохо. Он посоветовался с Уорни, который уже второй месяц проходил в Сэндхерсте военную подготовку, чтобы стать офицером британской армии. Уорни ответил, что младший брат в первую очередь сам и виноват в своем злосчастье. Он-то надеялся, поделился Уорни с отцом, что Малверн обеспечит брата, как его самого, «счастливыми годами, воспоминаниями и дружбами, которые пройдут с ним через всю жизнь до могилы». Но не сложилось. Младший превратил для себя Малверн в «раскаленную сковороду, на которой не мог удержаться»⁷¹. Необходимо было радикально пересматривать планы. Поскольку Уорни частное обучение у Кёркпатрика явно пошло на пользу, имеет смысл предложить тот же вариант младшему. Легко распознать недовольство Уорни братом в обращенной к отцу формулировке: «Пусть он [Льюис] попробует взорвать свой дешевый набор интеллектуальных петард под носом старого К.»⁷².

Затем Альберт Льюис обратился за советом к самому Кёркпатрику. Сначала тот предложил вернуть мальчика в колледж Кемпбел. Но по мере того, как двое мужчин обсуждали возникшую проблему, проступило иное решение: Альберт упросил Кёркпатрика взять Лью-

⁶⁵ Письмо от 5 июня 1914 // *Letters*. Vol. 1. P. 59.

⁶⁶ *Настигнут радостью* // Собр. соч. Т. 7. С. 347.

⁶⁷ Стихотворение сохранилось и опубликовано в: *Lewis Papers*. Vol. 3. P. 262–263.

⁶⁸ *Lewis, W. H. Memoir of C. S. Lewis*. P. 5.

⁶⁹ Письмо Альберту Льюису от 17 июля 1929 // *Letters*. Vol. 1. P. 802.

⁷⁰ Письмо Альберту Льюису от 18 марта 1914 // *Ibid*. P. 51.

⁷¹ Уоррен Льюис Альберту Льюису 29 марта 1914 // *Lewis Papers*. Vol. 4. P. 156.

⁷² *Ibid*. P. 157.

иса частным учеником с сентября 1914 года. Кёркпатрик испытывал одновременно восторг – «Стать наставником отца, а следом обоих сыновей – опыт поистине уникальный» – и опасения. Уорни любил Малверн, а Льюис его отверг. Как младший воспримет учителя, благодаря которому так преуспел Уорни? Трудями Кёркпатрика Уорни занял 22-е место среди двухсот с лишним успешных кандидатов, прошедших чрезвычайно жесткий отбор с высокой конкуренцией. Послужной список Уорни удостоверяет, что 4 февраля 1914 года он поступил в Сэндхерст в качестве «джентльмена-кадета» и получил «повышенную кадетскую стипендию». Многообещающий старт военной карьеры.

Тем временем младший брат вернулся на каникулы в Белфаст. В середине апреля 1914 года, незадолго до возвращения в Малверн на последний семестр, он получил известие: Артур Гривз, оправлявшийся после тяжелой болезни, был все еще прикован к постели и хотел бы пригласить Льюиса в гости. Артур, сверстник Льюиса, был самым младшим из сыновей Джозефа Гривза, одного из богатейших производителей льна в Белфасте. Семейство жило в Берна, большом доме на одной улице с «Маленьким Ли».

В «Настигнут радостью» Льюис сообщает, что Гривз и раньше пытался познакомиться с ним, но до того случая они ни разу не встречались⁷³. Существует, однако, свидетельство, указывающее на ошибку Льюиса. В одном из самых ранних сохранившихся писем брату (май 1907) Льюис отчитывается о том, что в «Маленьком Ли» только что был установлен телефон, и он воспользовался новой технологией для того, чтобы позвонить Артуру Гривзу, однако поговорить с ним не удалось⁷⁴. Значит, в детстве мальчики были знакомы, но если тогда они дружили, то после того как Льюиса отправили из Белфаста в Англию, сначала в одну, затем в другую школу, эти отношения прервались.

В гости к Гривзу Льюис отправился не слишком охотно. Артура он застал сидящим в постели, под рукой книга: «Мифы Норвегии» Гюрбера (1908). Льюис, чья любовь к «северности» сделалась к тому времени безбрежной, изумленно уставился на книгу. «Ты это любишь?» – и в ответ услышал такой же взволнованный вопрос Гривза⁷⁵. Наконец-то он обрел родственную душу. Они будут общаться всю жизнь, до смерти Льюиса спустя почти столетия.

Перед концом последнего семестра Льюис впервые написал Гривзу, планируя совместную прогулку. Хотя он был еще «заперт» в «ужасной душной Англии», скоро они увидят, как солнце восходит над Голливудскими горами и полюбуются заливом Белфаст-Лох и Пещерным холмом⁷⁶. Но месяц спустя отношение Льюиса к Англии изменилось. «Выбражала» пригласил его и еще одного мальчика в поездку в глубь страны. Они оставили позади «плоские, ровные, уродливые холмы Малверна». Вместо них Льюис открыл для себя «волшебные пейзажи», состоявшие из «плавно переходящих друг в друга холмов и долин» с «таинственными лесами и хлебными полями»⁷⁷. Так, может быть, Англия не столь ужасна? Может быть, ему все же согласиться остаться здесь?

Букхэм и «Великий Придира». 1914–1917

19 сентября 1914 года Льюис прибыл в Грейт Букхэм, чтобы приступить к занятиям с Кёркпатриком, «Великим Придирой». Но с тех пор, как Льюис покинул Малверн, мир вокруг успел непоправимо измениться. 28 июня в Сараево был застрелен австрийский крон-

⁷³ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 305.

⁷⁴ Письмо Уоррену Льюису от 18 мая 1907 // Letters. Vol. 1. P. 3–4.

⁷⁵ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 361.

⁷⁶ Письмо Артуру Гривзу от 5 июня 1914 // Letters. Vol. 1. P. 60.

⁷⁷ Письмо Альберту Льюису от 29 июня 1914 // Ibid. P. 64.

принц Франц Фердинанд, и возникшее в результате международное напряжение стремительно нагнеталось, нарастала нестабильность. Формировались альянсы, и это означало: если одна из «великих наций» вступит в конфликт, за ней последуют все прочие. Месяц спустя, 28 июля, Австрия напала на Сербию, а Германия тут же атаковала Францию. Участие Англии в этом конфликте сделалось неизбежным. В итоге 4 августа Великобритания объявила войну Германской и Австро-Венгерской империям.

В первую очередь эти события отразились на Уорни. Его обучение сократилось с полутора лет до девяти месяцев: кадеты как можно скорее должны были перейти на действительную военную службу. 29 сентября 1914 года Уорни получил звание младшего лейтенанта тыловой службы Королевской армии и 4 ноября отправился во Францию с Британским экспедиционным корпусом. Тем временем военный министр лорд Китченер (1850–1916) организовал самый массовый набор добровольцев, какой дотоле знала страна. Знаменитый плакат «Твоя страна нуждается в тебе» сделался одним из самых известных образов той войны. И младший Льюис тоже, несомненно, ощущал этот общий порыв – идти на фронт.

Тем не менее, пока Англия втягивалась в войну, к которой не успела толком подготовиться, Льюис обустроивался в доме Кёркпатрика, Гастонсе, в Грейт Букхэме. Его отношения с Кёркпатриком приобретут тем большее значение, что и с отцом, и с братом отношения в то время сделались отчужденными и несколько напряженными. Льюис добрался на пароходе из Белфаста в Ливерпуль, а оттуда на поезде в Лондон. Далее он выехал с вокзала Ватерлоо в Грейт Букхэм, и там его встретил Кёркпатрик. По пути со станции к дому Льюис небрежно, в надежде сломать лед, заметил, что находит ландшафт Суррея более «естественным», чем он ожидал.

Он всего лишь хотел завести разговор, но Кёркпатрик тут же ухватился за возможность провести агрессивный, требующий от собеседника активного участия диалог, демонстрирующий преимущества сократического метода. Наставник велел Льюису немедленно остановиться и пояснить, что он подразумевает под «естественностью» и на каком основании он не ожидал встретить ее здесь. Изучал ли он карты местности? Читал ли книги о природе Суррея? Видел ли фотографии графства? Льюис признал, что ничего подобного он не делал. Его мнение было ни на чем не основано. И тогда Кёркпатрик уведомил его, что, стало быть, он не обладает и правом на «мнение» по этому вопросу.

Кому-то подобное обращение с новым учеником показалось бы запугиванием, другие сказали бы, что наставнику недостает хороших манер или же отеческой заботы. Но Льюис быстро сообразил, что его понуждают развивать критическое мышление на основании фактов и логики, а не личной интуиции. Этот подход был для него «лучше мяса и пива»⁷⁸. Юноша расцвел на диете критического мышления.

Кёркпатрик был замечательный человек, и ему действительно принадлежит немалая заслуга в деле интеллектуального развития Льюиса, особенно он способствовал укреплению критического подхода к идеям и источникам⁷⁹. Кёркпатрик имел за плечами достойную академическую карьеру в Квинз-колледже (Белфаст), он закончил его в июле 1868 года с отличием первой степени по английской литературе, истории и метафизике⁸⁰. В последний год учебы он также выиграл конкурс английских эссе под псевдонимом «Тамерлан». Был он награжден и Двойной золотой медалью Королевского университета Ирландии (единственный на своем курсе удостоенный такой чести). В 1873 году, когда был открыт колледж Лурган, Кёркпатрик

⁷⁸ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 366.

⁷⁹ См.: *Wilson, I.* William Thompson Kirkpatrick.

⁸⁰ Квинз-колледж Белфаста был включен в Королевский университет Ирландии в 1879 г. Он был восстановлен в качестве самостоятельного института Актом об университетах Ирландии (Irish Universities Act, 1908), который распустил Королевский университет, заменив его Государственным университетом Ирландии (National University of Ireland) и Белфастским университетом Квинз (Queen's University of Belfast).

претендовал на должность директора. Всего было 22 кандидата, и школьный совет на финальном этапе выбирал между двумя лучшими, Кёркпатриком и Воэном Булгером из Дублина. В итоге предпочли Булгера.

Неустранимый Кёркпатрик стал искать другие вакансии. Рассматривалась его кандидатура на должность главы кафедры английского языка и литературы в Университи-колледже (Корк). Однако та, первая, вакансия вновь открылась, когда в 1875 году Буглер перешел в тот же колледж Корка и возглавил кафедру греческого языка. Кёркпатрик вновь предложил свою кандидатуру на должность директора Лургана и с 1 января 1876 года занял эту должность. Его талант ободрять и вдохновлять учеников вошел в легенды. Альберт Льюис наделал немало ошибок, пытаясь организовать учебу младшего сына в Англии, но главное его решение, наконец-то проистекавшее из личного опыта, а не из малоудачных профессиональных советов «Габбитас и Тринг», оказалось наилучшим.

Одной фразой Льюис подытожил основные заслуги своих учителей: «Выбражала учил меня грамматике и риторике, а Кёрк – диалектике»⁸¹. Постепенно он учился правильно использовать слова и выстраивать аргументы. Но влияние Кёркпатрика не ограничивалось развитием диалектических талантов Льюиса. Старый школьный учитель заставлял ученика совершенствоваться в древних и современных языках самым простым методом – вынуждая ими пользоваться. Через два дня после того, как Льюис прибыл к нему, Кёркпатрик усадил его и раскрыл «Илиаду» Гомера в подлиннике, на древнегреческом. Он прочел примерно двадцать строк с белфастским акцентом (сумел бы его разобрать сам Гомер?), предложил свой вариант перевода и попросил Льюиса продолжить с этого места. Вскоре молодой человек достаточно уверенно читал классиков в оригинале. Кёркпатрик распространил тот же метод на латынь, а далее на живые языки, в том числе немецкий и итальянский.

Кому-то подобный метод обучения может показаться архаичным и даже нелепым. Для многих студентов столь сложная задача обернулась бы унижительным поражением и утратой уверенности в себе. Но для Льюиса это был вызов, побуждавший целиться выше и удваивать ставку. Именно такой метод преподавания как нельзя лучше соответствовал его способностям и потребностям. В одной из самых знаменитых проповедей «Бремя славы» (*The Weight of Glory*, 1941) Льюис предлагает нам вообразить себе школьника, зубрящего греческий, чтобы постичь блаженство чтения Софокла. Он и был тем школьником, а Кёркпатрик – его наставником. В феврале 1917 года Льюис в большом волнении сообщал отцу, что сумел прочесть первые двести строк «Ада» на родном языке Данте и «с большим успехом»⁸².

Но другими последствиями рационализма Кёркпатрика Льюис уже не так охотно делился с отцом. Одно из них – укреплявшийся в юноше атеизм. Льюис ясно дает понять, что неверие его «полностью сформировалось» еще до Букхэма, но Кёркпатрик снабдил его дополнительными аргументами в пользу такой позиции. В декабре 1914 года Льюис прошел обряд конфирмации в церкви Св. Марка в Данделе, в той самой, где в январе 1899 года он был крещен. К тому времени отношения с отцом испортились настолько, что Льюис не сумел откровенно признаться: он утратил веру в Бога и не желает проходить через этот обряд. Много лет спустя Кёркпатрик послужил прототипом Макфи в «Мерзейшей мощи» – умного, красноречивого и чрезвычайно твердолобого в своих убеждениях ирландца шотландских корней, крайне скептически относящегося к вопросам религии.

Готов ли был Льюис полностью разделить позицию Кёркпатрика в этом вопросе? Единственный человек, кому Льюис, по-видимому, решился открыть свое сердце и признаться также в своем отношении к религии, был Артур Гривз, полностью вытеснивший Уорни в роли душевного и доверенного друга Льюиса. В октябре 1916 года Льюис обращает к Гривзу завер-

⁸¹ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 373.

⁸² Письмо Альберту Льюису от 8 февраля 1917 // Letters. Vol. 1. P. 75.

шенный и окончательный символ веры, точнее, безверия: «Я не признаю никакой религии». Все религии, пишет он другу, всего лишь мифологии, выдуманные людьми, чаще всего в ответ на какие-то природные явления или эмоциональные потребности. Таков, по его словам, «обще-признанный научный взгляд на происхождение религии», а к моральным проблемам религия отношения не имеет⁸³.

С этого письма начинается интенсивный обмен аргументами с Гривзом, который в ту пору был верующим (и думающим) христианином. Всего за месяц друзья написали по меньше мере шесть писем на эту тему, после чего пришли к выводу, что диаметрально противоположность взглядов делает их дискуссию бесплодной. Потом Льюис вспоминал, как «бомбардировал [Гривза] всей изощренной артиллерией семнадцатилетнего резонера»⁸⁴ – но без заметного результата. Сам же Льюис не видел причины верить в Бога. Ни один разумный человек не захотел бы верить в «чудовище, желающее пытать меня вечно»⁸⁵. С рациональной точки зрения религия в его глазах оказалась полным банкротом.

Но тут обнаружилось, что воображение и разум тянут в противоположные стороны. Льюис по-прежнему переживал то глубокое желание, которое называл «радостью». Одно из наиболее важных переживаний такого рода пришлось на март 1916 года, когда ему в руки попал волшебный роман Джорджа Макдональда «Фантастес»⁸⁶, и пока Льюис его читал, он, сам не заметив как, пересек границу страны воображения. Все изменилось – из-за одной лишь книги. Он обнаружил «новое качество», «ясную тень», его как будто «голос с края земли окликнул»: «В ту ночь христианским стало мое воображение»⁸⁷. Так в жизни Льюиса произошло новое измерение. «Я и не догадывался, на что иду, покупая “Фантастес”». Пройдет еще какое-то время, прежде чем Льюис осознает связь между христианством Макдональда и плодами его творчества, но семя было уже посеяно и нужно было только подождать, пока оно взойдет.

Угроза призыва

Тем временем жизнь Льюиса, как и жизнь множества других, покрыла более темная тень. Потери первого года войны вызвали острую нужду в пополнении армии – бóльшую, чем возможно было удовлетворить призывом добровольцев. В мае 1915 года Льюис в письме отцу излагал свое видение ситуации. Оставалось лишь надеяться, что война закончится прежде, чем ему исполнится восемнадцать, или что у него будет возможность записаться добровольцем до того, как его призовут⁸⁸. С каждым днем Льюис все отчетливее понимал, что с большой вероятностью ему предстоит отправиться на войну. Это был вопрос только времени. На скорую победу надежды не оставалось, а восемнадцатый день рождения уже приближался.

27 января 1916 года вступил в силу Акт о военной службе, положивший конец добровольному вступлению в армию. Со 2 марта 1916 года обязательной регистрации подлежали все мужчины в возрасте с 18 лет до 41 года, и по мере надобности их собирались призывать. Однако действие Акта не распространялось на Ирландию, и в нем содержалась существенная оговорка: все мужчины этого возраста, «находящиеся в Британии исключительно с целью получить образование», также освобождались от регистрации. Но Льюис понимал, что это времен-

⁸³ Письмо Артуру Гривзу от 12 (?) октября 1916 // Ibid. P. 230–231.

⁸⁴ Lewis Papers. Vol. 10. P. 219. Комментарии Льюиса обнаруживаются в трехстраничном рассуждении о Гривзе, вероятно, написанном около 1935 г. (p. 218–220).

⁸⁵ Письмо Артуру Гривзу от 18 октября 1916 // Letters. Vol. 1. P. 235.

⁸⁶ Сам Льюис в «Настигнут радостью» неточно датирует это событие августом 1915 г. См.: Hooper, W. C. S. Lewis: The Companion and Guide. L., 2005. P. 568.

⁸⁷ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 394.

⁸⁸ Письмо Альберту Льюису от 28 (?) мая 1915 // Letters. Vol. 1. P. 125.

ная поблажка. Судя по письмам, он уже пришел к выводу, что действительной службы ему не избежать.

В марте, вскоре после начала действия Акта, Льюис писал Гривзу, цитируя строку Шекспира из пролога к «Генриху V»: «В ноябре мне исполняется восемнадцать, возраст солдата, и меня ждут “обширные поля Франции”, которые мне вовсе бы не хотелось видеть»⁸⁹. В июле Льюис получил письмо от Дональда Хардмана, соученика по Малверну: Хардман сообщал, что его призовут примерно в Рождество.

А как обстоят дела у Льюиса, интересовался он. Льюис ответил, что пока не знает, но в письме Кёркпатрику от мая 1916 года Альберт Льюис извещает, что сын уже принял решение добровольно вступить в армию, но сначала хочет сдать экзамены в Оксфорд⁹⁰.

Тем временем события в Ирландии открыли перед молодым человеком еще одну возможность. В апреле Ирландия содрогнулась от вести о Пасхальном восстании – мятеже в Дублине, который организовал Военный совет Ирландского республиканского братства с целью положить конец английскому владычеству в Ирландии и провозгласить независимую республику. Пасхальное восстание продолжалось с 24 по 30 апреля 1916 года. Оно было подавлено британской армией после недели боев, вожди мятежа предстали перед военным судом и выслушали смертный приговор. Стало ясно, что придется посылать в Ирландию дополнительные войска для поддержания порядка. Не удастся ли Льюису попасть вместо Франции в Ирландию, когда он поступит на военную службу?

Тем временем о будущем своего подопечного усиленно размышлял и Кёркпатрик. Свою роль наставника он принимал близко к сердцу и старался проанализировать все, что успел узнать о характере и способностях ученика. В письме Альберту Льюису он выражал уверенность, что его сын от природы одарен «литературным темпераментом» и в своих суждениях о книгах уже проявляет поразительную зрелость. Ему, несомненно, суждена значительная карьера. Тем не менее отсутствие сколько-нибудь серьезных знаний в области математики и точных наук не позволяет рассчитывать на поступление в Сэндхерст. Сам Кёркпатрик полагал, что Льюису следует выбрать карьеру юриста. Но Льюис не собирался следовать по стопам отца. Он уже нацелился на Оксфорд и хотел сдавать экзамены в Нью-колледж Оксфордского университета, на классическое отделение.

Поступление в Оксфордский университет

Не совсем понятно, почему Льюис выбрал именно Оксфорд, а в нем именно Нью-колледж. Ни Кёркпатрик, ни семья Льюиса не имели связей в этом колледже и в университете в целом. К этому времени Льюис перестал переживать из-за скорого призыва, эти заботы отступили на второй план. По совету Кёркпатрика Льюис обратился к юристу за консультацией по поводу тонкостей Акта о военной службе. Юрист предложил написать офицеру, ответственному за призыв в этом районе (штаб-квартира находилась в Гилдфорде). 1 декабря Льюис отчитался отцу: формально он изымается из-под действия Акта при условии немедленной регистрации. Льюис поспешил выполнить это требование.

4 декабря 1916 года, уладив дела с призывом, Льюис поехал в Оксфорд на вступительный экзамен. Он запутался в полученных объяснениях и вышел со станции не с того конца. В итоге он дошел до пригорода Оксфорда Ботли и лишь когда увидел простирающуюся впереди сельскую местность, повернул обратно и наконец «увидел вдали шпили и башни, поистине прекраснейшее из зрелищ»⁹¹ (аллегория неверного поворота в жизни запомнится ему наве-

⁸⁹ Письмо Артуру Гривзу от 7 марта 1916 // Ibid. P. 171.

⁹⁰ Письмо Альберта Льюиса Уильяму Керкпатрику 8 мая 1916 // Lewis Papers. Vol. 5. P. 79–80. Более раннее письмо Керкпатрика, от 5 мая, см.: Ibid. P. 78–79.

⁹¹ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 397–398.

гда). Он вернулся на вокзал и нанял извозчика, чтобы доехать до пансиона миссис Этридж на Мэнсфилд-роуд, напротив Нью-колледжа. Там ему и еще одному абитуриенту предоставили общий кабинет для занятий.

Наутро шел снег. Экзамен сдавали в зале колледжа Ориэль. Даже в дневные часы там было так холодно, что Льюис и его сотоварищи писали ответы на экзаменационные вопросы, сидя в пальто и шарфах, иные даже не снимали с рук перчаток. Льюис так погрузился в подготовку к экзаменам, что упустил сообщить отцу, когда они состоятся. Между экзаменами он все же улучил момент написать отцу о том, в какой восторг его привел Оксфорд: «Он превзошел самые причудливые мои мечты, я никогда не видел ничего столь прекрасного, особенно в такие морозные залитые лунным светом ночи»⁹². Сдав последний экзамен, Льюис вернулся 11 декабря в Белфаст и сказал отцу, что, скорее всего, места в колледже он не получит.

Он оказался прав, но лишь отчасти. Нью-колледж действительно его не принял, но его эссе произвело впечатление на руководство другого колледжа. Два дня спустя пришло письмо от Реджинальда Макана (Reginald Macan, 1848–1941), главы Университи-колледжа, извещавшее Льюиса о том, что поскольку Нью-колледж не внес его в списки отобранных, ему предлагается взамен стипендия в Университи-колледже. Не будет ли он любезен подтвердить свое согласие? Льюис был счастлив.

Но одно облачко омрачало горизонт. Вскоре Макан написал ему снова и дал ясно понять, что в связи с изменившимися правилами призыва было бы «морально невозможно» здоровому юноше старше восемнадцати лет отсиживаться в Оксфорде. Ожидалось, что все молодые люди из этой категории поспешат добровольно вступить в армию. Альберт Льюис занервничал. Если младший сын не запишется в армию добровольно, его могут призвать – рядовым солдатом, а не офицером. Как же поступить?

В январе 1917 года Льюис снова приехал в Оксфорд обсудить ситуацию с Маканом. В письме он сообщил отцу, что решение вроде бы найдено. Самый надежный способ получить офицерское звание в Британской армии – вступить в университетское общество подготовки офицеров и уже на основании этой подготовки подавать заявление на чин⁹³. Университетское общество подготовки офицеров функционировало в Оксфорде и других престижных британских университетах с 1908 года, его задачей было предоставить «стандартный уровень базовой военной подготовки с целью обеспечить офицерский резерв» британской армии. Если бы Льюис сразу по прибытии в Оксфорд вступил в это общество, перед ним бы открылась прямая и быстрая дорога к офицерскому званию.

Однако вступить в университетское общество подготовки офицеров могли только студенты и члены Оксфордского университета. В ту пору поступление в Оксфорд разделялось на две стадии. На первой кандидату следовало обеспечить себе место в одном из колледжей: Льюис, не поступив в Нью-колледж, получил стипендию в Университи, так что этот этап он благополучно прошел. Но приглашение от колледжа еще не означало, что кандидат будет автоматически одобрен университетом. Желая сохранить единые высокие требования к студентам всех колледжей, университетские власти настаивали на том, чтобы абитуриенты проходили дополнительное испытание («публичный экзамен»), дабы убедиться, что они соответствуют общеуниверситетскому стандарту⁹⁴. К несчастью для Льюиса, в этот экзамен входил также лист по основам математики – предмету, к которому Льюис не имел ни малейших способностей.

Вновь Альберт Льюис прибег к опыту Кёркпатрика. Если «Старый Придира» сумел вбить в голову Льюиса древнегреческий, то уж конечно он обучит его элементарной математике. Итак, Льюис отправился доучиваться в Грейт Букхэм. 20 марта он поехал в Оксфорд сдавать

⁹² Письмо Альберту Льюису от 7 декабря 1916 // *Letters*. Vol. 1. P. 262.

⁹³ Письмо Альберту Льюису от 28 января 1917 // *Ibid*. P. 267.

⁹⁴ *Aston, T. S., ed. The History of the University of Oxford*. 8 vols. Oxford, 1984–1994. Vol. 6. P. 356.

дополнительное испытание и полагал, что вскоре вслед за тем начнется и его военная жизнь. И действительно, из колледжа пришло письмо с известием, что 26 апреля он может приступать к занятиям. Итак, дверь Оксфорда открылась перед Льюисом, но ненадолго.

Прежде чем всерьез учиться в университете, ему придется пройти войну.

Глава 3. 1917–1918

Обширные поля Франции: война

Французский император Наполеон Бонапарт как-то заметил: лучший способ понять человека – выяснить, что творилось в мире, когда ему было двадцать лет. За несколько недель до 28 ноября 1918 года, двадцатого дня рождения Льюиса, закончилась Великая война. Многие уцелевшие чувствовали свою вину перед погибшими товарищами. Окопная война оставила на душах солдат вечные шрамы – пережитого насилия, разрушения, ужасов. Двадцатый год жизни Льюиса прошел под знаком этого близкого, в упор, знакомства с войной. Ровно в свой девятнадцатый день рождения он прибыл в окопы Северной Франции под Аррас, а когда ему исполнилось двадцать, еще оправлялся от полученных ран.

Странный случай «не слишком важной» войны

Если Наполеон был прав, то мировоззрение и жизненный опыт Льюиса должны быть неизбежно и непоправимо сформированы войной, травмой, утратами. В таком случае мы могли бы ожидать, что его внутренний мир до самых основ был сотрясен этим вооруженным противостоянием и частым соприкосновением со смертью. Но сам Льюис рассказывает другую историю. Его опыт войны был, по его словам, «в каком-то смысле не слишком важен». По-видимому, годы в английских закрытых школах показались ему более ужасными, чем время, проведенное в окопах Франции⁹⁵.

На полях сражений во Франции в 1917 и 1918 годах Льюис столкнулся со всеми ужасами современной войны, однако в «Настигнут радостью» эта тема почти не затрагивается. Льюис искренне верит, что детские горести в колледже Малверна значили для него больше, чем весь военный опыт, и даже описывая военный период, сосредотачивается главным образом на прочитанных книгах и новых знакомствах, оживляя немислимые страдания и разрушения. Об этом, говорит Льюис, более чем достаточно написано другими авторами, и ему к этому добавить нечего⁹⁶. И во всем объеме поздних произведений почти не встречается упоминаний о той войне.

Некоторые читатели заподозрят здесь странный перекоп, искажение пропорций. Почему три главы автобиографии потрачены на подробное описание сравнительно незначительных горестей Малверна и так мало внимания уделено гораздо более страшному насилию, травме и ужасам Великой войны? Ощущение диспропорции лишь усиливается при чтении всего корпуса текстов, в котором Великая война по большей части обходится молчанием, а если и упоминается, то так, словно все это случилось с кем-то другим. Льюис как будто стремится дистанцироваться от воспоминаний о том годе, отделить их от себя. Почему?

Самое простое объяснение кажется и наиболее правдоподобным: Льюис не мог вынести травму своего военного опыта, бессмысленность этих утрат и разрушений ставила под вопрос смысл вселенной в целом и смысл личного бытия Льюиса в частности. Литература о Великой войне и ее последствиях описывает психологические и душевные раны солдат, сказавшиеся как во время боев, так и уже дома. Многие студенты, вернувшиеся из окопов в Оксфорд, с большим трудом адаптировались к нормальной жизни, многие страдали нервными срывами. Льюис, по-видимому, сумел разделить свою жизнь на отсеки, «закапсулировал» свой опыт, и это помогло ему сохранить душевное равновесие. Разрушительные воспоминания о травматическом опыте оставались под строгим контролем и практически не сказывались на других

⁹⁵ Письмо Франсин Смитлайн от 23 марта 1962 // Letters. Vol. 3. P. 1325.

⁹⁶ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 404.

областях его жизни. Литература, и в особенности поэзия, сделалась непроницаемой оградой, которую Льюис воздвиг между собой и хаотичным, бессмысленным внешним миром. Она уберегала его от экзистенциального уничтожения, которое грозило другим.

Мы видим этот процесс в «Настигнут радостью», где Льюис дистанцируется от «перспективы войны». Его мысли о вероятных ужасах будущих столкновений, по-видимому, отражают его отношение к уже состоявшейся реальности:

Кому-нибудь может показаться неправдоподобным или бесстыдным мое нежелание думать о войне; могут сказать, что я бежал от реальности. Я же попросту заключил с этой реальностью сделку⁹⁷.

Льюис готов был предоставить в распоряжение родной страны свое тело, но не свой разум. Эта граница была установлена в его внутреннем мире и строго охранялась, настойчивым и тревожным мыслям не позволялось ее пересекать. Это не было бегством от реальности: Льюис предпочел заключить «договор», согласно которому реальность приручалась, приспособлялась и сдерживалась. Речь идет именно о «границе», о запрете на определенные мысли.

«Договор с реальностью» сыграет ключевую роль в душевном развитии Льюиса, и нам еще предстоит вернуться к нему в следующих главах. В ментальную картину реальности не так-то просто было вместить травму Великой войны. Как многие другие, Льюис столкнулся с ситуацией, когда устоявшиеся представления о мире, которые почти все в эдвардианскую эпоху принимали как должное, были разрушены самой жестокой и опустошительной на тот момент войной. В первые послевоенные годы главной заботой Льюиса стали поиски смысла – не только возможности личной реализации и стабильности, но и такого смысла для своего внутреннего и внешнего мира, который утотил бы его беспокойный и все подвергающий проверке ум.

Прибытие в Оксфорд. Апрель 1917 года

Чтобы понять позицию Льюиса по отношению к Великой войне, нужно прежде всего разобраться, каким образом он оказался на полях сражений. Начало 1917 года он провел в Грейт Букхэме, стараясь (не слишком успешно, как выяснится) овладеть математикой. 29 апреля Льюис снова отправился в Оксфорд, в Университи-колледж. Оксфорд превратился в военный лагерь – впервые со времен гражданской войны в Англии, когда Карл I размещал в городе свой штаб (1643 год). Парки использовали как площадки для парадов и для обучения новобранцев. Многие из преподавателей помоложе, а также обслуга уже отправились на войну. Лекций было немного, слушателей – и того меньше. Университетская газета, *The Oxford University Gazette*, в обычное время печатавшая расписание лекций и сообщения об университетских мероприятиях, теперь публиковала бесконечные горестные списки павших. Эти обведенные траурной каймой страницы выразительно передавали ужасы бойни.

Оставшись к 1917 году практически без студентов, Оксфорд вынужден был выживать на существенно сократившиеся доходы. В Университи-колледже, обычно шумном и многолюдном, проживало совсем немного учащихся⁹⁸. В 1914 году здесь числилось 148 молодых людей, а в 1917-м – всего семеро. На редкой групповой фотографии, снятой в Троицын семестр 1917 года, – лишь десять членов колледжа. После принятых в мае 1915 года законов о чрезвычайном положении Университи освободил от исполнения обязанностей семерых из девяти тьюторов: им просто нечем было заняться.

Столкнувшись с резким сокращением числа студентов, Университи-колледж срочно искал другие источники финансирования. Его собственные доходы упали с 8755 фунтов в 1913

⁹⁷ Там же. С. 379–380.

⁹⁸ См.: *Darwall-Smith, R. A History of University College, Oxford. Oxford, 2008. P. 440–447.*

году до 925 в 1918-м⁹⁹. Как многие другие колледжи, в отношении финансов он теперь главным образом зависел от министерства обороны. Колледж сдавал помещения в аренду под казармы и госпитали. Другие колледжи принимали беженцев из раздираемой войной Европы, особенно из Бельгии и Сербии.

В тот момент значительная часть принадлежавших колледжу помещений использовалась как госпиталь. Льюис разместился в комнате 5 в подъезде 12 во дворе Рэдклифа. Хотя физически он пребывал теперь в Оксфорде, нельзя сказать, чтобы в тот момент началось его университетское образование. Тьюторов не было, лекций во всем университете читалось очень мало. Первым впечатлением Льюиса от колледжа стало его «огромное одиночество»¹⁰⁰. Однажды вечером в июле 1917 года он бродил по затихшим лестницам и пустым коридорам, дивясь их «странной поэзии»¹⁰¹.

Главной целью переезда в Оксфорд на летний семестр 1917 года для Льюиса было поступление в Оксфордский университетский корпус подготовки офицеров¹⁰². Он подал заявку 25 апреля, еще перед тем, как лично прибыл в Оксфорд¹⁰³. Заявка была без проволочек одобрена пять дней спустя, отчасти благодаря тому, что Льюис успел в свое время отслужить в кадетском отряде при школе Малверн¹⁰⁴. Декан колледжа отказался предоставлять новому студенту какую-либо академическую помощь на том основании, что все его время поглотит военная подготовка. Тем не менее Льюис в частном порядке договорился о занятиях алгеброй с Джоном Эдвардом Кэмпбеллом (1862–1924) из Хетфорд-колледжа, который наотрез отказался от платы за свои услуги¹⁰⁵.

Откуда вдруг такая решимость усовершенствоваться в математике, ведь обычно этот предмет не считался необходимым для погружения в историю и образ мыслей античности? Отчасти причиной тому желание Льюиса пройти дополнительное испытание, но главным образом сказалось совершенно разумное желание Альберта Льюиса пристроить сына в артиллерию – он был уверен, что тем самым шансы Льюиса-младшего на выживание повысятся¹⁰⁶. Пусть лучше обстреливает немцев из-за линии фронта, а не ввязывается в губительное окопное противостояние, уже унесшее столько жизней. Увы, королевская артиллерия предъявляла к офицерам такие требования по части математики, особенно тригонометрии, каким Льюис в ту пору никак не мог соответствовать. Вскоре он с очевидностью понял, что с этой задачей ему не совладать, и мрачно уведомил отца о том, что его «шансы попасть в пушкари» крайне малы, поскольку в офицеры принимают лишь «тех, кто докажет наличие у него специальных познаний по математике»¹⁰⁷.

Хотя в тот раз Льюис провел в Университи-колледже не так уж много времени, впечатления у него остались очень глубокие. Этими чувствами и переживаниями он делился с Артуром Гривзу и не столь щедро – с отцом и братом. Гривзу он писал о наслаждении принимать ванну «без утомительного ритуала купальных принадлежностей» и о замечательной сказочной атмосфере в библиотеке Оксфордского союза (Oxford Union Society): «Никогда в жизни не был столь счастлив»¹⁰⁸. Для отца он подбирает другие темы, отчасти стараясь скрыть свой пускаю-

⁹⁹ Ibid. P. 443.

¹⁰⁰ Письмо Артуру Гривзу от 28 апреля 1917 // Letters. Vol. 1. P. 296.

¹⁰¹ Письмо Артуру Гривзу от 8 июля 1917 // Ibid. P. 324.

¹⁰² Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 399.

¹⁰³ Послужной список Льюиса хранится в Национальной галерее (отдел публичных записей: военное министерство 339/105408).

¹⁰⁴ Письмо Альберту Льюису от 3 мая 1917 // Letters. Vol. 1. P. 299.

¹⁰⁵ Письмо Альберту Льюису от 12 мая 1917 // Ibid. P. 302.

¹⁰⁶ Письмо Альберту Льюису от 8 июня 1917 // Ibid. P. 316.

¹⁰⁷ Письмо Альберту Льюису от 17 мая 1917 // Ibid. P. 305.

¹⁰⁸ Письмо Артуру Гривзу от 13 мая 1917 // Ibid. P. 304.

щий корни атеизм. Он пишет Альберту о Церкви и конкретных церквях, хотя на самом деле их не посещает.

Не оставалось сомнений в том, что ему предназначена окопная война. Под конец обучения в корпусе в письмах к отцу он обсуждает подготовку к войне во Франции, описывает разные варианты окопов, в том числе «укрытия, воронки от снарядов и – могилы»¹⁰⁹. Рассмотрев досье Льюиса, лейтенант Клейпол, адъютант корпуса подготовки офицеров Оксфордского университета, доложил, что он «по всей вероятности смог бы стать полезным офицером, но не успеет до конца июня получить достаточную подготовку для зачисления в Офицерский корпус. ПЕХОТА». Участь Льюиса была решена. Его направляли в пехоту – и почти наверняка в окопы Франции.

Кадет в колледже Кибл

Великая война губила жизни и разрушала мечты, вынуждая многих отказаться от планов на будущее, чтобы послужить своей стране. Льюис – классический пример недобровольного солдата, молодой человек с академическими, литературными интересами и идеями, чья жизнь оказалась направлена в иное русло силами, ему неподконтрольными, которым он не имел возможности сопротивляться. Из Университи-колледжа на Великую войну ушло 770 студентов, 175 из них пало в боях. Даже за то короткое время, что Льюис провел в Университи-колледже летом 1917 года, он должен был понять, как много старшекурсников отправилось на фронт и уже не вернется. Их судьба запечатлена в торжественных строках стихотворения 1916 года «Шпили Оксфорда» Уинифред Мэри Леттс (1882–1972)¹¹⁰:

*Я видела шпили Оксфорда,
проплыли они за окном
Серые шпили Оксфорда
в небе бледно-голубом
Сердце мое – с теми из Оксфорда,
Кто пал в краю чужом.*

Льюис проходил военную подготовку бок о бок с другими молодыми людьми, тоже полными идей и надежд. Многие из них рассматривали вынужденную службу как необходимость «выплатить свой долг» стране и надеялись после войны вернуться к прежней жизни. Всех не перечислить, приведем лишь один пример – того адъютанта из корпуса подготовки офицеров при Оксфордском университете, который рекомендовал направить Льюиса в пехоту.

Джеральд Генри Клейпол (1894–1961) служил лейтенантом в Пятом королевском стрелковом полку¹¹¹. Он подал в отставку 8 февраля 1919 года, сославшись на плохое здоровье. Джерри Клейпол питал любовь к английской литературе и к 1941 году стал завучем по английскому языку и литературе в школе имени короля Эдуарда VII в Шеффилде. В 1958 году он вышел на пенсию и умер в январе 1961 года. Некролог в школьном журнале упоминает его твердую веру в то, «что литературу нужно переживать и наслаждаться ею, а не превращать ее в объект рассуждений и теории» – точно такие взгляды будет развивать и отстаивать Льюис¹¹². Весьма вероятно, что Клейпол читал некоторые произведения Льюиса, в том числе введение к

¹⁰⁹ Письмо Альберту Льюису от 3 (?) июня 1917 // Ibid. P. 315.

¹¹⁰ Letts, W. M. The Spires of Oxford and Other Poems. N. Y., 1917, 3. Шпили Оксфорда Леттс увидела, проезжая мимо на поезде.

¹¹¹ Военное министерство 3 72/4 12913.

¹¹² King Edward VII School Magazine. 15, № 7 (May 1961).

«Потерянному раю». Сообразил ли Клейпол, что он сыграл существенную роль в судьбе Льюиса, ее причудливых поворотах? Этого нам никогда не узнать.

Зато мы знаем, что 7 мая 1917 года Льюис начал подготовку к будущей должности пехотного офицера британской армии. Отныне действительная военная служба стала неизбежностью. Ему повезло в том, что для подготовки не пришлось покидать Оксфорд и отправляться в один из многочисленных тренировочных лагерей, рассеянных по всей Британии. Из оксфордского корпуса подготовки офицеров Льюиса перевели в роту Е Четвертого кадетского батальона, расквартированного в оксфордском же колледже Кибл¹¹³.

«Школа инструктажа» оксфордских студентов – потенциальных офицеров – была организована в январе 1915 года. Через нее прошло около трех тысяч кадетов¹¹⁴. В феврале 1916 года, учитывая растущие военные нужды, британская армия изменила правила для кадетов. Будущих офицеров отныне готовили в офицерском кадетском батальоне. Принимали в него только молодых людей в возрасте от восемнадцати с половиной лет, уже отслуживших рядовыми или же прошедших корпус подготовки офицеров. И хотя в корпусе подготовки офицеров Льюис числился всего несколько недель, этого оказалось достаточно, чтобы его приняли в один из кадетских батальонов и начали готовить к офицерскому званию.

Два таких батальона базировались в Оксфорде: Четвертый и Шестой. В каждый набрали 750 человек и расквартировали их по опустевшим оксфордским колледжам. В Четвертом кадетском батальоне имелось пять рот, пронумерованных буквами от А до Е. Льюис был распределен в роту Е и размещен в колледже Кибл. Его обрадовала возможность остаться в Оксфорде. Другое дело переезд в Кибл – это радости не вызывало.

Кибл был одним из новых приращений Оксфорда¹¹⁵. Колледж приобрел мрачную репутацию из-за приверженности к Высокой церкви и спартанских условий проживания. Основатели Кибла в 1870 году стремились создать такое место, где оксфордское образование станет доступно «джентльменам, желающим жить бережливо». В результате и в мирные времена условия тут были скромные и даже суровые, а теперь, когда начались еще и лишения, вызванные войной, злосчастные обитатели Кибла не могли рассчитывать даже на самые элементарные удобства.

Льюису пришлось променять довольно комфортабельные комнаты в Университи-колледже на «маленькую келью без ковра и с двумя кроватями (также без простыни и подушки) в Кибле»¹¹⁶. Соседом Льюиса по этой жалкой комнатенке оказался Эдвард Фрэнсис Куртенэ («Пэджи») Мур, его ровесник¹¹⁷, тоже зачисленный в роту Е Четвертого батальона, причем в тот же день, что и Льюис – 7 мая 1917 года. Обучавшиеся в ту пору в Оксфорде кадеты в большинстве своем не были студентами или членами университета. Некоторые попали сюда из Оксфорда, другие, как Мур, не получали высшего образования. Хотя в Оксфорд Мур прибыл из Бристоля, родился он в Кингстауне (ныне Dún Laoghaire) в графстве Дублин. Так рано сказалась склонность Льюиса сближаться в Англии с людьми ирландского происхождения – потом это будут Теобольд Батлер и Невилл Когхилл.

Льюис сдружился еще с четверьмя молодыми людьми из роты Е – Томасом Керрисоном Доуи, Денисом Говардом де Пасс, Мартином Ашвортом Сомервиллем и Александром Гордо-

¹¹³ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 400. Сохранились подробные отчеты по роте С (Oxford University Officers' Training Corps, Archive OT 1/1/ 1–11; OT 1/2/1-4), но очень мало документов по роте Е, где служил Льюис.

¹¹⁴ Oxford University Officers' Training Corps Archives, Archive OT 1/1/1–11.

¹¹⁵ Строго говоря, Кибл был «новым учреждением», преподаватели здесь именовались «тьюторами», а не «членами колледжа». Лишь в 1930 г. внутренняя структура Кибла была приведена в соответствие с другими оксфордскими колледжами.

¹¹⁶ Письмо Альберту Льюису от 10 (?) июня 1917 // Letters. Vol. 1. P. 317.

¹¹⁷ Мур родился 17 ноября 1898 г.; Льюис – 29 ноября 1898-го.

ном Саттоном. Тогда он не мог предвидеть, что через полтора года будет оплакивать их всех. «Нас было пятеро в Кибле, а выжил только я»¹¹⁸.

Из переписки того времени явствует, что поначалу Льюиса больше привлекал Сомервилль, чем сосед по комнате Мур. Сомервилль, сообщил он отцу в письме через несколько дней после зачисления в батальон, его «главный друг», хотя он молчалив, но «очень начитан и интересен», а Мур «немного слишком ребячлив для настоящего общения»¹¹⁹. Однако на чтение времени почти не оставалось, ежедневное рытье окопов и марш-броски положили ему конец. Кадетам предоставляли выходные, и тогда Льюис возвращался в комнаты Университи и наверстывал переписку.

Но постепенно Льюис, по-видимому, все более сближался с Муром. Вся эта маленькая группа друзей часто бывала у жившей по соседству матери Пэдди, миссис Джейн Кинг Мур. Миссис Мур, родом из ирландского графства Лаут, разошлась со своим мужем, дублинским инженером, и в ту пору перебралась вместе с двенадцатилетней дочерью Морин из Бристоля в Оксфорд, чтобы быть поближе к Пэдди. Она снимала жилье на Веллингтон-сквер, недалеко от колледжа Кибл. Ей было 45 лет, когда Льюис познакомился с ней – почти столько же было его матери Флоре в 1908 году, когда она умерла.

Переписка подтверждает: Льюис и миссис Мур показались друг другу интересными и привлекательными. Впервые Льюис упоминает «ирландскую леди» в письме отцу от 8 июня¹²⁰. Миссис Мур написала Альберту Льюису в октябре того же года, восхваляя юношу, с которым повезло вместе жить ее сыну: он-де «очарователен и очень приятен в общении, и все, с кем он встречается, отзываются о нем самым лучшим образом»¹²¹.

Документы военного времени по Четвертому кадетскому батальону под командованием подполковника Дж. Г. Стеннинга сохранились в виде пожелтевшей пачки бумаг большого формата¹²². Из документов 1916–1918 годов уцелели далеко не все, и полного представления о составе и деятельности этого тренировочного соединения они не дают. Не все кадеты перечислены поименно, некоторые имела искажены. Например, Пэдди Мур первоначально был внесен в списки как «Э. М. К. Мур», и лишь неделю спустя его инициалы были исправлены – «Э. Ф. К. Мур»¹²³. Тем не менее, при всей неполноте и неточности эти списки и рапорты дают нам достаточное представление о полученной Льюисом подготовке: он обучался стрелять из «льюиса» (народное название ручного пулемета Льюиса), ему объясняли, как выжить в газовой атаке, кроме того, по воскресеньям кадетов строем водили в церковь, предупреждали насчет запрета обсуждать военные дела с гражданскими, организовывали крикетные матчи между колледжами и укрепляли их здоровье физическими упражнениями. Из других отчетов складывается достаточно наглядная картина того, как Льюиса должны были учить обращаться с оружием, особенно с винтовками¹²⁴.

Из документов следует также поразительный факт: летом в колледже Кибл проходили подготовку двое К. С. Льюисов. Наш К. С. Льюис был зачислен в роту Е 7 мая 1917 года¹²⁵. 5 июля 1917 года другой К. С. Льюис, приписанный к полку легкой пехоты Оксфорда и Букин-

¹¹⁸ Письмо Альберту Льюису от 17 (?) ноября 1918 // *Letters*. Vol. 1. P. 416. На самом деле (хотя Льюис так этого и не узнал), один из четверых, кого он считал убитым (Денис Говард де Пасс), вернулся с войны и вплоть до своей смерти в 1973 г. разводил молочный скот в Сассексе.

¹¹⁹ Письмо Альберту Льюису от 10 (?) июня 1917 // *Ibid*. P. 317; письмо Артуру Гривзу от 10 июня 1917 // *Ibid*. P. 319.

¹²⁰ Письмо Альберту Льюису от 18 июня 1917 // *Ibid*. P. 322.

¹²¹ *Lewis Papers*. Vol. 5. P. 239.

¹²² Ныне в архиве колледжа Кибл, Оксфорд.

¹²³ *Battalion Orders* № 30, 15 June 1917, sheet 4.

¹²⁴ См. инструкцию по подготовке пехоты, выпущенную в 1917 г. Центральным штабом малых школ: Оксфордский корпус подготовки офицеров, *Archive* OT 1/8.

¹²⁵ *Battalion Orders* № 31, 20 June 1917. Part 2, sheet 1.

гема, был зачислен в роту С¹²⁶. Три месяца спустя он был «направлен переводом» в Шестой полк Миддлсекса¹²⁷.

Из переписки за июль 1917 года ясно следует, что Льюис знал о присутствии в Кибле полного тезки. Он постоянно подчеркивает, что письма ему следует адресовать в роту Е, иначе их могут доставить другому Льюису, из роты С¹²⁸. Кто же был этот второй К. С. Льюис? К счастью, сохранившихся документов достаточно, чтобы ответить на этот вопрос.

Вскоре после конца войны полный список всех кадетов, проходивших подготовку в роте С Четвертого кадетского батальона, был составлен их командиром капитаном Ф. У. Мейтсоном и сверен с официальными списками британской армии в декабре 1918 года. Затем Мейтсон написал всем своим кадетам и, получив ответ, опубликовал их адреса. Этот ценный документ, опубликованный частным порядком колледжем Кибл в 1920 году, содержит между прочим и такую строку¹²⁹:

Льюис К. С., младший лейтенант, Шестой Мидлсексский полк, Бринвел, Пентала, Аберавон.

Это однозначно подтверждает, что Мейтсон имел возможность установить после войны контакт с Льюисом из роты С и уточнить его адрес – в Южном Уэльсе. Кстати, возможно, именно из-за путаницы с двумя Льюисами нашему К. С. военное министерство так и не выплатило часть жалования, которое причиталось ему к концу войны¹³⁰.

Воспоминания Льюиса об Оксфорде военной поры

24 октября 1922 Льюис встречался в Университи-колледже со «Стрижами», литературным обществом колледжа, которое он помогал возродить после Великой войны. Оказалось, что в этот раз студенты собрались в тех самых комнатах, которые он сам занимал в 1917 году. Запись в его дневнике под этой датой 1922 года представляет интерес, так как передает три важных для Льюиса воспоминания пятилетней давности.

Сюда меня впервые принесли мертвецки пьяным; здесь я написал несколько стихотворений из «Плененных духов». Здесь была Д.¹³¹

Каждое из этих воспоминаний открывает перед нами один из ключевых аспектов личного развития Льюиса в то оксфордское лето 1917 года. И только одно из них затрагивает литературу.

Первое воспоминание относится к вечеринке в июне 1917 года, где Льюис «напился по-королевски». Льюису кажется, что этот ужин состоялся в Эксетер-колледже, но сохранившиеся свидетельства указывают скорее на находящийся поблизости колледж Брасенос (что само по себе подтверждает, насколько весело Льюис провел тот вечер). Изрядные порции спиртного развязали ему язык, и Льюис неблагоразумно проболтался о растущем интересе к садомазохизму, в чем он уже слегка пристыженно признавался Артуру Гривзу¹³². Льюис запомнил, как бродил среди собутыльников и просил каждого позволить ему «выпороть его по ш. за удар»¹³³.

¹²⁶ Battalion Orders № 35, 13 July 1917. Part 2, sheet 5.

¹²⁷ Battalion Orders № 59, 30 November 1917. Part 2, sheet 1.

¹²⁸ Письмо Альберту Льюису от 24 июля 1917 // Letters. Vol. 1. P. 329–330.

¹²⁹ “С” Company No. 4 O. C. B. 1916–19 (Oxford: Keble College, 1920), 34. Keble College, KC/JCR H1/1/3.

¹³⁰ В конце июля 1917 г. Льюис писал отцу, что военное министерство наконец-то обнаружило факт его существования и выплатило ему семь шиллингов: Письмо Альберту Льюису от 22 июля 1917 // Letters. Vol. 1. P. 327. Вероятно, это означает, что бумажная работа в кадетском батальоне велась не лучшим образом.

¹³¹ All My Road before Me. P. 125.

¹³² Отметим особо письма Артуру Гривзу, датированные 3 июня 1917 и 10 июня 1917 г.: Letters. Vol. 1. P. 313, 319–320. Упоминание о «виконте де Саде» было первоначально вымарано Гривзом.

¹³³ Письмо Артуру Гривзу от 10 июня 1917 // Ibid. P. 319. “Ш.” обозначает шиллинг

Других воспоминаний о том дебоше у Льюиса не сохранилось, за исключением того, что наутро он проснулся на полу собственной комнаты в Университи-колледже.

Эта не совсем обычная склонность проявилась у юного Льюиса чуть ранее в том же году и побудила к изучению эротических сочинения маркиза де Сада (1740–1814). В эту пору Льюису также доставляло удовольствие чтение тех разделов «Исповеди» Жан-Жака Руссо (1770), где речь шла о радостях порки, и он сравнивал себя с Уильямом Моррисом (1834–1896) как с «особым любителем розги». Однажды он извинился перед Гривзом за то, что письмо пишет «на коленке» и это выражение тут же пробудило в его мозгу отвлекающие от темы эротические ассоциации:

«На коленке» – тут же приходит на ум удобная позиция для порки, вернее, не для порки (нет замаха), а для той пытки мочалкой. Эта позиция с ее детскими, младенческими ассоциациями, содержит в себе нечто дивно интимное и вместе с тем очень унижительное для жертвы¹³⁴.

Хотя флагеллянтские фантазии Льюиса чаще всего направлялись на красивых женщин (вероятно, в том числе на сестру Гривза Лили)¹³⁵, письма из Оксфорда указывают, что он готов был включить в число объектов своей мечты и юношей.

В трех письмах Артуру Гривзу, датированных началом 1917 года, стоит подпись «Филомастикс» (греческое слово, означающее «любитель кнута»)¹³⁶. Льюис пытался объяснить растущее увлечение «чувственной жестокостью», зная, что Гривз не разделяет этот интерес и несколько ему не сочувствует. «Очень, очень немногие, – признает Льюис, – питают столь странную склонность»¹³⁷. Гривз явно не принадлежал к числу этих немногих. Более того, с весны 1915 до лета 1918 года Льюис именует Гривза прозвищем «Галахад», намекая на целомудрие своего доверенного друга и стойкость, с какой тот противостоял искушениям, слишком сильным для самого Льюиса.

И это дружеское поддразнивание вполне обосновано. Личный дневник Гривза за те же годы и впрямь обнаруживает сильную озабоченность сохранением душевной и телесной чистоты, особенно после конфирмации в церкви Ирландии 10 июня 1917 года. Церковный обряд означал для Гривза религиозное «совершеннолетие», что он воспринимал как определенную веху духовного пути. Гривз переживал в ту пору кризис, хотя, возможно, и не делился своими терзаниями с Льюисом. В дневнике молитвы о «сохранении чистоты разума»¹³⁸ перемежаются с мрачными размышлениями о бессмысленности жизни. «Какая ужасная жизнь! И к чему все это? Доверься Ему»¹³⁹. В дневнике перед нами предстает одинокий юноша, для которого дружба с Льюисом и вера в Бога были двумя путеводными звездами на темном и переменчивом небосводе.

Второе воспоминание связано с возникшей у Льюиса надеждой состояться в качестве поэта. К тому времени уже получили признание «окопные поэты», в том числе Зигфрид Сэссун (1886–1967), Роберт Грейвс (1895–1985) и Руперт Брук (1887–1915), в особенности прославившийся тремя строками из стихотворения «Солдат»:

Лишь это вспомните, узнав, что я убит:

¹³⁴ Письмо Артуру Гривзу от 28 января 1917 // Ibid. P. 269. Этот раздел письма был позднее вымаран Гривзом.

¹³⁵ Льюис намекает на это в письме от января 1917 г., где он фантазирует о том, как мог бы «наказать» не названного по имени родича Гривза: Письмо Артуру Гривзу от 31 января 1917 // Ibid. P. 271.

¹³⁶ Письма Артуру Гривзу от 31 января 1917, 7 февраля 1917 и 15 февраля 1917 // Ibid. P. 272, 274, 278. Важное письмо от 28 января 1917, где обсуждается порка, обошлось без подписи «Филомастикс»: Ibid. P. 269.

¹³⁷ Письмо Артуру Гривзу от 15 февраля 1917 // Ibid. P. 276.

¹³⁸ Карманные дневники Гривза (11,5 см x 8 см) с января 1917 по декабрь 1918 г. хранятся в центре Уэйда, Уитон-колледж. Эту молитву можно найти в записи от 8 июля 1917 г. См.: Arthur Greeves Diaries. 1–2.

¹³⁹ Запись от 18 июля 1917 // Arthur Greeves Diaries. 1–2.

*стал некий уголок, средь поля, на чужбине
навек Англией¹⁴⁰.*

Брук умер от сепсиса, развившегося из-за инфицированного укуса москита – это случилось 23 апреля 1915 года на пути в Галлиполи, где ему предстояло принять участие в боях. Его «уголком на чужбине» стала оливковая роща на греческом острове Скирос.

Вдохновленный такими примерами, Льюис начал писать стихи о войне еще в Оксфорде, пока готовился к сражениям. Эти стихи, опубликованные в марте 1919 года под псевдонимом «Клайв Гамильтон» (Гамильтон – девичья фамилия его матери), не дождалась теплого приёма и редко переиздавались. Сначала Льюис назвал свое сочинение «Духи в темнице: цикл лирических стихотворений» (*Spirits in Prison: A Cycle of Lyrical Poems*), но Альберт Льюис, чью начитанность многие недооценивали, напомнил, что под таким названием выходил в 1908 году роман Роберта Хитченса. Льюис прислушался к мнению отца и изменил название на «Пленные духи»¹⁴¹.

Остается открытым вопрос, можно ли причислить это сочинение к военной поэзии. По моим подсчетам, более половины стихотворений этого сборника написаны до того, как Льюис отправился во Францию и увидел войну воочию. Эти ранние стихотворения – скорее интеллектуальные размышления о войне с безопасной дистанции, здесь еще не дышит страсть, отчаяние, жестокость смертоносных полей Франции. Интеллектуальный интерес они безусловно представляют, но до поэтической зоркости Сэссона и Брука им далеко.

Что же эти стихотворения говорят нам о Льюисе? Ведь это как-никак первая значительная его публикация¹⁴². Стилистически они, вероятно, подсказывают, что Льюису требовалось еще время, прежде чем его голос обретет зрелость и авторитет. Но на том этапе его стихотворения особенно ценны как свидетельство укоренившегося атеизма. Самые интересные разделы цикла – протесты против немых и равнодушных небес. «Ода на Новый год», написанная под огнем в январе 1918 года поблизости от французского города Арраса, возвещает окончательную смерть Бога, который изначально был плодом человеческого вымысла. Все упования на то, что «красный Бог» может «склонить ухо» к воплям человеческого отчаяния, лежат, отвергнутые и безнадежные, в грязи, обезображенные «Могуществом, что убивает и уничтожает былую красу»¹⁴³.

Эти строки важны, поскольку передают две темы, глубоко засеявшие в ту пору в уме Льюиса: презрение к Богу, в чье существование он не верил, но тем не менее возлагал на него вину за повсеместную резню и разрушения, и глубокую тоску по безопасности и надежности прошлого, того прошлого, которое, как это явствует из стихов, Льюис считал погибшим навеки. Эта нота тоски о невозвратимом любимом прошлом сохранится и в более поздних книгах Льюиса.

А самое главное, наверное, что сообщают нам «Пленные духи» о своем авторе – это его амбиции, то есть желание остаться в памяти людей поэтом и уверенность, что у него хватит таланта для такого призвания. И хотя в итоге мы помним Льюиса как историка литературы, апологета и прозаика, это вовсе не совпадает с его собственными юношескими мечтами и мыслями о будущем. Льюис – несостоявшийся поэт, достигший величия в других областях литературы. Но кое-кто мог бы сказать, что, не сумев стать поэтом, Льюис зато преуспел как автор прозы, причем прозы, насыщенной мощными ритмами и музыкальными фразами истинного поэта.

¹⁴⁰ Перевод В. Набокова.

¹⁴¹ Льюис рассуждает об этой перемене в письмах отцу, датированных 18 сентября 1918 и 18 октября 1918 г. См.: Letters. Vol. 1. P. 399–400, 408–409.

¹⁴² Комментарии и анализ см.: King, Don W. C. S. Lewis, Poet. P. 52–97.

¹⁴³ *Spirits in Bondage: A Cycle of Lyrics*. L.: Heinemann, 1919. P. 25.

Но что же третье воспоминание? Кто такая Д.¹⁴⁴? И почему Льюис придает такое значение ее визиту к нему в комнату в 1917 году? Следующие записи в дневнике дают ответ на этот вопрос: это миссис Мур, в доме которой Льюис поселился к тому времени. Их сложные отношения, о которых мы дальше поговорим подробнее, начались в ту пору, когда Льюис еще числился в кадетском батальоне в колледже Кибл. Первоначальным поводом для их знакомства и сближения был сын миссис Мур, но отношения быстро стали развиваться уже автономно от самого Пэдди.

Близость Льюиса с Пэдди Муром не подлежит сомнению. Возможно, эти отношения были даже более близкими, нежели видится биографам. Их союз сложился, по-видимому, в ту пору, когда Льюис и Мур жили в одной комнате колледжа Кибл. Чтобы вникнуть в этот вопрос, нужно принять во внимание также и то, в каком полку британской армии Льюис будет далее служить. 26 сентября 1917 года Льюис получил временное назначение младшим лейтенантом в Третий Сомерсетский полк легкой пехоты, и ему предоставили месячный отпуск перед дальнейшим обучением в Южном Девоне¹⁴⁵. Пэдди Мур угодил в стрелковую бригаду и уже отправился на Сомму.

Но почему Льюис выбрал службу в Сомерсете, ведь у него не было никаких семейных связей с этим графством? Большинство биографов не замечают важности этого вопроса. Ведь несомненно имелись и другие возможности. Один из наиболее очевидных вариантов – Оксфордский и Букингемский полк легкой пехоты, он был расквартирован в Оксфорде, и многие кадеты Четвертого батальона получили назначение именно в него. А поскольку Льюис был родом из Белфаста, он мог также вступить в какой-нибудь ирландский полк. Так почему же в итоге он попал в Сомерсетский пехотный?

Возможно, в приказах по Четвертому кадетскому батальону мы найдем ключ для ответа на этот вопрос. Когда в этих документах упоминается какой-либо кадет, указывается и тот полк, к которому он был предварительно приписан на момент зачисления в учебный батальон – в этом полку ему предстояло служить, если только он не добьется иного назначения, например, обнаружив во время подготовки особые технические навыки. Эти батальонные списки свидетельствуют, например, что «другой» К. С. Льюис изначально был приписан к Оксфордскому и Букингемскому полку легкой пехоты, но в конце концов был направлен в Шестой Мидлсексский полк. В тех же списках зафиксирована дата прибытия Пэдди Мура в батальон 7 мая 1917 – следующим образом¹⁴⁶:

37072 Мур, Э. М. К. Сом. Л. П. 7.5.17

Вот он, ответ на вопрос, почему Льюис выбрал этот полк: Мур был приписан к Сомерсетскому полку легкой пехоты. Это вполне понятно, учитывая, что Пэдди вырос в Редленде, пригороде Бристоля, который при наборе рекрутов относили к графству Сомерсет. Аналогичная запись в архивах батальона о Льюисе свидетельствует, что он первоначально был приписан к Королевскому шотландскому пограничному полку.

Мы вынуждены всерьез отнестись к вероятности того, что Льюис *попросился* в Сомерсетский полк легкой пехоты в надежде, что будет служить вместе со своим другом. Возможно,

¹⁴⁴ Уолтер Хупер, готовивший к печати рукопись дневника, позднее пришел к выводу, что буква, которую он принял за D, на самом деле была греческая дельта, Δ. Это наводит на мысль, что у Льюиса появилось особое прозвище для миссис Мур, как-то связанное с начинающимся на эту букву греческим термином. Он применял подобный прием и в других ситуациях. Например, в 1940 г. Льюис прочел в Оксфордском обществе доклад «Элемент *Kappa* в литературе». Каппа – первая буква греческого слова *kryptos* – «скрытый», «тайный».

¹⁴⁵ Этот батальон считался «особым резервом», он предназначался главным образом для военной подготовки и на всем протяжении Великой войны оставался в Англии.

¹⁴⁶ Battalion Orders № 30, 15 июня 1917, лист 4. Как было указано ранее, неделю спустя неверные инициалы были переправлены на «E. F. C.». Отметим, что в британской датировке, использованной в этой записи, последовательность день-месяц-год, в отличие от американской месяц-день-год.

эти двое даже заключили что-то вроде торжественного договора присматривать друг за другом на войне? На такую мысль наводит письмо Джейн Мур Альберту Льюису от 17 октября 1917 года, в котором она сообщает о глубоком огорчении Пэдди в связи с тем, что им с Льюисом не суждено служить вместе в Сомерсетском¹⁴⁷. Тон этого письма становится вполне понятен, если оба молодых человека надеялись вместе оказаться в Сомерсетском полку и бок о бок встретить все тяготы и опасности войны.

Но вышло иначе: спустя несколько дней после того, как Льюис отправился в Сомерсет, Мур получил временное назначение в стрелковую бригаду. Если наши предположения верны, Льюис, должно быть, был близок к отчаянию, узнав, что служить ему предстоит без новообременного друга. Он отправится на войну один, и рядом не будет никого из близких ему людей.

В тот визит Льюиса и Пэдди в Бристоль Морин Мур подслушала, как ее брат заключил с другом договор: если один из них погибнет, другой позаботится о его матери или, соответственно, отце. Неясно, пришли ли они к такому соглашению до того, как Мур узнал о назначении в стрелковую бригаду, или после того, но в любом случае мы вправе считать его воплощением того крепкого союза, что сложился между двумя юношами в Оксфорде.

Отношения Льюиса с кровными родственниками в ту пору быстро ухудшались. Альберт Льюис рассчитывал заполучить сына на время его отпуска в «Маленький Ли» в Белфасте, а Льюис отправился на три недели к Мурам в Бристоль, к отцу же наведаясь нехотя и ненадолго (12–18 октября), перед тем как прибыть в свой полк в Кроунхилле, «деревне из деревянных домишек»¹⁴⁸. Несколько уклончивое письмо из Бристоля открывало Альберту Льюису только часть правды¹⁴⁹: Льюис-де «простудился» и миссис Мур велела ему соблюдать постельный режим.

На самом деле их отношения к тому времени зашли намного дальше. Вернувшись в Кроунхилл, Льюис второпях написал Артуру Гривзу, прося забыть некоторые вещи, которые он опрометчиво говорил о «некой особе»¹⁵⁰. Хотя косвенные доказательства намекают, что речь шла о его сближении с миссис Мур, безусловной уверенности в этом нет и не будет. Тем не менее такое предположение укладывается в общую картину обмана и хитростей, с помощью которых Льюис старался скрыть эти сложные, но важные для него отношения от отца. Он прекрасно понимал: стоит Альберту Льюису узнать правду, и отношения с отцом, и без того напряженные, рухнут. Что если бы отец мог заглянуть в письмо Льюиса Гривзу от 14 декабря 1917 года, в котором он откровенно именуется самого Гривза и миссис Мур «двумя людьми, которые значат... больше всего в мире»¹⁵¹?

Отбытие во Францию. Ноябрь 1917 года

Пэдди Мур отправился во Францию со стрелковой бригадой уже в октябре. Льюис и его отец опасались, что Льюиса скоро тоже отправят сражаться во Францию, но внезапно все переменялось. «В большом волнении» Льюис писал отцу 5 ноября: он только что узнал, что его батальон направляют в Ирландию¹⁵²! В Ирландии усилилось политическое напряжение, отчасти из-за все еще тлевших искр Пасхального восстания. Хотя и это назначение было небезопасным, Альберт Льюис не мог не видеть, что риску здесь гораздо меньше, чем на фронте. В ноябре 1917 года Третий Сомерсетский полк отправился в ирландский город Лондондерри, а оттуда в апреле 1918 года в Белфаст.

¹⁴⁷ Lewis Papers. Vol. 5. P. 239.

¹⁴⁸ Письмо Альберту Льюису от 22 октября 1917 // Letters. Vol. 1. P. 338.

¹⁴⁹ Письмо Альберту Льюису от 3 октября 1917 // Ibid. P. 337.

¹⁵⁰ Письмо Артуру Гривзу от 28 (?) октября 1917 // Ibid. P. 339.

¹⁵¹ Письмо Артуру Гривзу от 14 декабря 1917 // Ibid. P. 348.

¹⁵² Письмо Альберту Льюису от 5 ноября 1917 // Ibid. P. 344.

Но Льюис в итоге не попал в Ирландию. Его перевели в Первый Сомерсетский полк¹⁵³, боевое подразделение, сражавшееся во Франции с августа 1914 года¹⁵⁴. Считалось, что новобранцев будут еще интенсивно обучать в резерве, прежде чем бросят в огонь, но и тут события развивались слишком быстро. Вечером в четверг 15 ноября Льюис спешно телеграфировал отцу: ему предоставили 48 часов увольнительной перед тем, как он должен будет явиться в Саутгемптон и сесть на судно, отбывающее во Францию. Телеграфировал он из Бристоля, где остановился у миссис Мур. Не может ли отец навестить его¹⁵⁵? Альберт Льюис телеграфировал в ответ: он не понимает, что происходит. Пусть Льюис напишет и объяснится.

Утром в пятницу 16 ноября Льюис послал отцу еще одну отчаянную телеграмму. Его отправляют во Францию, он отплывает уже завтра днем. Он хотел понять, успеет ли отец повидаться с ним до отъезда. Но Альберт Льюис не давал ответа, словно те небеса, о молчании которых вопияли стихи Льюиса. В итоге Льюис отбыл во Францию, так и не попрощавшись с отцом. Уровень потерь среди неопытных младших офицеров был чудовищный, Льюис вполне мог не вернуться. И то, что Льюис-старший не осознал важности этого критического момента, несколько не улучшило без того далеких от спокойствия отношений между отцом и сыном. Некоторые даже считают, что это и был окончательный разрыв.

17 ноября Льюис отплыл из Саутгемптона в Гавр (Нормандия), в свой полк. Как раз в свой день рождения (ему исполнилось 19 лет) Льюис оказался один, без друзей, в окопах под Монши-ле-Пре, к востоку от французского города Арраса, поблизости от бельгийской границы. Альберт Льюис тем временем вновь пытался перевести сына в артиллерию, но ему объяснили, что хлопотать о переводе вправе только сам военнослужащий, и для этого ему понадобится письменное разрешение командира¹⁵⁶. В письме из того, что Льюис называет «довольно сильно разрушенный город где-то за линией фронта», молодой человек отказался следовать этой инструкции¹⁵⁷. Лучше уж остаться в своем пехотном полку.

Хотя письмо от 13 декабря представляет дело так, словно Льюис пребывает в безопасности за линией фронта, в реальности все было иначе. Он уже находился в окопах, хотя в переписке с отцом умалчивал об этом обстоятельстве вплоть до 4 января 1918 года – вероятно, чтобы не причинять отцу лишнего беспокойства. И даже потом он старался, как мог, преуменьшить угрозу. Опасности он-де подвергался только однажды – снаряд упал рядом, и то когда он был в туалете¹⁵⁸.

Немногочисленные упоминания об ужасах окопной войны у Льюиса подтверждают и объективную реальность этого кошмара («распластанные снарядами люди, обрубки, все еще шевелившиеся, словно раздавленный червяк, сидящие и стоящие трупы, грязная голая земля»), и его способность дистанцироваться от этих картин: война «словно померкла в моей памяти... Это слишком чуждо всему жизненному опыту»¹⁵⁹. Возможно, это самая характерная особенность того «договора с реальностью», что заключил Льюис: формирование границы, барьера, защищавшего Льюиса от таких жутких образов, как «распластанные снарядами люди», и позволявшего жить дальше, словно все эти ужасы были испытаны кем-то другим. Льюис свивал вокруг себя кокон, изолируя свои мысли от гниющих трупов и технологий разрушения. Мир

¹⁵³ Альберт Льюис гадал, не в ирландском ли происхождении Льюиса причина: Lewis Papers. Vol. 5. P. 247. Документ от 22 мая подтверждает назначение в 11-ю бригаду, Четвертый дивизион Первого Сомерсетского полка легкой пехоты.

¹⁵⁴ Подробный отчет за 1914 г. см.: Wyrall, E. The History of the Somerset Light Infantry (Prince Albert's) 1914–1919. L., 1927; с 1916-го см.: Majendie, V. H. B. A History of the 1st Battalion Somerset Light Infantry (Prince Albert's). Taunton, Somerset, 1921. Второй батальон Сомерсетского полка легкой пехоты во время Великой войны стоял в Индии.

¹⁵⁵ Телеграмма Альберту Льюису от 15 ноября 1917 // Letters. Vol. 1. P. 345.

¹⁵⁶ Lewis Papers. Vol. 5. P. 247.

¹⁵⁷ Письмо Альберту Льюису от 13 декабря 1917 // Letters. Vol. 1. P. 347–348.

¹⁵⁸ Письмо Альберту Льюису от 4 января 1918 // Ibid. P. 352.

¹⁵⁹ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 405.

можно было удержать на расстоянии – лучше всего это удавалось с помощью книг, предоставив словам и мыслям других людей встать щитом между читателем и тем, что творилось вокруг.

Личный опыт участника самой технологической и обезличенной войны был отфильтрован и пропущен через призму литературы. Для Льюиса книги были и связью с тем, что запомнилось (пусть и сентиментально преувеличенно) как блаженство утраченного прошлого, и целебным бальзамом от травм и безнадежности настоящего. Несколько месяцев спустя он писал Артуру Гривзу: он с тоской оглядывается на те счастливые дни, когда сидел посреди своей «маленькой библиотеки и перебирал книгу за книгой»¹⁶⁰. Эти дни, с нескрываемой печалью пишет он, канули в Лету.

Клемент Эттли, студент Университи-колледжа, впоследствии премьер-министр, унимал разгулявшиеся под бомбежкой нервы, представляя себе прогулку по Оксфорду¹⁶¹. Льюис с той же целью погружался в книги. И на военной службе во Франции он не только читал – хотя читал он с жадностью: он также продолжал писать стихи. В цикл «Плененные духи» входит ряд стихотворений, которые отражают переживаемые воочию реалии войны, например, «Французский ноктюрн (Монши-ле-Пре)». Льюис обнаружил, что успокоиться и адаптироваться к реальности помогает не только чтение, но и попытка выразить свои чувства собственными словами. Как будто ментальный процесс составления фраз и строк унимал и смирял те самые переживания, которые служили источником вдохновения. Однажды он доверительно посоветовал Артуру Гривзу: «Когда сыт жизнью по горло, берись за перо: чернила, как я давно установил, – лучшее лекарство от всех человеческих бед»¹⁶².

Большую часть февраля 1918 года Льюис провел в военном госпитале № 10 в Ле-Трепоре, недалеко от Дьеппа, на французском берегу Ла-Манша. Как и многие сотоварищи, он пал жертвой «окопной лихорадки», P. O. U., как ее часто обозначали, то есть «лихорадка неизвестного происхождения» – разносчиками ее считались вши. В письмах отцу Льюис вспоминал то счастливое время, когда с матерью и братом отдыхал в Берневаль-ле-Гран под Дьеппом, всего в 29 километрах от этого госпиталя, – это было в 1907 году¹⁶³. Письма Гривзу того же времени полны сообщений о книгах, которые он читал или собирался прочесть, – например, биографию Бенвенуто Челлини. Если боги будут к нему добры, мечтал Льюис, то ниспошлют рецидив и он задержится в больнице. Впрочем, мрачно замечает он, боги ему враждебны – и трудно их за это упрекать, учитывая, как он сам к ним относится¹⁶⁴. Неделю спустя Льюиса выписали из госпиталя. Его батальон тем временем отвели с линии огня для переобучения в Ванкетен, где новобранцы отрабатывали тактику передвижения «групповыми перебежками», готовясь к запланированному большому наступлению. 19 марта батальон возвратился на передовую под Фампу возле Арраса.

Ранен в бою: наступление на Риес дю Винаж. Апрель 1918 года

В дневниках Артура Гривза в марте–апреле 1918 года часто заходит речь о его одиночестве и тревоге за Льюиса. «Я молю Бога сохранить моего друга. Не знаю, как я буду без него»¹⁶⁵. 11 апреля Гривз приводит содержание письма, только что полученного от миссис Мур: ее «дорогой сын» был «убит»¹⁶⁶. Гривз вне себя от скорби по Пэдди Муру и усиливающегося страха за жизнь своего ближайшего друга. Два дня спустя он поверяет дневнику свои надежды:

¹⁶⁰ Письмо Артуру Гривзу от 3 июня 1918 // *Letters*. Vol. 1. P. 378.

¹⁶¹ *Darwall-Smith, R. History of University College, Oxford*. P. 437.

¹⁶² Письмо Артуру Гривзу от 30 мая 1916 // *Letters*. Vol. 1. P. 187.

¹⁶³ Письмо Альберту Льюису от 16 февраля 1918 // *Ibid*. P. 356.

¹⁶⁴ Письмо Артуру Гривзу от 21 февраля 1918 // *Ibid*. P. 358–360.

¹⁶⁵ Запись в «памятке» на неделю 17–23 марта 1918 // *Arthur Greeves Diaries*. P. 1–4.

¹⁶⁶ Запись от 11 апреля 1918 // *Ibid*.

«Если б только Джека ранили. Он в руках Божьих, и я полагаюсь на Него: пусть сохранит его живым»¹⁶⁷. В отчаянии Гривз смеет уповать лишь на то, что Льюис получит достаточно тяжелую рану, чтобы его эвакуировали с передовой, а то и вернули бы домой, в Англию. В итоге именно так все и произошло.

Сомерсетский полк легкой пехоты в 18.30 14 апреля начал наступление на маленькую деревню Риес дю Винаж, находившуюся в руках немцев¹⁶⁸. Артиллерийский обстрел оказался недостаточно интенсивным для того, чтобы подавить сопротивление немцев, и наступавшая пехота попала под сильный пулеметный огонь. Среди раненых был младший лейтенант Лоренс Джонсон, на следующее утро он скончался. Джонсон, член оксфордского Квинз-колледжа, явился в полк 17 апреля 1917 года и стал одним из немногих армейских друзей Льюиса¹⁶⁹.

Но сам Льюис вместе со своим батальоном добрался до Риес дю Винаж благополучно. «Я “взял в плен” шестьдесят человек, то есть, к величайшему своему облегчению, увидел, что внезапно появившаяся передо мной толпа одетых в серую форму мужчин поднимает вверх руки»¹⁷⁰. К 19.15 наступление завершилось, Риес дю Винаж перешел в руки Сомерсетского полка легкой пехоты.

Немцы немедленно перешли в контратаку, обстреляв деревню из пушек, а затем бросив в бой пехоту, которую удалось отбросить. Рядом с Льюисом разорвался немецкий снаряд, ранив его и убив стоявшего рядом сержанта Гарри Эйрса¹⁷¹. Льюиса доставили в британский военный госпиталь № 6 под Этаплем. Альберту Льюису было немедленно отправлено письмо (вероятно, составленное сиделкой), извещавшее о «легком ранении» сына. Затем последовала телеграмма из военного министерства примерно такого же содержания: «Младший лейтенант К. С. Льюис Сомерсетский легкой пехоты ранен 15 апреля»¹⁷².

Альберт Льюис, однако, убедил себя в том, что сын ранен *тяжело*, и в письме Уорни, который как раз был произведен в чин капитана¹⁷³, излил свою тревогу. Уорни, испугавшись, что тяжело раненный брат недолго протянет, решил немедленно его посетить. Но как добраться? До госпиталя 80 километров.

Послужной список Уорни помогает разобраться в том, что произошло дальше. Офицер, оценивавший Уорни при присвоении ему очередного звания, отметил, что он «НЕ умеет ездить верхом», но зато «отличный мотоциклист». Выходка Уорни была и вполне предсказуемой, и достаточно фантастической: он взял в займы мотоцикл и проехал 80 километров по бездорожью, чтобы повидать брата. В награду он смог убедиться, что брат вне опасности¹⁷⁴.

Льюис получил шрапнельное ранение, достаточно серьезное, чтобы в конечном счете его отправили домой, но не угрожавшее жизни. Такие раны на военном жаргоне той поры именовались «блайти», или «отпуск вчистую». По сравнению со многими ровесниками Льюис легко отделался. Вскоре он узнал, что Пэдди Мур пропал без вести, скорее всего – убит.

Именно в этот момент Гривз написал Льюису признание: он осознал, что, скорее всего, он гомосексуален – вероятно, Льюис и раньше об этом догадывался¹⁷⁵. Ответ Льюиса на эту испо-

¹⁶⁷ Запись от 31 апреля 1918 // Ibid.

¹⁶⁸ Об этом наступлении см.: *Majendie, V. History of the 1st Battalion Somerset Light Infantry. P. 76–81; Wyrall, E. History of the Somerset Light Infantry. P. 293–295.*

¹⁶⁹ Письмо Артуру Гривзу от 4 (?) ноября 1917 // *Letters. Vol. 1. P. 341–342.*

¹⁷⁰ Настигнут радостью // *Собр. соч. Т. 7. С. 406.*

¹⁷¹ *Majendie, V. History of the 1st Battalion Somerset Light Infantry. P. 81; Wyrall, E. History of the Somerset Light Infantry. P. 295.*

¹⁷² *Lewis Papers. Vol. 5. P. 308.* В более позднем письме в военное министерство Льюис утверждал, что был тогда «тяжело ранен». См.: Письмо в военное министерство от 18 января 1919 // *Letters. Vol. 1. P. 424.*

¹⁷³ Уорни получил звание капитана 29 ноября 1917 г. и пребывал в этом чине вплоть до отставки в 1932 г., так что его послевоенную армейскую карьеру едва ли можно назвать выдающейся.

¹⁷⁴ *Lewis Papers. Vol. 5. P. 309.*

¹⁷⁵ Например, замечание, что почерк у Гривза «в точности как у девочки»: Письмо Артуру Гривзу от 14 июня 1916 //

ведь поражает внезапной терпимостью в сочетании с недоверием к традиционным моральным ценностям: «Поздравляю, старина. Я счастлив, что тебе хватило моральной отваги сформулировать свою точку зрения вопреки старым табу»¹⁷⁶. Вероятно, Гривз почувствовал облегчение, убедившись, что дружба с Льюисом вынесла такую откровенность, и все же дневнику он сообщает, что «скорее опечален» ответом Льюиса¹⁷⁷. Можно предположить, что, внимательно перечитав письмо, Гривз убедился: Льюис мягко дает понять, что не разделяет его ориентацию.

Надеялся ли Гривз на то, что Льюис окажется по одну с ним сторону? Важно понимать, что дневник Гривза в это время свидетельствует о глубокой эмоциональной привязанности к Льюису, равной которой в жизни Гривза ничего не было. Судя по этим записям, никакой другой человек, ни мужчина, ни женщина, не играл в его жизни подобной роли, хотя почти все это время физически Льюис находится далеко. Если от него долго нет письма, Гривз впадает в отчаяние: «Так несчастен из-за Джека. Я ему надоел? Нет ни слова от него»¹⁷⁸. Особенно откровенна последняя запись 1918 года: «Что же мне делать без Дж.^{179?}» Эти записи явно намекают – хотя и не доказывают исчерпывающе – что главным объектом любовного желания Гривза был сам Льюис.

Это могло бы перерасти в серьезную проблему для их отношений, но в итоге Гривз, видимо, смирился с реальностью. Всякая неловкость между друзьями рассеялась и не привела к напряжению или ссоре¹⁸⁰. Льюис продолжал считать Гривза своим самым близким и доверенным другом и поддерживал связь с ним до самой своей смерти в 1963 году. Но сложные отношения с Гривзом явно сказались на размышлениях Льюиса о сути и пределах дружбы. Читателям трактата «Четыре любви» (1960)¹⁸¹ следует понимать, что Льюис здесь исследует, в том числе, границы близости, привязанности и уважения в *мужских* отношениях.

Тем временем Льюис вернулся в Англию и 25 мая 1918 года сделался пациентом офицерского госпиталя Эндсли. Первоначально в этом здании располагался лондонский отель, но военное министерство реквизировало его, не справляясь с хлынувшим из Франции потоком раненых. Льюис уже настолько оправился, что посещал оперу (он сообщает Артуру Гривзу о наслаждении, с каким слушал «Валькирию» Вагнера) и даже доехал до Грейт Букхэма к «Старому Придире». Он также написал длинное проникновенное письмо отцу в надежде, что тот навестит его в Лондоне¹⁸². Альберт Льюис, однако, так и не приехал к сыну, пока Льюис оправлялся от ранения¹⁸³. Зато приехала миссис Мур – более того, она переселилась из Бристоля, чтобы оказаться рядом с Льюисом.

Льюис и миссис Мур: начало отношений

Так что же происходило между Льюисом и миссис Мур? Чтобы хоть отчасти понять ситуацию, нужно принять во внимание ряд факторов. Во-первых, мы не располагаем документами, будь то официальные бумаги или личные свидетельства, которые позволили бы нам с уверен-

Letters. Vol. 1. P. 193.

¹⁷⁶ Письмо Артуру Гривзу от 23 мая 1918 // Ibid. P. 371. Текст частично был вымаран Гривзом и восстановлен при подготовке к изданию Уолтером Хупером.

¹⁷⁷ Запись от 27 мая 1918 // Arthur Greeves Diaries. P. 1–5.

¹⁷⁸ Запись в «памятках» на неделю 5–11 мая 1918 // Ibid.

¹⁷⁹ Запись от 31 декабря 1918 // Ibid. P. 1–6.

¹⁸⁰ Гривз сохранил дневник, где упоминается визит в Оксфорд и встреча с Льюисом в 1922 г. Запись очень бодрая, особенно Гривза порадовало приглашение Льюиса задержаться в гостях. См.: Запись от 28 июня – 28 августа 1922 // Ibid. P. 1–7. Дневник представляет собой записную книжку из “Oxford Series”, в которой Гривз подробно записывает свои творческие упражнения и мысли. Ни следа тех проблем, что удручали его в 1917–1918 гг.

¹⁸¹ В русском переводе – «Любовь».

¹⁸² Письмо Альберту Льюису от 20 (?) июня 1918 // Letters. Vol. 1. P. 384–387.

¹⁸³ Комментарий см.: Lewis, W. H. Memoir of C. S. Lewis. P. 9–10.

ностью делать какие-либо выводы. Под конец жизни миссис Мур уничтожила письма от Льюиса. Единственный человек, с кем Льюис мог откровенно говорить об этих отношениях, был Артур Гривз, но опять же, из этого источника мы тоже не получаем свидетельств, проливающих ясный свет на эту ситуацию.

Зато мы достаточно много знаем о контексте, в котором развивались эти отношения. Мы знаем, что Льюис рано лишился матери и нуждался в материнской любви и понимании в трудное время, когда оказался вдали от дома и друзей. Кроме того, он собирался на войну, смотрел в лицо смерти. Исследования Великой войны подчеркивают ее разрушительное влияние на социальные и моральные устои Британии того времени. Молодые люди, отправлявшиеся на фронт, становились объектом симпатии для молодых девушек и женщин постарше, и это часто перерождалось в страстные, хотя по большей части краткосрочные, романы. Как показывают письма Льюиса к Артуру Гривзу, в ту пору он готов был к сексуальным экспериментам. Мы вполне вправе любопытствовать, зачем же миссис Мур явилась в комнаты Льюиса в Университи-колледже и почему, судя по дневниковой записи 1922 года, это событие 1917 года осталось столь дорого Льюису?

Вероятно, миссис Мур подпитывала идеализированные представления Льюиса о женщине как о заботливой, сострадающей и поддерживающей матери, с одной стороны, и возбуждающей любовнице – с другой. Я часто возвращаюсь мыслью к тому стихотворению, которое многие считают самым таинственным в поэзии Льюиса – сонету «Разум», написанному, скорее всего, в начале 1920-х. В нем Льюис противопоставляет ясность и силу разума (символизируемого Афиной, «девой» в этом сонете) и теплую тьму творческого воображения (Деметра, мать-земля). Главный вопрос для Льюиса: сможет ли кто-нибудь стать для него «и матерью, и девой»¹⁸⁴?

Кто бы мог достичь такого слияния, примирить крайние – с точки зрения большинства людей – противоположности? На интеллектуальном уровне Льюис стремился к истинному браку разума и воображения, к тому, что в юности полностью от него ускользало. «Море и многие острова поэзии, с одной стороны; поверхностный, холодный разум, с другой»¹⁸⁵. Позднее открытие христианской веры предложило ему тот синтез разума и воображения, который до конца жизни остался для Льюиса убедительным и подлинным.

Скрывалось ли за словами и образами Льюиса более глубокое значение, даже если Льюис не имел этого в виду? Может ли быть здесь намек на желание обрести женщину, которая питала бы и его дух, и тело? Была ли миссис Мур и «матерью», которую Льюис утратил, и «девой», по которой он томился?

С некоторой уверенностью можно сказать одно: судя по косвенным доказательствам, к лету 1917 года между Льюисом и миссис Мур складываются сложные отношения. Джордж Сэйер, близкий друг Льюиса, считающийся одним из самых проникательных его биографов, изначально считал эти отношения непростыми, но все же платоническими. Другие симпатизирующие Льюису исследования, в том числе важная и сравнительно недавняя биография того же Сэйера «Джек» (*Jack, 1988*), рассматривают и отбрасывают вероятность того, что Льюис и миссис Мур были любовниками. Но с тех пор общая точка зрения поменялась, и сам Сэйер – пример такой перемены. В отредактированном введении к переизданию того же труда, написанном в 1996 году, Сэйер заявляет, что теперь он «вполне уверен» – Льюис и миссис Мур были любовниками, и более того, такое развитие событий вовсе «не удивительно», принимая во внимание глубокие и не находившие удовлетворения эмоциональные потребности и внутренние конфликты молодого Льюиса¹⁸⁶. Однако их отношения нельзя описывать как в чистом

¹⁸⁴ Poems. Ed. by W. Hooper. Orlando, FL: Harcourt, 1992. P. 81. Точная дата сочинения неизвестна.

¹⁸⁵ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 387.

¹⁸⁶ Sayer, G. Jack. P. XVII–XVIII.

виде «сексуальные», то есть определять таким образом их суть и границы. Здесь одинаково сильно участвуют и «романтический», и «материнский» мотив.

Труднее понять другое: не как могли такие отношения возникнуть непосредственно перед тем, как Льюис отправился на фронт, откуда имел не так много шансов возвратиться, сколько почему эти отношения так долго сохранялись после войны. Большая часть романов военного времени была кратковременной (зачастую ее обрывала гибель отбывшего на фронт солдата) и проистекала больше из сочувствия и удобного момента, чем из глубокой личной привязанности и взаимного доверия. Кажется правдоподобным, что на эти отношения повлиял заключенный между Льюисом и Пэдди Муром «договор»: он задал контекст, в котором подобные отношения могли быть объяснены другим людям, и обеспечил некоторого рода моральное оправдание самому Льюису. В ту пору Льюис полностью избавился от христианской веры и явно считал себя вправе следовать тем ценностям и тем формам поведения, какие сам предпочтет. К этому вопросу мы вернемся в следующей главе.

25 июня 1918 года Льюиса перевели в Эштон Корт, госпиталь для выздоравливающих в Клифтоне (Бристоль), рядом с домом миссис Мур. Льюис написал отцу, что пытался подобрать себе госпиталь в Ирландии, но ничего подходящего не нашлось¹⁸⁷. Там и тогда он узнал сначала, что его «Духи в темнице» (как первоначально назывался цикл стихотворений) отвергнуты издательством Macmillan, а потом – что их приняло издательство Heinemann. В тот момент он еще собирался публиковаться под псевдонимом «Клайв Стейплз», но 18 ноября переименовал псевдоним на «Клайв Гамильтон», укрывшись за девичьей фамилией матери¹⁸⁸. Книга должна была выйти в марте 1919 года.

4 октября Льюиса перевели в лагерь Перхэм Даунс на Солсбери-плейн. Миссис Мур преданно последовала за ним и арендовала комнаты в коттедже поблизости от полигона. У Льюиса появилась забытая роскошь – собственная комната. 11 ноября наконец-то завершилась Великая война. Льюиса снова перевели – на этот раз в офицерский госпиталь в Истбурне (Сассекс). И снова миссис Мур последовала за ним. Льюис известил отца об этом – совместную жизнь с миссис Мур он более не считал тайной – и предупредил, что получит отпуск с 10 по 22 января и тогда наведается в Белфаст. Уорни, тоже получивший отпуск после долгой службы во Франции, прибыл в Белфаст уже 23 декабря 1918 года и успел встретить Рождество вместе с отцом.

Затем все пришло в движение. 24 декабря Льюиса выписали из госпиталя и демобилизовали. Он уже не успел предупредить родных о такой перемене своей участи и явился в Белфаст неожиданным. Запись в дневнике Уорни от 27 декабря подытоживает исход событий¹⁸⁹:

Красный день календаря. Мы сидели утром в кабинете, и примерно в 11 часов на подъездной дорожке показалось такси. Это был Джек! Его демобилизовали... Мы вместе пообедали и отправились на прогулку. Словно бы страшный четырехлетний сон рассеялся, и мы вернулись в 1915-й.

13 января 1919 года Льюис вернулся в Оксфорд и возобновил учебу, столь беспощадно прерванную войной. В этом университете он проведет следующие тридцать пять лет.

¹⁸⁷ Письмо Альберту Льюису от 29 июня 1918 // Letters. Vol. 1. P. 387.

¹⁸⁸ Письмо Альберту Льюису от 18 октября 1918 // Ibid. P. 409.

¹⁸⁹ Lewis Papers. Vol. 6. P. 79.

Часть II Оксфорд

Глава 4. 1919–1927

Обманы и открытия: от студента до оксфордского дона

С окончанием Великой войны в Оксфорд хлынули новые студенты. Более 1800 демобилизованных солдат и офицеров возобновили или начали учебу в первый послевоенный год. Среди них был и К. С. Льюис, вернувшийся в Университи-колледж 13 января 1919 года. К его удивлению, привратник колледжа – очевидно, это был легендарный Фред Бикертон¹⁹⁰ – сразу же узнал его и провел в те старые комнаты во дворе Рэдклиф, которые Льюис занимал летом 1917 года. Оксфорд существенно смягчил условия приема для послевоенного потока студентов, прошедших армию или флот. Как демобилизованный офицер британской армии, Льюис был освобожден от вступительного экзамена, который не сумел сдать перед войной¹⁹¹. Неспособность овладеть базовыми математическими знаниями больше не препятствовала ему получить диплом Оксфорда.

Льюис уже был влюблен в Оксфорд – и в его потрясающую архитектуру, и в богатое интеллектуальное наследие. Это был город культуры и образования, непричастный к имперской эксплуатации колоний или к индустриальному осквернению ландшафтов. Как писал Льюис в «Духах в темнице», Оксфорд – один из немногих великих городов, который

*Построен не ради грубой выгоды в деньгах,
Не ради власти волчьей иль империй пира.*

Льюису-студенту, как и потом Льюису-преподавателю, Оксфорд казался прекрасным городом, питающим и растящим иные империи – царства духа. Он видел

*Чистый город, который баюкают древние реки,
Средоточье видений, ослабление тяжких оков,
Башня снов и прибежище редких умов¹⁹².*

Эти видения и мечты, как был уверен Льюис, наилучшим образом питаются и растут, припадая к первоистокам западной цивилизации, к культуре Древней Греции и Рима. Желая «расширить свой ум», Льюис погрузился в языки и литературу классической эпохи.

Классические языки: студент Университи. 1919 год

Льюис давно уже принял судьбоносное решение – делать академическую карьеру в Оксфорде¹⁹³. Запасного плана не имелось. Льюис знал, кем хочет стать и что для этого надо делать. Он выбрал классические языки и литературу, курс, который в Оксфорде именовался *Literae*

¹⁹⁰ См.: *Bickerton, F.* Fred of Oxford: Being the Memoirs of Fred Bickerton. L., 1953.

¹⁹¹ Письмо Альберту Льюису от 27 января 1919 // *Letters*. Vol. 1. P. 428.

¹⁹² *Spirits in Bondage*. P. 82–83.

¹⁹³ Отметим прямое и недвусмысленное заявление Льюиса о «желании получить членство». См.: Письмо Альберту Льюису от 27 января 1919 // *Letters*. Vol. 1. P. 428.

Humaniores. То был бриллиант в короне Оксфорда викторианской поры, и «классика» все еще служила ориентиром для желающих получить диплом бакалавра в начале 1920-х годов.

В 1912 году Уильям Арчибалд Спунер (1844–1930), знаменитый филолог-классик и декан Нью-колледжа – возможно, именно его слава привлекла Льюиса и побудила подавать заявление в Нью-колледж – сформулировал суть *Literae Humaniores* как «погружение в цивилизацию и мысль античного мира». Этот латинский термин, часто сокращаемый до *Lit. Hum.*, не так-то легко перевести на современные языки. Буквально он означает «более человеческие писания», перекликаясь с гуманистическим идеалом Ренессанса, верившего в цивилизирующее и расширяющее горизонты образование, которое позволяет студенту непосредственно соприкоснуться с богатствами интеллектуального и культурного прошлого.

Хотя *Literae Humaniores* в Оксфорде окончательно утверждаются в 1800-е годы, социальные корни этого курса уходят глубоко в XVIII век. Англия вышла сильно потрепанной, однако отнюдь не уничтоженной, из революции и гражданской войны XVII века и не жалела усилий для того, чтобы восстановить стабильный социальный уклад, всячески подчеркивая добродетели разума, сообразности природе и порядку. Классическая эпоха казалась богатейшим источником мудрости, черпая из которого, англичане сумеют укрепить политическую и социальную стабильность и начнут развивать общие для всей нации культурные стандарты и нормы.

Оксфордским студентам, выбравшим *Literae Humaniores*, предписывалось изучать классические сокровища литературы, философии и истории в подлинниках, видя в этих текстах не просто предмет академического интереса, но залог выживания и процветания Англии. *Lit. Hum.* считались вратами мудрости, а не просто суммой заученных знаний. Это была моральная и культурная подготовка к жизни, а не усвоение фактической информации. Если другие курсы стремились всего лишь *наполнить* умы студентов, этот курс желал *формировать* умы.

Из-за высоких требований к владению языками курс *Lit. Hum.* растягивался на четыре года (12 семестров), в то время как всем остальным программам хватало и трех лет. Курс делился на две части: после пятого семестра студенты сдавали экзамен *Honours Moderations* (на студенческом жаргоне “*Mods*”), и если проходили это испытание успешно, то получали право завершить курс (эта вторая половина программы именовалась “*Greats*”, то есть «Большой») и семь семестров спустя держать окончательный экзамен. Оба экзамена были с оценкой, студенты распределялись на первый, второй, третий и четвертый класс¹⁹⁴. О выдающихся учениках говорили, что те получили «Двойной первый в *Literae Humaniores*», то есть сдали на отлично оба экзамена. Это не означает, что они приобрели два диплома, просто достигли высшего из возможных уровней на обоих испытаниях по этому курсу, предполагавшему единый диплом.

Академический год в Оксфорде уже давно шел, когда Льюис прибыл в университет. Первый семестр 1918–1919 года он пропустил. Академический год в Оксфорде делился на три семестра по восемь недель в каждом: Михайлов (с октября по начало декабря), Хилари (январь–март) и Троицын (апрель–июнь). Но поскольку Льюис успел зарегистрироваться в Университи-колледже на Троицын семестр 1919 года, теперь он считался обычным студентом второго семестра. Он несколько отстал в чтении Гомера, но вскоре нагнал соучеников.

Второй семестр официально начинался в воскресенье 19 января 1919 года¹⁹⁵, со следующего дня читались лекции. Льюис с нескрываемым энтузиазмом засел за учебу. Неделю спустя он описывал распорядок своего дня в письме Гривзу:

Пробуждение в 7.30, ванна, часовня, завтрак... После завтрака я работаю (в библиотеке или в читальне, и там и там тепло) или посещаю лекции до

¹⁹⁴ Оксфордский университет не подразделял диплом второго класса на «нижний второй» (2:2) и «верхний второй» (2:1) вплоть до 1990-х гг. До конца 1960-х существовал также диплом четвертой степени.

¹⁹⁵ *Oxford University Calendar 1918* (Oxford, 1918). P. XIV.

часу, когда на велосипеде еду к миссис Мур... После обеда работаю до чая, а потом снова работаю до ужина. После ужина еще немного работы, болтовни и досуга, иногда бридж, а затем на велосипеде обратно в колледж к одиннадцати. Зажигаю камин и работаю или читаю до двенадцати, когда я укладываюсь в постель и сплю сном праведника¹⁹⁶.

Льюису приходилось жить в колледже в соответствии с требованиями университета: отсутствие на завтраке вызвало бы подозрение и могло бы повлечь расследование с весьма неловкими для Льюиса результатами.

Но кто будил Льюиса в 7.30? Пора упомянуть «скаутов» Оксфордского университета. Льюис в письмах называет их «слугами», вероятно, чтобы не трудиться разьяснять оксфордский жаргон отцу и Артуру Гривзу. В Университи-колледже скауты, исключительно мужского пола, хлопотали с утра до вечера¹⁹⁷. Каждый отвечал за «лестницу» или несколько «лестниц» и заботился как о чистоте комнат, так и о нуждах их обитателей. Обычно скауты приступали к работе в 6 утра, начиная с 6.45 будили студентов (которые неизменно именовались «джентльменами»), подавали им завтрак в столовой или индивидуально в комнаты, убирали комнаты и, наконец, накрывали в столовой ужин. В пору университетских каникул скауты по большей части устраивались в курортные гостиницы. Льюис редко упоминает скаутов в переписке и дневнике, но были и такие студенты, которые дружили со своими скаутами и долго еще поддерживали с ними связь.

Итак, дни Льюиса, пока он был студентом в Оксфорде, были посвящены занятиям и – не столь откровенно – миссис Мур. После утренних лекций или чтения он катил на велосипеде через Магдалинов мост и дальше вверх на Хидингтон-хилл и в деревню Хидингтон¹⁹⁸. Миссис Мур нашла себе жилье в доме 28 по Варнефорд-роуд, в доме, принадлежавшем мисс Алме Физерстоун. День и вечер Льюис проводил в обществе миссис Мур, а на ночь возвращался в колледж. Такой распорядок дня был не слишком-то обычен для оксфордского студента, и Льюис, по-видимому, никому о нем не сообщал, кроме верного Артура Гривза (говоря о «семье» в письмах Гривзу, Льюис подразумевает миссис Мур и Морин)¹⁹⁹. С июля 1919 года Льюис в переписке с Гривзом обозначает миссис Мур прозвищем “the Minto” (обратите внимание на определенный артикль), но нигде нет объяснения этого своеобразного прозвища²⁰⁰. Возможно, это вариация ласкового обращения Морин к матери – «Минни», – но слышится и связь с “the Minto”, твердой карамелью, изобретенной в 1913 году донкастерским кондитером Уильямом Натоллом и весьма в ту пору популярной²⁰¹.

Льюис старался скрыть от отца свою двойную жизнь, сложными способами отводя ему глаза. Например, во время редких визитов Льюиса к отцу миссис Мур писала ему ежедневно. Эти письма были адресованы Артуру Гривзу, жившему поблизости, и заодно у Льюиса, когда он ездил в Белфаст, появлялась дополнительная причина часто навещать друга.

¹⁹⁶ Письмо Артуру Гривзу от 26 января 1919 // *Letters*. Vol. 1. P. 425–426. Одна из послевоенных реформ, проведенная большинством оксфордских колледжей после войны, – отмена обязательного посещения церкви, так что и Льюису недолго пришлось являться к службе из-под палки.

¹⁹⁷ *Bickerton, F.* Fred of Oxford. P. 5–9.

¹⁹⁸ Деревня Хидингтон вошла в городской округ Оксфорда в 1929 г.

¹⁹⁹ См. напр.: «Семья очень увлечена твоей фотографией» (Письмо Артуру Гривзу от 9 февраля 1919 // *Letters*. Vol. 1. P. 433) или: «Семья передает привет» (Письмо Артуру Гривзу от 18 сентября 1919 // *Ibid.* P. 467)

²⁰⁰ В ранних письмах стоит более формальное «миссис Мур», см., напр.: Письма Гривзу от 6 (?) октября 1918 и 26 января 1919 // *Ibid.* P. 404, 425. Первое (и сразу без пояснения) использование прозвища появляется в письме Гривзу от 14 июля 1919 // *Ibid.* P. 460. Далее оно встречается регулярно, см., напр.: *Ibid.* P. 463, 465, 469, 473. К началу 1920-х гг. “the Minto” превращается в просто «Minto».

²⁰¹ Lady Maureen Dunbar, OH/SR-8, fol. 11, Wade Center Oral History Collection, Wheaton College, Wheaton, IL. Историю “the Minto” см.: *Doncaster Gazette*, 8 мая 1934.

Альберт Льюис озабочен судьбой сына

Пока Льюис вел двойную жизнь в Оксфорде, отец сражался за его интересы с военным министерством. Его сыну, настаивал он, причитается компенсация за фронтовые ранения. Изнуренное упорством Альберта Льюиса и силой его аргументов – скорее всего, первый фактор подействовал сильнее второго, – министерство в конце концов сдалось. Нехотя Льюису выдали «вознаграждение за ранение» в размере 145 фунтов 16 шиллингов 8 пенсов. Обрадованный и ободренный победой отец продолжал давить на военное министерство, и в конечном еще оно еще менее охотно выплатило «дополнительное вознаграждение за ранение» – 104 фунта 3 шиллинга и 4 пенса.

Тем не менее отношения между отцом и сыном не были близкими и становились все хуже. Альберт переживал из-за культурного отчуждения сына от родной Ирландии, из-за атеизма, приметы которого он обнаружил в «Плененных духах», и главным образом из-за явного отсутствия сыновней привязанности. Льюис сравнительно редко писал отцу, уклонялся от обязанности проводить с ним каникулы и не проявлял практически никакого интереса к его здоровью и благополучию. По правде говоря, одно из писем Гривзу в июне 1919 года Льюис закончил признанием, что «давненько ничего не слышал от почтенного родителя» и подумывает, уж «не совершил ли он самоубийство»²⁰².

Но помимо этих тревог очевидно, что главным образом беспокойство Альберта Льюиса насчет младшего сына вызывали его непонятные отношения с миссис Мур. Поначалу он готов был приписать зарождавшиеся подозрения своей избыточной фантазии, но постепенно и против собственного желания Альберт Льюис начал прозревать: тут происходит нечто серьезное. Каковы были финансовые последствия «этого дела Джека»²⁰³? На тот момент Альберт поддерживал Льюиса материально, однако он начал догадываться, что его деньги идут не только сыну. Отсутствующий супруг миссис Мур («Животное», как она его именовала) алименты платил от случая к случаю. Не составляло труда вычислить основной источник ее дохода. Напрямую она получала деньги, разумеется, от Льюиса-младшего, но косвенно – от самого Альберта Льюиса.

Разоблачение было неминуемо. Льюис в очередной раз приехал в Белфаст 28 июля 1919 года, проведя перед этим неделю каникул в Англии с братом Уорни. Альберт Льюис встретил его сурово и потребовал полного финансового отчета. Льюис ответил, что у него на счету имеется около 15 фунтов. Как многие отставники, он держал деньги в банке Сох & Со на Чаринг-кросс роуд, в Лондоне. Этот банк был создан в пору Наполеоновских войн для выплаты солдатского жалования. Альберт Льюис предъявил сыну вскрытое письмо из банка с сообщением, что клиент задолжал 12 фунтов. Льюису пришлось признать, что относительно своей финансовой ситуации он лгал.

Затем последовала бурная и очень неприятная сцена. Льюис заявил отцу, что не питает к нему ни любви, ни уважения. Своему дневнику Льюис-старший жаловался: Льюис-младший его «обманул и наговорил ужасных, омерзительных и оскорбительных вещей». Для него это был «один из самых злосчастных периодов в жизни»²⁰⁴. Хорошо еще, что Альберт не видел письма сына к Артуру Гривзу, в котором Льюис называл себя «привычным лжецом» и ласково подтрунивал над Гривзом за то, что тот столь наивен и «глотает» его «выдумки с жадностью»²⁰⁵.

Но сколько бы Льюис ни восставал против отца, средств для самостоятельного существования у него пока что не было, и не было никакой возможности обеспечить себе финансовую

²⁰² Письмо Артуру Гривзу от 2 июня 1919 // Letters. Vol. 1. P. 454.

²⁰³ См. переписку Уоррена и Альберта Льюиса по этому вопросу: Lewis Papers. Vol. 6. P. 118, 124–125, 129.

²⁰⁴ Lewis Papers. Vol. 6. P. 161.

²⁰⁵ Письмо Артуру Гривзу от 20 февраля 1917 // Letters. Vol. 1. P. 280.

независимость. К облегчению Льюиса, отец не отказал ему в содержании. Несмотря на полное личное отчуждение, Альберт Льюис продолжал оказывать сыну финансовую поддержку, прекрасно понимая при этом, куда пойдет большая часть этих денег. Письма Льюиса отцу в эту пору становятся очень вежливыми, но понадобится еще немало времени, чтобы их отношения сделались более-менее прежними.

Академический год 1919/20 Льюис жил уже за пределами кампуса, в Хидингтоне на Уиндмил-роуд, куда переехала миссис Мур. После первого курса считалось нормальным, если студент обзаводился собственной «норой», и можно было поддерживать фикцию, будто миссис Мур – домохозяйка Льюиса. Второй год в Оксфорде прошел под знаком надвигающихся экзаменов – *Honours Moderations* – они были назначены на март и должны были стать первым испытанием академических успехов Льюиса. В итоге Льюис единственным из тридцати одного испытуемого добился отличия первого класса. Он написал отцу, сообщил эту радостную вест и мимоходом упомянул, что каникулы проведет «с одним человеком», который давно уже просит его «явиться и прогуляться с ним»²⁰⁶. Иными словами, Льюис продолжал обманывать отца: каникулы он проводил с миссис Мур и Морин.

Академические достижения: приз канцлера за лучшее эссе. 1921 год

В Троицын семестр 1920 года Льюис приступил к подготовке к основному экзамену. Древнюю историю ему преподавал Джордж Стивенсон (1880–1952), а философию – Эдгар Кэррит (1876–1964). В письмах домой полно брюзжания по поводу высоких цен на книги. Однако вскоре его мысли обращаются на новый проект. Его «рекомендовали на конкурс эссе на приз канцлера» – этот конкурс должен был состояться в апреле 1921 года. Награда присуждалась лучшему студенческому сочинению на заданную тему, в данном случае – «Оптимизм». Победа послужила бы для него «наилучшей рекламой», писал Льюис отцу, признавая при этом, что конкурс будет «очень напряженным»²⁰⁷.

В итоге Льюис произвел рукопись объемом около одиннадцати тысячи слов и горько жаловался отцу и на то, как дорого взяла машинистка, чтобы перепечатать этот текст, и сколько опечаток она при этом насажала. Объявление результата затягивалось, и нервы Льюиса были уже на пределе. Наконец 24 мая пришло известие о победе. Его пригласили прочесть выбранный профессорами поэзии и ораторского мастерства отрывок на ежегодной *Encaenia* – церемонии присвоения почетных степеней Оксфордского университета, которая проводилась в Шелдонском театре. Среди почетных гостей на церемонии присутствовал Жорж Клемансо, бывший с 1917 по 1920 год премьер-министром Франции. Льюис выступал целых две минуты и писал брату о том, в какой восторг он пришел, когда понял, что его голос разносится по всему огромному зданию²⁰⁸.

Оксфордский издатель и книготорговец Бэзил Блэкуэлл немедленно связался с Льюисом, желая обсудить возможную публикацию эссе, однако это сочинение так и не было издано, а потом и рукопись пропала. По-видимому, Льюис не видел в этом произведении особых литературных достоинств. «Его скоро забудут», – писал он отцу. По-настоящему его интересовал не сам текст, а выигранный конкурс²⁰⁹. Будем надеяться, что Льюис прав. Ни одного экземпляра эссе не уцелело ни в семейных бумагах Льюисов, ни в архивах Оксфордского универ-

²⁰⁶ Письмо Альберту Льюису от 4 апреля 1920 // Ibid. P. 479.

²⁰⁷ Письмо Альберту Льюису от 8 декабря 1920 // Ibid. P. 512.

²⁰⁸ Письмо Уоррену Льюису от 1 июля 1921 // Ibid. P. 556–557.

²⁰⁹ Письмо Альберту Льюису от 17 июня 1921 // Ibid. P. 551.

ситета²¹⁰. Мы так и не узнаем, что Льюис думал про «оптимизм» и в какие выражения облек свои мысли. Мы знаем одно: ему удалось произвести впечатление на жюри и упрочить свою репутацию восходящей звезды на университетском небосклоне.

Перспективы академической карьеры теперь несколько обнадеживали, но отношения с отцом оставались отчужденными и непростыми. Загнанная вглубь проблема связи Льюиса с миссис Мур вновь вышла на передний план и сделалась угрожающей в июле 1921 года, когда Альберт Льюис письменно известил сына о намерении приехать в Англию, навеститься в Оксфорд, повидать сына, а также осмотреть его комнаты в колледже. Встревоженный вероятными последствиями встречи отца с миссис Мур, Льюис поспешно изобрел «друга», из-за которого такой визит делался неудобным. Он утверждал, что «съехал из колледжа» и делит теперь комнаты с человеком, который «по горло занят», нельзя отрывать его от занятий сторонними визитами²¹¹.

В искусстве обмана Льюис зашел так далеко, что создал нечто вроде театральных декораций, поспешно преобразив задние комнаты в доме миссис Мур в подобие «студенческой норы», и ухитрился уговорить другого студента, Ронди Пэсли, погостить у него во время докучливого родительского визита, изображая перетрудившегося и необщительного соседа. Но в итоге отец удовольствовался сытным обедом в отеле «Кларендон» на Корнмаркет и не проявил ни малейшего желания видеть жилье сына или его колледж²¹².

Успехи и провалы: академические достижения и безработица

Последний академический год (1921/22) Льюис готовился в Университи-колледже к финальному экзамену, сосредоточившись на двух целях: отличиться на выпускном испытании в июне, а затем найти работу. Дневник этой поры отражает поразительное количество прочитанных книг, выполненных домашних обязанностей, вовлеченных в разговор друзей и родственников миссис Мур, испробованных вариантов устроиться на работу и безуспешных попыток справиться с нарастающей тревогой и мыслями о том, удастся ли найти место в университете.

Сомнения переросли в мрачную уверенность к маю 1922 года, когда до финального экзамена оставалось меньше месяца. Эдгар Кэррит, тьютор Льюиса по философии, ясно дал понять, что в ближайшее время вакансий в университете не предвидится. По его словам, у Льюиса имелся только один реальный шанс, если уж он твердо выбрал для себя академическую карьеру: провести в Оксфорде еще год и «пройти дополнительный курс»²¹³. То есть Льюису следовало повысить свои шансы на трудоустройство, подготовившись к сдаче еще одного финального экзамена – расширить перечень своих компетенций, добавив к ним помимо *Greats* английскую литературу.

Реджинальд Макан, глава Университи-колледжа, на встрече со своим студентом чуть позже в том же месяце дал ему аналогичный совет. Американский коллега только что попросил Макана рекомендовать многообещающего молодого ученого на годичную стажировку в университете Корнелл (Нью-Йорк). Первым, кого назвал Макан, был Льюис. Однако невысокая стипендия не покрыла бы даже расходов на дорогу, к тому же переезд был бы губителен для личной жизни Льюиса. Разумеется, свой отказ Льюис предпочел обосновать первой из этих причин, а второй с деканом не поделился.

²¹⁰ Благодарю коллег из архива Оксфордского университета и «особого собрания» Бодлианской библиотеки за усердные поиски этого документа.

²¹¹ Письмо Альберту Льюису от 9 июля 1921 // Ibid. P. 569.

²¹² Письмо Уоррену Льюису от 7 августа 1921 // Ibid. P. 570–573.

²¹³ Письмо Альберту Льюису от 18 мая 1922 // Ibid. P. 591.

Макан спросил, что же в таком случае Льюис намерен делать. Услышав, что вершина его стремлений – членство в Оксфордском университете, старый профессор попытался объяснить молодому человеку, как переменялись времена. Та славная довоенная пора, когда блестящий студент мог рассчитывать на место в колледже сразу после выпускного экзамена, давно миновала. Учрежденная в ноябре 1919 года Королевская комиссия по Оксфорду и Кембриджу, она же «комиссия Асквита», выдала Оксфордскому университету ряд рекомендаций, чтобы тот сумел перестроиться и адаптироваться к нуждам послевоенной эпохи. Университет-колледж вынужден был проводить эти реформы, в том числе сокращать часть ставок²¹⁴. Льюису придется приспособливаться к новой ситуации в жизни университета. Ему надо продемонстрировать свою уникальность, получив еще один диплом, а хорошо бы и победить еще в каком-нибудь конкурсе. Макан намекнул, что если Льюис решится пойти этим путем, колледж продлит ему стипендию и платить за обучение не придется.

Льюис написал отцу, изложил полученные советы и объяснил, что из них следует. В этом трезвом письме Льюис пытался обрисовать перемены в послевоенном мире, где может и не найтись места специалисту по таким становящимся «экзотическими» предметам, как классические языки и литература, тем более философия. Если он не сумеет зацепиться за Оксфорд, единственная возможная для него профессия – «учительство», отчаянный выход на крайний случай; ни малейшего призвания к школьной работе Льюис не чувствовал. Да и не слишком-то ценным приобретением он был с точки зрения элитных английских школ. «Неспособность играть в игры», отравившая Льюису пребывание в Малверне, стала бы очевидным минусом и тут. Итак, единственный разумный вариант – сделаться оксфордским доном. Вот от кого спортивных талантов не требуется. Но вместе с тем становилось все очевиднее, что ради этой цели придется добавить к фундаментальному образованию и блистательно сданным *Greats* специальные знания в конкретной области. Каков будет этот дополнительный предмет, Льюис тоже прекрасно понимал: в Оксфорде был только один новый и «перспективный» предмет – английская литература²¹⁵.

Дальнейшие размышления на этот счет пришлось отложить, поскольку все оставшееся время Льюис должен был потратить на подготовку к окончательным экзаменам, назначенным на 8–14 июня. Проверялись знания по римской истории, по логике, он должен был перевести незнакомый отрывок с греческого (из Филострата) и с латыни (из Цицерона). Льюис был не вполне уверен, хорошо ли он сдал, но, по крайней мере, знал, что не провалился.

Покончив с экзаменами, Льюис для успокоения написал в ожидании результатов несколько песен своей поэмы «Даймер». Поэма замышлялась как эпос в духе Гомера, Мильтона и Теннисона. Хотя набрасывать ее Льюис начал еще в Грейт Букхэме, созревание замысла относится к 1922 году. Дневник Льюиса с 1922 по 1924 год содержит многочисленные записи примерно такого содержания: «работал над Д сегодня днем». Мы еще вернемся к этому произведению, опубликованному в 1926 году.

А еще, дожидаясь оценки за экзамен, Льюис пытался как-то исправить свою не слишком благополучную финансовую ситуацию. Чтобы добыть денег, он дал объявление в местной газете *The Oxford Times*, предлагая за август–сентябрь подтянуть школьников или студентов по классическим языкам. Также Льюис откликнулся на вакансию преподавателя классических дисциплин в Ридинге, в полчасе езды на поезде от Оксфорда, однако на собеседовании выяснилось, что если он получит это место, ему придется переехать в Ридинг. Переезд же не рассматривался из-за домашней ситуации Льюиса: Морин очень нравилась школа Хидингтона, и Льюис не желал лишать ее хорошего образования и сложившихся дружб. Он отозвал уже

²¹⁴ *Darwall-Smith, R. History of University College Oxford. P. 447.* Эти изменения произошли в 1926 г.

²¹⁵ Письмо Альберту Льюису от 18 мая 1922 // *Letters. Vol. 1. P. 591–592.*

поданную заявку на вакансию. Как и следовало ожидать, отцу он преподнес другую версию: он, мол, не такой «чистый» филолог-классик, какой требовался Ридингу²¹⁶.

Затем поманила еще одна возможность: вакансия преподавателя классических дисциплин в Магдален-колледже. Льюис подал заявку и сюда, больше из чувства долга, чем действительно надеясь получить место: его заранее предупредили, что скорее всего у него ничего не выйдет. Успешный соискатель должен был определиться в сентябре после конкурсного экзамена. До тех пор Льюис ничего не мог сделать, чтобы повысить свои шансы.

Да и других забот у него хватало. 28 июля он явился на Хай-стрит в Экзаменационную школу Оксфорда на устный экзамен. По воспоминаниям Льюиса, вся процедура длилась не более пяти минут. Его попросили привести доводы в защиту некоторых сделанных в экзаменационных листах высказываний, включая не слишком удачное выражение «бедный старина Платон». Спустя несколько дней миссис Мур в очередной раз переехала, найдя себе на лето новый дом («Хиллсборо») – номер 2 по Вестерн-роуд, в том же Хидингтоне²¹⁷, где можно было прожить несколько месяцев бесплатно. Миссис Мур беспокоилась о финансах ничуть не меньше, чем Льюис, и уступила дом на Варнефорд-роуд в субаренду Родни Пейсли и его жене, а на Вестерн-роуд приняла платного жильца. Им нужно было беречь каждый шиллинг. Миссис Мур также взялась подрабатывать шитьем. В ноябре того же года Льюис поведает дневнику, что миссис Мур несет непосильный груз²¹⁸. Их обоих все более угнетало надвигающееся банкротство.

4 августа Льюис поехал на автобусе в Оксфорд, в Экзаменационную школу, чтобы выяснить, когда появятся результаты финального экзамена. К его удивлению, результаты уже были объявлены. С облегчением Льюис узнал, что оказался в числе девятнадцати студентов, получивших диплом первого класса. Но что делать дальше?

В конце концов все надежды и усилия сосредоточились на том, чтобы получить место преподавателя классических языков в Магдален-колледже²¹⁹. Это была одна из трех вакансий, предлагавшихся в тот год колледжем, и судьба ее решалась в открытом конкурсе – нужно было выдержать серьезный письменный экзамен. 29 сентября Льюис явился на испытание вместе с еще десятью соискателями²²⁰. Уровень конкурентов его смутил, среди них оказались такие будущие светила, как А. С. Юинг (1899–1973) и Э. Р. Доддс (1893–1979). (Доддс в итоге станет в 1936 году Королевским профессором греческого языка в Оксфордском университете.) Понимая, сколь ничтожны его шансы, Льюис сообщил своему дневнику, что будет действовать «так, словно не получил это место» и будет готовиться к курсу английской литературы²²¹. Ждать ответа пришлось до 12 октября, только тогда Льюис узнал, что Магдален-колледж предпочел ему другого кандидата²²². К тому времени Льюис уже, в полном соответствии с советом своих наставников, с головой погрузился в изучение английской литературы.

Сэр Герберт Уоррен (1853–1930), глава Магдален-колледжа, лично написал Льюису в ноябре, уведомляя его о том, что колледж не предоставил ему места преподавателя классических дисциплин, и в свою очередь дал ему кое-какие объяснения. В тот год Магдален-колледж принял трех новых членов, и, по словам Уоррена, Льюису немного не хватило для того, чтобы

²¹⁶ Письмо Альберту Льюису от 20 июля 1922 // Ibid. P. 595.

²¹⁷ После включения Хидингтона в город Оксфорд улица была в 1959 г. переименована в «Холиоук-роуд», чтобы избежать путаницы с другой Вестерн-роуд в южном пригороде Оксфорда Грэндпонте. Изменилась также нумерация домов, так что «Хиллсборо» получил адрес Холиоук-роуд, 14.

²¹⁸ All My Road before Me. P. 123.

²¹⁹ Некоторые биографы предполагают, что речь шла о месте преподавателя философии, но архив Магдален-колледжа однозначно указывает, что это была вакансия «по классическим языкам». См.: Записная книжка главы колледжа (The President's Notebooks). Vol. 20, fols. 99–100. Magdalen College Oxford: MS PR 2/20.

²²⁰ Список 11 кандидатов см.: President's Notebook for 1922 (The President's Notebooks. Vol. 20, fol. 99).

²²¹ All My Road before Me. P. 110.

²²² Ibid. P. 117.

попасть в их число – но факт остается фактом, колледж взял на должность преподавателя классических языков другого кандидата:

Боюсь, вы не сумели полностью продемонстрировать свои возможности, какова бы ни была тому причина, и все же вы показали хороший результат и оказались в числе шести человек, особо отмеченных, как полностью соответствующих уровню наших преподавателей и достойных принятия в члены колледжа, однако, к сожалению, вы не попали в число троих отобранных окончательно²²³.

В письме Уоррена критика и ободрение сочетаются почти в равных долях, но пронизательный читатель сразу увидит здесь утешительный намек: талант у Льюиса есть, только момент оказался неудачным. Вполне вероятно, что ему представится еще одна возможность.

Дневники Льюиса и переписка 1920–1922 года свидетельствуют о личных переживаниях и планах на будущее, в том числе тревогах насчет работы. Если он не сумеет получить место преподавателя классических дисциплин, может быть, выручит философия? Он довольно основательно успел вникнуть в этот предмет за студенческие годы. Озабоченность своим будущим заслоняла от Льюиса другие проблемы, в том числе и серьезные перемены в родной Ирландии. Он до странности редко упоминает грандиозные события 1920–1923 годов, когда Ирландию сотрясали политические конвульсии. Борьба за независимость Ирландии, приобретающая за годы Великой войны новую энергию, переросла в 1919 году в открытое насилие. Британцы теряли одну сельскую область Ирландии за другой, контроль над ними переходил к Ирландской республиканской армии (IRA). В «Кровавое воскресенье» (21 ноября 1920 года) члены ИРА застрелили в Дублине четырнадцать британских оперативников и информаторов. В тот же день британские власти ответили «симметричными мерами», убив четырнадцать человек в парке Крок. Насилие распространилось вплоть до городов на севере, Лондодерри и Белфаста. Протестантская община чувствовала себя под угрозой со стороны республиканских боевиков.

В 1920 году британские власти предложили Ирландии ограниченное самоуправление. Этого оказалось недостаточно. Ирландия требовала не делегированных прав, а полной национальной и политической независимости. Насилие продолжалось. 21 июля 1921 года было заключено перемирие, но и оно не положило конец насилию в Белфасте. В конце концов 6 декабря 1922 года правительство Британии дало согласие на создание Ирландского Свободного государства. Шесть северных графств, населенные преимущественно протестантами, получили месяц на раздумье, хотят ли они войти в состав Ирландского Свободного государства или же остаться в Соединенном Королевстве. Днем позже парламент Северной Ирландии принял решение просить позволения вновь стать частью Соединенного Королевства. Ирландский остров оказался политически разделен.

Льюис до странности равнодушен к этим событиям и не проявляет к ним интереса, хотя они явно отражались на судьбах его родных, а также ирландских друзей. Судя по записи в дневнике, в ту роковую дату 6 декабря 1922 года главным вопросом, который занимал его ум, была не суверенность Ирландии, не политическое будущее Белфаста, не безопасность отца, но следует ли понимать слово «завтрак» как «чашка чая в восемь утра или же как жаркое в одиннадцать утра»²²⁴. Чем объясняется бросающееся в глаза равнодушие к величайшим на его веку политическим и социальным пертурбациям в Ирландии? Самый очевидный ответ, пожалуй, наиболее близок к истине: Льюис перестал ощущать связь с этой страной. Его дом, его настоящая семья и его сердце были в Оксфорде. Центром его семьи вместо Альберта Льюиса сделалась миссис Мур.

²²³ Письмо сэра Герберта Уоррена Льюису от 4 ноября 1922 (Magdalen College Oxford, MS 1026/III/3).

²²⁴ All My Road before Me. P. 151.

Миссис Мур: краеугольный камень в жизни Льюиса

Настала пора более подробно исследовать отношения Льюиса с миссис Мур. Необычная домашняя ситуация Льюиса оставалась неизвестной в Оксфорде. Даже в 1930-е годы большинство знакомых думали, что Льюис – типичный дон-холостяк, живущий со своей «престарелой матушкой» в Хидингтоне. Мало кто знал, что родной матери Льюис лишился еще в детстве и так называемая «матушка» играла в его жизни не столь однозначную роль.

Многие сообщения о личной жизни Льюиса опираются на мнение Уорни, часто выражавшего неприязнь к миссис Мур, а потому и характеризуют эти отношения в сугубо негативных тонах. Миссис Мур предстает эгоистичной, требовательной, склонной командовать женщиной, которая подчас обращалась с Льюисом словно со слугой или мальчиком на побегушках и не могла обеспечить ему интеллектуального общения.

Есть основания хотя бы отчасти согласиться с такой оценкой ситуации применительно ко второй половине 1940-х годов, когда здоровье миссис Мур ослабло и вместе с развивающейся деменцией усилилась и ее сварливость. Но в ту позднюю пору алкоголизм Уорни, пожалуй, доставлял Льюису не меньше хлопот, чем капризы хворой старухи: не следует переносить позднюю ситуацию на ту, что сложилась двадцатью годами ранее. Иная, сравнительно молодая миссис Мур, была рядом, когда Льюису требовалась эмоциональная поддержка и утешение, которых никто из близких не умел или не желал ему предоставить, она была рядом, когда он отбывал на войну во Франции (отказ отца приехать попрощаться больно задел юношу), она была рядом, когда он оправлялся от ран и когда он пытался найти себе работу в Оксфорде. Вполне вероятно, что после того, как Льюис возвратился с фронта, миссис Мур сумела создать для него стабильную, упорядоченную обстановку, облегчив таким образом переход к студенческой и академической жизни.

Не следует забывать: Льюис был разлучен с матерью смертью, а с отцом и братом – неудачным (пусть отец и поступил так из лучших побуждений) решением отправить его в закрытую английскую школу. В 1951 году британский психолог Джон Боулби (1907–1990) представил Всемирной организации здравоохранения исследование, рассматривающее проблемы с душевным здоровьем у детей, чьи семьи разорила война. Главный вывод: детский опыт отношений играет ключевую роль в психологическом развитии личности²²⁵. Боулби создал термин «надежная база» – имея в детстве такую базу, ребенок учится справляться с вызовами жизни, развивает самостоятельность и достигает эмоциональной зрелости. Но это исследование появилось слишком поздно, чтобы исправить принятые Альбертом Льюисом решения. В раннем детстве у Льюиса такая «надежная база» очевидно была, но смерть матери и вынужденное пребывание в интернате ее разрушили.

Слова, которыми Льюис описывает в «Настигнут радостью» последствия утраты, заслуживают пристального внимания: «Уцелели острова; великий материк ушел на дно, подобно Атлантиде»²²⁶. Льюис прибегает к этим географическим образам, передавая свое эмоциональное состояние – утрату стабильности и безопасности и неизбежные следствия такой утраты: тоску по утраченному и мечту вновь обрести его в будущем. Он был подобен моряку, обреченному бороздить под парусом океан, нигде не находя надежного, постоянного пристанища. Тексты, написанные Льюисом в 1920-х, убедительно доказывают, что созданная миссис Мур необычная семья стала для него надежной базой. Миссис Мур обеспечила молодому человеку

²²⁵ См.: *Bowlby, J. Maternal Care and Mental Health*. Geneva, 1952. Более полную цитату см.: *Bowlby, J. A Secure Base: Parent-Child Attachment and Healthy Human Development*. N. Y., 1988. Личный нарратив Боулби в важных пунктах обнаруживает сходство с историей Льюиса, см.: *Dijken van, S. John Bowlby: His Early Life; A Biographical Journey into the Roots of Attachment Theory*. L., 1998.

²²⁶ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 287.

эмоциональную поддержку и ободряла его, когда он искал работу и должен был как-то пережить первые неудачи на этом пути. Но что правда, то правда – интеллектуалкой она не была и не могла разделить его академические интересы. Этим, вероятно, объясняется то притяжение, которое Льюис впоследствии будет испытывать к умным женщинам, способным писать серьезные книги. Но, по-видимому, миссис Мур обеспечила Льюиса тем, в чем он нуждался в пору становления своей академической карьеры.

Что еще более очевидно – она предоставила ему готовую семью. Дневники Льюиса в период с 1922 по 1925 год показывают, как складывается устойчивое и надежное семейное окружение, то, что Льюис утратил со смертью матери и отъездом из «Маленького Ли». Морин стала его сестрой, и он чувствовал себя ее братом. О Морин часто забывают, рассуждая о развитии Льюиса в студенческие годы и после, но в его дневниках ей воздается больше, чем многие догадываются.

Правда и то, что Льюису приходилось исполнять всякого рода домашние поручения, бегать в магазин за маргарином, забирать сумочку миссис Мур, забытую на автобусной остановке, или без промедления чинить карниз, обвалившийся в ее спальне. Но он был единственным мужчиной в доме и, как кажется, охотно нес свою долю общих забот, не менее других заинтересованный в том, чтобы общая жизнь шла гладко. Эти поручения кто-то должен был исполнять – вот Льюис и делал это. К тому же со временем он стал понимать их как часть традиции «рыцарской любви», благородного кодекса чести, который обязывал молодого человека «покорно удовлетворять малейшие прихоти дамы» и пройти сквозь жар и холод по повелению своей госпожи²²⁷. Таким образом домашние дела наполнялись смыслом и достоинством, как благородные примеры «куртуазного ухаживания».

Благодаря миссис Мур расширился и круг общения Льюиса. Она была чуть ли не слишком гостеприимна, регулярно приглашала к ужину родных и друзей. Льюис начал приобретать те навыки отношений и тот эмоциональный интеллект, которые у него вряд ли появились бы, останься он взаперти в стенах Университи-колледжа. Он сам первый признавал, что его круг друзей был слишком узок. «Я склонен считать свой собственный круг, состоящий в основном из интересующихся литературой джентльменов, центральным, нормальным и представительным», – сообщал он отцу²²⁸. Пока Льюис готовился к финальному экзамену по классическим предметам, друзей у него особо не прибавилось; более того, он стяжал прозвище «тяжелый Льюис»²²⁹, потому что студенты считали, что он неуклюж в попытках сблизиться с товарищами. (Нелестное прозвище, возможно, обыгрывает название *легкого* пулемета Льюиса, использовавшегося в Великой войне.) Способность выстраивать отношения с людьми появилась у Льюиса сравнительно поздно, и ею он более обязан кругу миссис Мур, чем своему собственному.

В дом Муров регулярно заглядывали и подружки Морин из школы Хидингтон. Одна из них, Мэри Уиблин, особенно часто фигурирует в дневниках Льюиса в начале 1920-х. Уиблин, ласковое прозвище «Смадж», преподавала Морин музыку, а Льюис расплачивался за это уроками латыни. Существуют намеки на зарождавшийся между ними романтический интерес, но из этого ничего не вышло – возможно, причина опять же в сложных отношениях Льюиса с миссис Мур.

Диплом по английской литературе. 1922–1923

Оксфорд запоздал с признанием английской литературы как предмета, достойного серьезного изучения на академическом уровне. В Лондоне уже с 1830-х годов и Универ-

²²⁷ Аллегория любви // Избранные работы по истории культуры [сост., пер. и комм. Н. Эппле; под ред. Н. Л. Трауберг; предисл. У. Хупера]. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 22.

²²⁸ Письмо Альберту Льюису от 27 июня 1921 // Letters. Vol. 1. P. 554.

²²⁹ All My Road before Me. P. 240.

сити-колледж, и Кингз-колледж предлагали дипломы по этому предмету. Растущий интерес к родной литературе обуславливался целым рядом факторов. Длительное правление королевы Виктории способствовало формированию сильного национального чувства. Что не менее важно, многие проницательные политики осознали необходимость знать и любить богатую литературную традицию отечества. Вехой на этом пути стало создание кафедры английского языка и литературы в Оксфорде в 1882 году. Однако дипломной специальности по английской литературе не существовало вплоть до 1894 года, вопреки растущему спросу²³⁰.

Дело попросту в том, что Оксфорд противился подобным нововведениям. Создание Школы английской литературы в 1894 году сопровождалось ожесточенными раздорами. Многие насмехались: нашли, наконец, что изучать слабым студентам – легкий и никому не нужный предмет. Других волновало появление нового диплома, который неизбежно будет считаться второсортным. Экзамены по классическим языкам – серьезные, требуют конкретных знаний, а по английской литературе что спрашивать сверх произвольных рассуждений о романах и стихах? Как можно приравнять к академической работе «пустую болтовню о Шелли»²³¹? Это что-то поверхностное, субъективное, такие вещи в Оксфордском университете не поощряются.

Тем не менее давление сторонников университетского курса английской литературы все возрастало²³². Многие традиционалисты в Оксфорде по-прежнему рассматривали этот курс как облегченный, предназначенный для не слишком талантливых юношей, которые пополнят ряды преподавателей частных школ, и, разумеется, для женщин. Многие девушки, недопущенные к изучению точных наук и классических языков, выбирали английскую литературу как одну из немногих открывавшихся перед ними дверей к высшему образованию. С 1892 года Ассоциация поощрения высшего образования для женщин в Оксфорде организовывала лекции и семинары для своих членов, и английская литература играла там главную роль.

Вторая группа студентов, потянувшихся к изучению английской литературы под конец викторианской эпохи, – будущие колониальные чиновники. Индийская гражданская служба, желая обеспечить себя лучшими кадрами, ввела с 1855 года обязательные экзамены по английскому языку. Те студенты Оксфорда, которые планировали делать карьеру в Индии, учуяли, куда ветер дует, и взялись изучать английскую литературу. При этом в Оксфорде упор делался больше на эпитет *английская*, чем на существительное *литература*: по мере того, как британский империализм под конец викторианской эпохи и затем в эдвардианский период распространялся все шире, английская литература превращалась в доказательство культурного превосходства метрополии над выскочками-американцами и мятежными колониями.

Победа над Германией в Великой войне также способствовала некоторому подъему национализма и добавила к изучению английской литературы патриотическую мотивацию. Однако в изучении английской литературы в Оксфорде сильнее сказались иные факторы, помимо рожденного национализма.

Для очень многих вдумчивых умов литература открывала возможность преодолеть травмы и разрушения, причиненные войной, позволяла по-новому сформулировать терзавшие их вопросы и найти более глубокие духовные ответы, не ограничиваясь ура-патриотизмом истеблишмента.

Одним из важнейших факторов такого рода стало, наверное, появление «военных поэтов». Многим их творчество приносило утешение, позволяя увидеть ужасы войны в ином и более осмысленном свете. Другие присматривались к тому, как эти поэты выражают вполне естественный гнев на жестокость и бессмысленность войны, и искали способы придать этому

²³⁰ Напр.: *Collins, J. Ch. The Study of English Literature: A Plea for Its Recognition and Organization at the Universities. L., 1891.*

²³¹ Мнение Эдварда Огастуса Фримена (1823–1892), который в 1887 г. был заслуженным профессором (Regius Professor) истории в Оксфорде см.: *Kernan, A. The Death of Literature. New Haven, CT, 1990. P. 38.*

²³² *Eagleton, T. Literary Theory. Oxford, 2008. P. 15–46.*

гневу политически и социально конструктивные формы. Иными словами, мотивация для изучения английской литературы в первое послевоенное десятилетие была сложной, но вполне реальной, и она пробудила интерес к той области знаний, что прежде считалась культурно и интеллектуально ущербной по сравнению с изучением классики.

К началу 1920-х годов Оксфордская школа английского языка и литературы существенно расширилась, воспользовавшись послевоенным приливом интереса к своим предметам. По перечисленным выше историческим причинам большинство здесь поначалу все еще составляли девушки-студентки и молодежь, собиравшаяся служить в Индии. По мере того как школа разрасталась, колледжи стали обращать внимание на эту тенденцию, начали создавать вакансии тьюторов по английскому языку и литературе. Едва ли этого мог не заметить Льюис, и раз уж ему не удавалось получить должность преподавателя классических языков или философии, то вот альтернативная возможность.

Он приступил к занятиям английским языком и литературой 13 октября 1922 года, встретившись с А. С. Л. Фаркухарсоном в Университи-колледже и обсудив с ним программу своих занятий. Фаркухарсон посоветовал Льюису поехать в Германию изучать немецкий: будущее, как он полагал, за европейскими литературами, и в этой области должны появиться вакансии. По очевидным причинам Льюис отказался следовать этому совету. Ни миссис Мур, ни Морин не обрадовались бы ни поездке Льюиса в стан недавнего врага, ни его продолжительному отсутствию, когда по дому всегда найдется немало мужских дел.

Учеба показалась Льюису изматывающей. Потребовалось не только полное погружение в весьма обширную литературу, но и приобретение лингвистических навыков, чтобы разобраться в наиболее древних текстах. Но главная проблема заключалась в том, что Льюис решил менее чем за девять месяцев справиться с курсом, рассчитанным на три года. Обычно первокурсник год занимался основной литературой, а следующие два года отводил более подробному изучению, но Льюис был освобожден от базового курса, как человек, уже имеющий оксфордскую степень, и тем не менее нужно было уместить в один год программу двух старших курсов, иначе он бы не мог претендовать на диплом «с отличием», а получил бы только свидетельство об окончании курса. Льюису непременно требовался диплом первого класса, чтобы подтвердить свой потенциал и обеспечить себе наконец работу в университете.

В ту пору между двумя старинными университетами наметился серьезный разрыв в подходе к английской литературе. Оксфорд в 1920-е – 1930-е годы сосредоточился на исторических, текстологических и филологических вопросах, а Кембриджская школа, во главе с наставниками вроде Ричардса (1893–1979) и Ф. Р. Ливиса (1895–1978), выбрала более теоретический подход, рассматривая литературные произведения как «тексты» или «объекты», которые можно подвергнуть научному литературному критицизму. Льюис чувствовал себя как дома в оксфордской школе. Он предпочитал именно авторов и их тексты, а литературная теория вызывала у него отвращение, что ощущается во всех академических работах Льюиса до конца его жизни.

Изучение английской литературы поглощало все силы. За академический год 1922/23 он написал сравнительно мало писем, и в них часто упоминается растущий интерес к древнеанглийскому (англосаксонскому) языку и проблемы, с которыми он сталкивался при его изучении. Он также обнаружил заметную социальную разницу между своими прежними однокурсниками и теми, с кем учился теперь: в основном это «женщины, индийцы и американцы», сообщает он своему дневнику, отличающиеся «некоторым дилетантизмом» по сравнению с будущими специалистами по античности²³³. Дневник за Михайлов семестр 1922 года ощутимо выдает интеллектуальное одиночество, изредка облегчаемое интересными лекциями и вдох-

²³³ All My Road before Me. P. 120.

новляющими беседами. Но по большей части умственные радости Льюис черпал из книг, засиживаясь часто до полуночи, чтобы разделаться со своим списком для чтения.

Однако стали возникать отношения, дополнявшие (заменить они никогда не смогут) его давнюю дружбу с Артуром Гривзом. Два человека оказались для него особенно важны. С Оуэном Барфилдом (1898–1997) Льюис познакомился еще в 1919 году. Барфилд тогда изучал английский в колледже Уэдхем. Льюис сразу распознал в нем человека и умного, и хорошо начитанного, хотя расходился с ним в мнениях практически обо всем. «Барфилд, наверное, забыл больше, чем я когда-либо знал», сокрушался он в дневнике²³⁴.

Льюис называл Барфилда «лучшим и мудрейшим из неофициальных моих учителей»²³⁵ и охотно поправлял свои ошибки, следуя его советам. В качестве примера Льюис приводит случай, когда он назвал философию «предметом». «Для Платона она не была предметом, – заметил Барфилд, – она была путем»²³⁶. Интерес Барфилда к философии Рудольфа Штайнера, «антропософии», зародился, когда Оуэн прослушал в 1924 году лекцию Штайнера, пытавшегося распространить научный метод на духовный опыт человека, и с этого начался их длительный спор с Льюисом, который в ту пору был атеистом. Позднее Льюис шутливо пишет о «великой распри», происходившей между ними и по этому вопросу, и по многим другим. «Все то, от чего я так старательно избавлялся в самом себе, вновь ожило и ярко вспыхнуло в ближайших моих друзьях»²³⁷. Постепенно он почувствовал себя словно в осажденной крепости под градом вопросов, которые задавал ему Барфилд и на которые Льюис не мог дать удовлетворительного (прежде всего для самого себя) ответа²³⁸.

Но, несмотря на разногласия с Барфилдом, Льюис приписывал ему две важные перемены в собственном образе мыслей. Прежде всего Льюис избавился от «хронологического снобизма»: «Я уже не мог просто принимать распространенные в наш век идеи и предвзято думать, что все устаревшее заведомо можно отвергнуть»²³⁹. Вторая перемена связана с отношением к реальности. Льюис, как большинство его современников, склонен был предполагать, что «вселенная, открываемая нам в чувствах», и есть «неколебимая реальность». По его мнению, то был наиболее здравый и экономный подход к тем вещам, которые он считал сугубо научными. «Мне хотелось, чтобы Природа совершенно не зависела от нашего внимания, чтобы она была чем-то другим, безразличным и самодостаточным»²⁴⁰. Но как насчет моральных суждений? Или чувства радости? Или переживания красоты? Как эти субъективные мысли и чувства вписываются в такую картину вселенной?

То был не праздный вопрос. Студентом в Оксфорде Льюис оказался под влиянием того, что он окрестил «новым взглядом» – рационалистического мышления, которое привело его к убеждению, что следует отказаться от надежды, будто мимолетные феномены Радости могут открыть ему подлинный смысл жизни²⁴¹. Льюис отдался этому потоку, погрузился в модный на тот момент образ мыслей. Он поверил, будто его детские желания, стремления и переживания доказано лишены смысла. Он решил, что «с этим покончено». Он «разоблачил» Радость. Больше он «не попадет на эту приманку»²⁴².

²³⁴ Ibid. P. 53.

²³⁵ Аллегория любви // Избранные работы по истории культуры, С. 18.

²³⁶ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 427.

²³⁷ Там же. С. 412. Полный текст переписки времен «великой распри» с иллюстрациями см.: Letters. Vol. 3. P. 1600–1646.

²³⁸ Лучшее исследование этой фазы в жизни Льюиса см.: Adey, L. C. S. Lewis's "Great War" with Owen Barfield. Victoria, BC, 1978.

²³⁹ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 413.

²⁴⁰ Там же. С. 414.

²⁴¹ Подробный анализ этого подхода см.: McGrath, A. The 'New Look': Lewis's Philosophical Context at Oxford in the 1920s // The Intellectual World of C. S. Lewis.

²⁴² Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 411.

Но Барфилд убедил его в непоследовательности самого этого рассуждения: Льюис положился как раз на те логические схемы, которые отвергал, когда утверждался в знании якобы «объективного» мира. Последовательный вывод из веры во «вселенную, познаваемую чувствами», – «пойти дальше и разделить взгляды бихевиористов на логику, этику и эстетику». Но в их взгляды Льюис никак не мог поверить. Оставалась альтернатива, полностью признающая важность моральной и эстетической интуиции человека и не сбрасывающая ее со счетов. Для Льюиса оставался возможным лишь один вывод: «Наше мышление причастно космическому Логосу»²⁴³. И куда вел этот ход рассуждений?

Эту тему он исследовал в рассказе под названием «Человек, рожденный слепым»²⁴⁴. Этот рассказ особенно значим, поскольку это, по-видимому, первый дошедший до нас образчик взрослой прозы Льюиса. Текст не слишком хорош и имеет мало общего со зрелым стилем Льюиса и его мощной, доходящей до видений фантазией. Эта притча уложилась менее чем в две тысячи слов, и относится она к эпохе до обращения Льюиса в христианство. Основной сюжет – к человеку, родившемуся слепым, возвращается зрение. Он ожидал увидеть свет, но он не понимает, что свет не есть нечто видимое – это то, *благодаря чему* мы видим все остальное.

Льюис полагал, что человеческая мысль зависит от «космического Логоса», который сам по себе невидим и непостижим и даже *не способен* стать видимым или постижимым, но тем не менее он – необходимое условие для нашего зрения и понимания. Можно истолковать эту идею в духе Платона, однако раннехристианские авторы, выросшие на Платоне (такие, как блаж. Августин, 354–430), умели показать, как легко адаптировать Платона к христианскому мировоззрению, где Бог – тот, кто освещает реальность и позволяет людям различать ее черты.

Второй важной дружбой, сложившейся во время изучения английской литературы, стали отношения с Невиллом Когхиллом (1899–1980), ирландским студентом, который тоже участвовал в Великой войне. Он получил диплом первой степени в Эксетер-колледже и решил заняться английским. Как и Льюис, он пытался уместить весь курс в один год. Молодые люди познакомились на дискуссии, организованной профессором Джорджем Гордоном, и каждый оценил те открытия, которые делал другой при чтении общих текстов. Это чтение, вспоминал Когхилл, было «постоянным опьянением открытиями»²⁴⁵, которые приводили к спорам, и обсуждение продолжалось на затяжных прогулках по сельской местности близ Оксфорда. Когхилл сыграл важную роль в формировании зрелых идей Льюиса.

Трудный год интенсивных занятий завершился в июне 1923 года, когда Льюис сдал последние экзамены. Дневник за эти дни отражает его разочарование: Льюису казалось, что он не сумел показать наилучший результат. Для успокоения он пока что косил лужайку перед домом. Устные экзамены были назначены на 10 июля. Выпускник, как полагается, оделся в *sub fusc* – черная мантия, темный костюм, белый галстук-бабочка – и вместе с другими кандидатами предстал перед комиссией. Экзаменаторы отпустили всех, кроме шестерых, чьи ответы они желали разобрать подробнее. Льюис оказался одним из тех, кого ожидала пытка устного собеседования.

Через два с лишним часа очередь дошла до него. У экзаменаторов имелись некоторые сомнения по поводу его письменной работы. В ответе на один вопрос он использовал эпитет *little-est*. Чем он объяснит столь странное словоупотребление? Не моргнув глазом, Льюис дал ответ: это слово можно найти в переписке Сэмюэля Тэйлора Кольриджа с Томасом Пулем²⁴⁶. А не слишком ли сурово он отзывается о Драйдене? Льюис полагал, что не слишком, и опять-таки сумел обосновать свое мнение. Разговор длился всего несколько минут – и Льюиса отпу-

²⁴³ Там же. С. 414.

²⁴⁴ *The Man Born Blind // Essay Collection and Other Short Pieces*. Ed. by L. Walmsley. L., 2000. P. 783–786.

²⁴⁵ *Gibb, J. Light on C. S. Lewis*. L., 1965. P. 52.

²⁴⁶ *All My Road before Me*. P. 256.

стили с миром. На том устный экзамен и закончился. Льюис вышел из корпуса, где проходило собеседование, и поспешил домой. Ему хватало других забот – например, о том, как заработать немного денег. Он взялся в то лето участвовать в экзаменах на школьный аттестат, читать сотни по большей части занудных сочинений. А миссис Мур, чтобы покрыть расходы, брала платных жильцов.

16 июля были опубликованы результаты экзамена. Только шестеро из 90 кандидатов получили диплом первого класса, в их числе – Н. Дж. А. Когхилл (Эксетер) и К. С. Льюис (Университи).

Итак, Льюис получил «тройной первый», не такой уж частый случай в Оксфорде. И все же он оставался не у дел. Высококвалифицированный и высокообразованный, но, как сказал он позже отцу, «безработный и непристроенный»²⁴⁷ – в ту пору, когда экономический упадок охватил большую часть западного мира. Перспективы тоже выглядели мрачно. Льюис пытался заработать, как мог, искал учеников, нуждающихся в репетиторе, брался писать статьи для газет и журналов. Деньги нужны были отчаянно.

Почему же к тому времени Университи-колледж не создал собственную ставку преподавателя английского языка и литературы? Ведь уже в 1896 году колледж пригласил Эрнеста де Селинкура читать лекции по английской литературе, опередив в этом все прочие колледжи²⁴⁸. Однако членом колледжа Селинкур так и не стал и в 1908 году перешел в Бирмингемский университет, возглавив только что сформированную там английскую кафедру. После Великой войны все больше появлялось желающих изучать этот предмет. И, что самое важное, в лице Льюиса колледж располагал выдающимся талантом: вот, казалось бы, кто может справиться с подобной задачей.

Ответ на загадку – в завещании, сделанном в пользу колледжа одним из бывших его членов Робертом Майнорсом (1817–1895)²⁴⁹. Майнорс, успешный юрист, оставил колледжу средства на ставку члена колледжа «для изучения и преподавания социальных наук». Эти деньги колледж получил в 1920 году, и в 1924 году принял решение создать новую ставку по экономике и политике. И такая скромная прибавка к имеющемуся составу колледжа – все, на что в тот момент был готов Университи. Ставка по английскому языку и литературе появится лишь в 1949 году и достанется Питеру Бейли.

Надежды Льюиса получить работу где-нибудь в Оксфорде за пределами родного колледжа пережили множество подъемов и спадов. Колледж Сент-Джонс искал тьютора по философии. Льюис попытал счастья – снова впустую. К маю 1924 года он все еще оставался без работы, кое-как перебиваясь случайными заработками. В письмах отцу речь идет о жизни впроголодь; только самое необходимое. Потом поманила надежда на вакансию в Тринити-колледже, но и это могло оказаться такой же пустой мечтой, как и все прежние.

Затем вмешалась судьба. В апреле 1923 года Реджинальд Макан покинул пост главы колледжа, и его преемником в Университи стал сэр Майкл Сэдлер²⁵⁰. Сэдлер с одобрением прочел летом 1923 года работу Льюиса и рекомендовал его коллегам, работающим в издательстве, как рецензента. 11 мая 1924 года Льюис взволнованно пишет отцу: Эдгар Кэррит, его наставник по философии в Университи-колледже, отправляется на год преподавать в Анн Арбор (Мичиган). Колледжу требуется временная замена. Сэдлер предложил Льюису эту работу со ставкой двести фунтов в год. Не слишком много, но лучше, чем ничего. Работать предстояло под руководством другого прежнего учителя – Фаркухарсона. И постепенно из этого может родиться

²⁴⁷ Письмо Альберту Льюису от 1 июля 1923 // *Letters*. Vol. 1. P. 610.

²⁴⁸ *Bayley, P. Family Matters III: The English Rising // University College Record 14* (2006). P. 115–116.

²⁴⁹ *Darwall-Smith, R. History of University College*. P. 449.

²⁵⁰ *Ibid.* P. 447–452.

что-то получше. Кстати, если в Тринити-колледже его все-таки возьмут, ему будет позволено отказаться от предложения Университи²⁵¹.

Тринити-колледжу Льюис пришелся по душе. Его пригласили на обед – традиционный для Оксфорда способ познакомиться с серьезным кандидатом на вакансию. Но в итоге члены колледжа решили, что другой соискатель нравится им еще больше. Льюис снова проиграл. Но на этот раз у него по крайней мере был запасной вариант.

У Льюиса была теперь работа, пусть и не такая, о какой он в глубине души мечтал. Он преподавал философию, а хотел-то он стать поэтом. Истинной любовью его жизни в ту пору оставался «Даймер», и на него делалась основная ставка в будущем. Но вышло так – разочарованный поэт преподавал философию, чтобы не умереть с голоду. Не первый поэт в подобной ситуации. Томас Стернс Элиот (1888–1965), чьи стихи Льюис, правда, презирал, творил, работая в Колониальном и зарубежном отделе лондонского банка Ллойдс.

Неприязнь к Элиоту побудила Льюиса покуситься на розыгрыш. В июне 1926 года он вздумал послать в журнал *New Criterion*, который выпускал Элиот, цикл пародийных стихотворений, подражающих его стилю. Льюис надеялся, что Элиот купится и опубликует пародию как подлинную поэзию. Генри Йорк, участвовавший в этом заговоре, сочинил великолепную первую строку: «Моя душа – беззаконный фасад»²⁵². Увы, в качестве рифмы Льюис не мог подобрать ничего, кроме разоблачительного «маркиз де Сад», и в итоге от озорного замысла пришлось отказаться.

Творчество помогало Льюису избавиться от внутреннего напряжения, пусть и не способствовало обретению работы. Опубликованная в 1926 году поэма «Даймер» представляла собой стихотворное переложение более ранней прозаической версии. Ни коммерческого успеха, ни славы она не принесла, и можно обоснованно предположить, что провал этого творения знаменует конец мечтаний Льюиса сделаться признанным поэтом – английским ли, ирландским ли. Ведь первоначально открывалась и такая возможность – прозвучать ирландским голосом в поэзии, однако в Оксфорде Льюис быстро понял, насколько узок интерес к ирландской литературе. Почему, спрашивается, Йейтса не ценили в оксфордских литературных кругах? «Вероятно, – замечает Льюис, – его обаяние – чисто ирландское»²⁵³. Вместе с тем Льюис понимал теперь, что его собственный голос никак не может считаться «ирландским». Он был атеистом – точнее, атеистом из ольстерских протестантов, что никак не соответствовало уравнению «ирландец – значит, католик». Да и в любом случае он еще ребенком уехал из Ирландии в Англию, продав первородство, как сказали бы его критики, за английское образование. И наконец, Льюис не писал на сугубо ирландские темы, он явно склонялся к классическим универсальным сюжетам, а не к тем, которые традиционно выбирали поэты, позиционировавшие себя как «ирландские». Ирландский ландшафт повлиял на формирование его голоса, но этот голос не заговорил явно о своих корнях.

При чтении «Даймера» я порой восхищался элегантным выбором слов и философской пронизательностью той или иной строки, но подобные моменты интеллектуального удовольствия случались нечасто. Целое оказалось хуже своих частей. Проблески гения не удалось развить, их подавляет обилие плоских и незвучных строк. «Даймер» как поэма попросту не состоялся. Один из друзей Оуэна Барфилда замечал: «Хорошее владение метрикой, изрядный словарь, но Поэзии – ни строчки»²⁵⁴.

Трудно в точности установить, в какой именно момент Льюис окончательно смирился с мыслью, что на поэтическом поприще он никогда не добьется признания. Он и впредь будет

²⁵¹ Письмо Альберту Льюису от 11 мая 1924 // *Letters*. Vol. 1. P. 627–630.

²⁵² *All My Road before Me*. P. 409–410. Сюжет развивается спустя несколько дней: *Ibid*. P. 412–414.

²⁵³ Письмо Артуру Гривзу от 4 (?) ноября 1917 // *Letters*. Vol. 1. P. 342.

²⁵⁴ Льюис приводит это суждение в дневнике за 26 января 1927: *All My Road before Me*. P. 438.

писать стихи для собственного удовольствия, для прояснения мыслей. Провал опубликованного в 1926 году «Даймера» не привел ни к утрате уверенности в себе, ни к необходимости пересмотреть жизненные ориентиры. Со временем Льюис обретет свое истинное призвание в литературе – прозу. «Даймер» парадоксальным образом уже указывает, почему Льюис заслужил такое признание и славу – в его прозе ощущается поэтическая фантазия, искусно отточенные фразы сохраняются в памяти благодаря тому, что успевают поразить воображение. Эти качества мы склонны приписывать хорошей поэзии – такое умение слышать звучание слов, находить богатые и стимулирующие мысль аналогии и образы, живые описания, лирическое чувство, – и все это мы обретаем в прозе Льюиса.

Член Магдален-колледжа

В 1924/25 учебном году Льюис преподавал философию в Университи-колледже и читал лекции на различные философские темы. Он был занят по горло, в дневнике нет ни одной записи с 3 августа 1924 года по 5 февраля 1925 года. Льюис прочел 16 лекций на тему: «Благо и его место среди ценностей». На первой его лекции присутствовало всего четверо слушателей (сильную конкуренцию Льюису составил Г. А. Притчард, и к тому же университетское расписание ошибочно уведомило доверчивых читателей, будто лекция Льюиса состоится совершенно в другом месте – в колледже Пемброк)²⁵⁵

²⁵⁵ Письмо Альберту Льюису от 15 октября 1924 // *Letters*. Vol. 1. P. 635.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.